ПОНЯТИЕ МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ
(к постановке проблемы)

Туманян В.С.

Методология политической науки – сложное, многогранное и многомерное интеллектуальное и практическо-поведенческого характера явление. Она сложилась в процессе познания закономерностей становления и развития общественно-политической жизни.

Познание политической жизни, как и социальное познание в целом, существенно отличается от познания явлений природы. В отличие от природы в общественно-политической жизни ничто не делается без сознательного поведения людей. Воля, поведение, практическая деятельность людей всегда осознаны и целенаправлены. Они обусловлены их интересами и потребностями. Именно эти обстоятельства и особенности социально-политической жизни детерминируют характер методологических принципов, способов и методов исследования политической жизни.

Социально-политическая жизнь людей существенно отличается от природных явлений и процессов и тем, что она более динамична, быстротечна, качественные изменения в ней происходят в сравнительно короткое время. Вместе с прогрессом политической жизни людей меняются их интересы и потребности, выдвигаются новые цели и задачи, меняются также методы и способы их исследования и оценки.

Развитие и качественное изменение методологии политической науки непосредственно связаны с историческими процессами развития и качественного изменения общественно-политической жизни. Данные гносеологического и методологического характера позволили провести периодизацию, выделить наиболее существенные этапы в истории методологии политической науки, показать существенные признаки и особенности методологического инструментария, характерного для отдельных этапов.

Применение в методологии политической науки новых принципов и методов исследования непосредственно обусловлено также природой исторического прогресса. Каждое методологическое средство имеет свои конкретные детерминанты объективного и субъективного характера.

В этом оспекте считается авторитетным мнение, высказанное в американском учебнике "Методы политического исследования: основы и техника". Авторы учебника выделяют четыре основных периода: 1) **классический** (до Х1Х в.), связанный в основном с дедуктивным, логико-философским и морально-аксиологическим подходами;
2) **институциональный** (Х1Х – начало ХХ века), когда на передний план выходят историко-сравнительный и нормативно-институциональный методы;
3) **бихевиоралистский** (20 – 70-е гг.), когда стали активно применяться количественные методы;
4) в последней трети ХХ века наступил новый, **постбихевиоралистский этап**, характеризующийся сочетанием "традиционных" и "новых" методов[1].

Такая периодизация, безусловно, имеет определенное научно-познавательное и методологическое значение. Однако, проблемы исследования и научного осмысления сущности, характерных особенностей и теоретической, аксиологической, гносеологической, идеологической и праксиологической ценностей методологии политической науки еще остаются в ряду наиболее актуальных задач современного обществознания. Более того современная методологическая картина познания политической жизни еще не соответствует действительному состоянию развития политической теории политической науки. Вот почему можно считать вполне логичным замечание В.В.Ильина о том, что "Отработанной методологии политологии пока не сложилось. Причины этого многообразны и глубоки, но в итоге проистекают из общей плачевной ситуации в методологии обществознания"[2].

На этот факт обратил внимание и К.А.Мирумян. Он не только констатирует наличие значительных пробелов в методологии политической науки, но и показывает наиболее существенные причины такого состояния. К.А.Мирумян в своем недавно вышедшем объемистом труде "История политической науки" пишет: "Крушение советской официальной идеологии на деле привело к образованию идейного и духовного вакуума, "пустых пространств", которые быстро заполняются либо инородными заимствованиями, либо идеями и ценностями национального прошлого, воспринимаемых и усваиваемых к тому же некритично, поверхностно, но тем не менее (а может и поэтому) быстро овладевающих массовым сознанием"[3]. Там же подчеркивается, что "Вследствие этого возник методологический вакуум, который фактически продолжается по сей день и наиболее явственно проявляется в общественных науках"[4].

Не драматизируя проблему, все-таки нельзя не заметить наличие действительно существенных пробелов в теории методологии политической науки, на что обращают внимание специалисты-политологи. Правда, не все недостатки и упущения являются результатами советского тоталитарного строя и развала социалистической системы. Но тем не менее, эти факты сыграли существенную роль в возникновении различных пробелов и недостатков в методологии политической науки.

Неоспоримый факт, что после развала Советского Союза и мировой социалистической системы критика марксистского учения, идеологии и методологии стала модной. Уместная объективная критика, безусловно, справедлива и полезна. Существенное изменение в общественно-политической жизни, прогресс в сфере демократии, свобода мысли и творчества благоприятно влияют на политическую жизнь, стимулируют деятельность людей. Значительные изменения просходили (и происходят) в области политической науки. Было создано немало хороших, привлекательных работ, в которых на конкретных фактах анализируются различные теоретические и методологические положения марксистского учения, выявляются неточные, чересчур политизированные, порой и ненаучные доводы и заключения. Свобода мысли и творчества, возможность опубликовать любые (кроме законом запрещенные) работы, выйти на широкую научно-исследовательскую, идеологическую и пропагандистскую арену.

Результаты, эффективность, ценность, научный характер и полезность творческих исследований в области политической науки во многом зависят не только от компетентности людей, уровня их интеллектуального развития, политической зрелости и ориентации, ясного представления сути проблемы и цели исследования, трезвой оценки своих возможностей и места в лоне политической жизни, но и от таких факторов принципиального характера,

каковыми являются объективное, непредвзятое и беспристрастное отношение к людям, их взглядам, созданным ими духовным ценностям. Новое в науке невозможно создать без умелого использования тех духовных ценностей, которые оставлены нам в наследство предыдущими поколениями. Такова закономерность развития политической науки. В условиях демократизации общественно-политической жизни, свободы слова и творчества новое поколение создало много ценного.

Однако, как бывает в периоды больших перемен и трансформаций в общественно-политической жизни, вместе с жизненно важными изменениями выплескивается много ненужного, зачастую ненаучного в понимании общественно-политической жизни. Это относится и к методологии политической науки. Появились разнообразные подходы, начиная от слепого подражания различным теоретическим и методологическим концепциям без серьезного критического анализа и осмысления, кончая голым отказом или игнорированием тех духовных ценностей, которые содержатся в прежних теоретических, гносеологических и методологических концепциях. Именно такое отношение проявляется к марксистскому учению. Немало случаев, когда отдельные горе-теоретики пытаются отрицать или игнорировать даже такие принципы и методы исследования, ценность и значение которых подтверждены историей общественно-политического развития и практикой научно-исследовательских работ. Здесь уместно привести высказывание авторов коллективного труда, учебника для вузов "История политических и правовых учений: "Но как бы ни видиоизменялись подходы к тем или иным взглядам Маркса и Энгельса на политику, государство, право, закон, как бы ни варьировались их оценки, одно остается несомненным: эти взгляды навсегда вошли в историю всемирной политико-юридической мысли, составляют ее солидный пласт. Они сыграли и играют значительную социальную роль. Без всестороннего постижения марксизма невозможно представить истинной картины политической и духовной жизни мира Х1Х и ХХ вв"[5].

На сегодняшний день имеется достаточное основание констатировать, что в методологии политической науки имеются существенные пробелы. Во многих исследованиях замечается односторонний подход. Акцентируется то концептуальное, то институциональное, то инструментальное, то формально-логическое, то процессуально-техническое содержание методологии. Причем, как правило, не обращается внимания на те существенные стороны проблемы, которые связаны с системным анализом как концептуальной, так и институционально-инструментальной природы методологии политической науки.

Серьезным недостатком методологии политической науки является и то, что у политологов мыслителей нет единого подхода к оценкам сущности, роли и познавательной ценности таких методологических инструментов, как принципы, способы, подходы, парадигмы, методы, логические формы, процессуальные и технические приемы исследования механизмов и методик обобщения и результатов исследования и т.д.

Чтобы понять суть методологии политической науки, социальную роль и познавательное значение, нужно определить ее содержание, структуру, элементы, механизм функционирования, место в системе политической науки, ее отношения с мировоззрением, гносеологией, политической теорией и политической идеологией. В рамках данной статьи мы рассмотрим лишь некоторые общие вопросы интеллектуальной, инструментальной и практическо-

поведенческой сущности, структуры и познавательной ценности методологии в исследовании политических явлений.

В обществоведческой литературе определение методологии, как правило, сводится к смысловому разъяснению словосочетания “метод” и “логос”; “метод” – путь исследования и “логос” – учение. **“Методология – это учение о методах познания и преобразования действительности”[6].** “Понятие “методология” имеет два основных значения: 1) система определенных правил, принципов и операций, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, политике, искусстве и т.п.); 2) учение об этой системе, общая теория метода[7]”. Методология представляет собой “совокупность принципов, норм, методов познания и практической деятельности; учение о путях достижения истинного знания и оптимального практического эффекта”[8]. Можно привести множество аналогичных высказываний относительно такого содержания методологии.

Во многих исследованиях, как правило, подчеркивается именно инструментальное содержание методологии. “Под **методом**,- пишет Р.Т.Мухаев,- понимается совокупность логических способов и приемов, позволяющих расскрывать содержание предмета исследования"[9].

Вопросы методологии и познания государства, политики и права в юридической литературе трактуются идентичным образом. В коллективной работе “Общая теория государства и права” отмечено: “Совокупность методов научного познания реальной действительности формирует **методологию** исследования... “**Методология теории государства и права** представляет собой систему особых приемов, принципов и способов изучения общих закономерностей возникновения, становления и развития государственно-правовых явлений”[10]. “Методология теории государства и права – это применение совокупности определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных способов исследования основных общих закономерностей возникновения и развития государственно-правовых явлений”[11].

Во многих исследованиях как равнозначное термину методология используется термин “метод”. Это, в частности, характерно для учебников, учебно-методических пособий, где вопросы методологии рассматриваются вкупе с предметом науки. Чтобы избежать разнозначного толкования нужно во всех случаях различать метод в широком и узком понимании. В самом широком смысле метод как путь исследования включает всю методологию во всех формах своего бытия – как интеллектуальное, инструментальное и практическо-поведенческое явление, как система средств исследования и анализа, способов проверки и оценки результатов исследования, определения критериев измерения уровней и качества политических знаний. В этом смысле метод употребляется в качестве общеметодологической концепции. В таком значении употребляются диалектический метод, метафизический метод, различные методологические концепции общего и частного характера. Иногда метод употребляется также для характеристики методологических концепций отдельных мыслителей и исследовательских центров, типологии и оценки качества и значения методологических ориентаций исследователей в различные периоды становления и развития политической науки.

Нетрудно заметить, что для разъяснения сущности методологии политической науки (и вообще методологии науки), как правило, подчеркивается смысл понятия “метод” (путь исследования). Поэтому в определениях в основном фигурируют компоненты инструментального характера, методология политической науки представляется как совокупность (в

лучшем смысле как система) принципов, методов, приемов, способов исследования. Правда, иногда мельком указывается и то, что методология есть учение об этих способах и методах, причем, без обоснованных разъяснений их сущности и соотношений.

Такое отношение к вопросам методологии политической науки не позволяет составить четкое представление о действительном содержании методологии. Этим можно объяснить и тот факт, что в политической науке очень мало внимания обращается на теорию методологии. А в тех работах, где так или иначе упоминается о гносеологических и теоретических аспектах методологии, рассмотрение вопроса, как правило, ограничивается тем, что констатируется наличие методологических приемов и способов исследования, перечисляются некоторые из них, в лучшем случае объясняется значение отдельных методов и способов. Однако, вопросы методологии в целом, редко становятся объектом научного исследования. Рассмотрение методологии лишь как средства исследования приводит к игнорированию ее действительного значения, она рассматривается как второстепенный компонент познавательного процесса и служанка политической теории. В действительности, значение методологии не ограничивается функцией инструментального характера.

Методологию следует расматривать как целостное образование, определенную сложную систему, включающую взаимосвязанные компоненты интеллектуального, инструментального, нормативного, процессуального и практическо-поведенческого характера.

Исходя из этого, можем выделить следующие структурные части методологии политической науки:

1) **Методология как система знаний об исследовании закономерностей общественно-политической жизни, о сущностной и познавательной ценностях инструментов, механизмов, правил и технологий познания, проверки и оценки результатов исследования;**
2) **Методология как система инструментов – принципов, способов, подходов, парадигм, логических форм исследования;**
3) **Методология как система норм и правил осуществления исследования, определения принципов проверки и критериев оценки результатов исследования;**
4) **Методология как практическая деятельность, активное целенаправленное поведение по исследованию политической жизни с применением различных средств, механизмов, правил и методик на всех этапах исследовательского процесса.**

Методология политической науки, как целостная система взаимосвязанных компонентов, сложилась и развивалась вместе со становлением и развитием политической науки. Однако, не все компоненты и не все качественные стороны этих компонентов сложились сразу. Здесь можно выделить отдельные пласты, ступени, этапы становления и развития. Такими условно можно считать следующие:

1) **Этап становления методов исследования политических явлений в своих предметных содержаниях**. Здесь методы и способы исследования еще четко не выделены. Они как-то слиты с познавательным процессом, имеют предметный характер. Процесс познания осуществляется такими методами и способами, которые непосредственно диктуются характером объектов исследования и конкретными целями людей, их предпочтениями в выборе методов и средств познания.
2) **Этап вычленения методов и способов исследования как особых инструментов исследования, осознание и оценки полезности и значения приобретенных**

опытным путем навыков исследования. Здесь сохраняется предметный характер выбранных методов и способов. Однако при их выборе вместе с объективными детерминантами, обусловленными характером исследуемых явлений, существенную роль играют и навыки людей прецедентного происхождения.

3) **Этап становления политической науки и инструментальной системы ее методологии исследования.** Именно в этот период создаются различные теоретические и методологические концепции общего и частного характера. Вместе с политическими теориями разрабатываются также концептуальные вопросы методологии: устанавливаются принципы исследования, применяются новые методы и способы, создаются системы инструментария познания, разрабатываются механизмы обобщения, проверки и оценки его результатов. В отличие от методов и способов исследования предметного и предметно-мысленного характера, на этом этапе методологические инструменты, сохраняя предметное и предметно-мысленное содержание, приобретают отвлеченный характер, содержат ценности общего значения, становятся как-то универсальными, в зависимости от уровня обобщения, средставами познания и осмысления сущностных связей политической жизни.
4) **Этап создания методологии политической науки как целостной системы научных знаний о сущности, познавательных ценностях и взаимосвязях всех компонентов исследования во всех сферах политической жизни на всех уровнях отражения социально-политической жизни общества.** Именно в этот период методология политической науки становится действительно наукой со всеми существенными признаками.

Условный характер такой типологии очевиден. На всех этапах можно обнаружить элементы и свойства, присущие другим этапам становления и развития методологии. Однако для каждого этапа характерны определенные уровни и качества методологии в различных измерениях.

На сегоднейший день мало-кто сомневается в том, что политическая наука имеет свою методологию. Однако, не так давно среди исследователей этот вопрос серъезно дискутировался. Часть исследователей отрицали наличие “собственной” методологии политической науки или же считали, что политическая наука лишь пользуется методами и способами естественных наук, что названная “методология политической науки” не что иное, чем подражание, копирование методологии естественных наук. Есть и такие исследователи, которые не только отрицают наличие политической науки методологии, но и пытаются доказать, что политическая наука не нуждается в собственной научной методологии.

В политической науке подражание методам и способам исследования в естественных науках было обусловлено объективным ходом общественного развития, необходимостью и полезностью использования наличных духовных ценностей и опыт исследователей в этой сфере познания мира. Следовательно, использование методологических средств, применяемых в естественных науках, нельзя сводить лишь к субъективным желаниям обществоведов. Более того это вовсе не дает основание отождествлять методологию политических и естественных наук. Они, безусловно, имеют много общих черт и признаков. Общефилософские принципы и методы равным образом применяются в познании как природных, так и социальных явлений. Однако, методология естественных наук и методология социальных наук, как две стороны целостной системы познания мира, имеют не только общие черты, но и

специфические признаки, обусловленных характером и особенностями исследуемых объектов. Именно в этом нужно искать причины раздвоения единой методологии и специфичности принципов и методов исследования в каждом из этих видов методологии.

Отождествление или противопоставление методологий естественых и социальных наук или же отрицание методологии социальной (и политической) науки, как правило, осуществляется людьми незнающими характера или игнорирующих особенности природных и общественных явлений.

Еще на заре становления социальной науки, как особой области интеллектуальной деятельности людей, Дж. Вико в работе "Основание новой науки об общей природе нации" пытается доказать не только специфичность и сложность общественной жизни, но и возможность ее познания с применением новых средств и подходов исследования. Утверждая, что "Первый мир гражданственности был, несомненно, сделан людьми", он упрекает мыслителей за то, что они "серьезно пытались изучить науку о Мире Природы, который был сделан Богом, и пренебрегали размышлением о Мире Наций, то есть о Мире Гражданственности, который был сделан людьми, и наука о котором поэтому может быть доступна людям"[12].

Считая возможным познание общественной жизни и объясняя пренебрежительное отношение людей к социальным наукам "Бедностью Человеческого Ума", Вико пишет: "И мы открыли эту Науку не иначе, как если бы Божественное провидение так направляло течение наших занятий, чтобы мы не имев наставников, не зависели ни от одной из школьных и партийных страстей"[13].

О трудностях социального познания подчеркивает и основоположник позитивистской философии О. Конт. Исследование человеческого общества, пишет он, "наиболее важно и наиболее трудно"[14].

О трудностях социального познания не раз отмечали и основоположники марксистского учения."Уже верное отражение **природы**, — пишет Ф.Энгельс, — дело трудное, продукт длительной истории опыта... В сфере **общественных** явлений отражение еще более трудное дело. Общество определяется экономическими отношениями, производством и обменом, наряду с историческими предпосылками"[15].

Трудности познания общественно-политической жизни, будучи обусловлеными сложностью и специфическими особенностями социальной действительности, не сводятся лишь к разрешению определенных проблем, возникающих в процессе научного осмысления того или иного общественно-политического явления. Трудности познания имели и методологические аспекты. Не только необходимо было выбрать подходящие способы и методы исследования конкретных явлений, но и создать методологию обществознания, как особую систему знаний и систему инструментов исследования.

Объективные обстоятельства, связанные со сложностью и многогранностью общественно-политической жизни, разумеется, становятся почвой для возникновения определенных методологических трудностей.

Познание глубинных причинных связей, закономерностей политической жизни - непосредственная задача и цель политической науки. Отрицание этой возможности так или иначе ограничивает рамки методологических функций политической науки сферой описания отдельных, будто уникальных, неповторяемых, индивидуальных общественно-политических явлений.

Трудности научного познания общественно-политической жизни возможно преодолеть лишь с учетом ее характерных особенностей, применением таких

принципов, способов и методов, которые по существу отражали бы эти особенности, были бы аналогом политической действительности.

То, что политическая наука имеет свою методологию, неоспоримый факт. Однако, нельзя абсолютизировать содержание понятия “своя методология”. Методология политической науки не возникает на пустом месте. Она создается в определенных условиях и на основе того материала, который содержится в методологии науки вообще, всегда используются те духовные ценности, компоненты и инструментальные средства, которые испокон веков создавались и создаются в процессе познания и осмысления мира. Вот почему выделение в методологии политической науки слово **“свое”** имеет относительный и формальный характер, потому что не все то, что применяется в процессе исследования присуще лишь этой методологии. В методологии условно можно считать “своим” лишь то, что, будучи специфичным и особенным, непосредственно обусловлено характером политической жизни. В методологии политической науки, безусловно, имеются немало принципов, способов, парадигм, логических форм исследования, которые присущи лишь политической жизни и не могуть быть применены в исследованиях природных явлений. В этом смысле политическая наука, действительно, имеет свою методологию. Однако, не всегда легко различать **“свое”** и **“не свое”**. Это, в частности, относится к принципам, способам и методам общего, так сказать, философского значения, применение которых в различных науках носит различный характер. Кроме того, многие методологические средства неразрывно связаны друг с другом, переплетаются или проявляются через другие средства исследования, порой становясь формой их функционирования. Развитие и изменение методологии происходит постоянно. С развитием науки методологические средства постоянно обновляются и совершенствуются, приобретают новое содержание. Дифференциация и интеграция методологического инструментария, создание новых и «гибридных» методологических способов и принципов исследования затрудняют дать однозначный ответ относительно генезиса и методологической функции тех или иных средств исследования. Даже пристальный анализ не всегда позволяет однозначно и точно определить к какой методологической системе относятся данные принципы, способы, методы, установки, логические формы исследования и т.д.

Трудности дифференцации, типологии и оценки качества и уровней методологических систем, выяснение особенностей их соотношений и взаимосвязей обусловлены и тем обстоятельством, что в теоретических и методологических концепциях неоднозначно понимают сущность методологии, не всегда различают функционально-познавательные особенности компонентов интеллектуального, инструментального и практическо-поведенческого характера. А без дифференцированного и конкретного подхода, лишь путем общего сравнительного анализа не всегда возможно правильно понять как характер и познавательную ценность отдельных сторон, принципов, способов, механизмов и логических форм исследования, так и методологии в целом. Следовательно, при исследовании вопросов методологии всегда нужно выделить, обособлять те стороны, пласты, формы бытия методологии, которые в данный конкретный момент становятся объектами исследования.

В политической науке, как правило, вопросы относительно предмета и метода исследования выдвигаются на первый план. Вернее, рассмотрение теоретических, гносеологических, идеологических и иных вопросов начинается с анализа предмета и метода. В различных исследованиях, в частности, в

изданиях учебно-методического характера сущность, признаки и компоненты предмета и метода науки объясняются по-разному. Поскольку методология политической науки имеет и концептуальное содержание, то есть является учением, наукой, выполняет определенную познавательную функцию, следует обратить внимание на те ее стороны, которые присущи всем наукам и системам знаний вообще. Такими сторонами, в качестве определенных компонентов, выступают объект, предмет, метод и содержание знаний, полученные в процессе исследования объектов методологического характера.

Объект, предмет и методы исследования политической науки и ее методологии, будучи взаимно связанными, тем не менее не тождественны. Они имеют свои особенности как содержательного, так и формально-логического характера. Обратим внимание на то, как в политических исследованиях представляются сущность, признаки, компоненты и соотношение предмета и объекта обществознания и политической науки, в частности.

В политических исследованиях вопросы методологии не всегда становятся объектом исследования. Исследователи ограничиваются разъяснением смыслового значения методологических понятий и терминов, сущность и познавательное значение отдельных методов и логических форм исследования. Во всех исследованиях методологического характера, как правило, подчеркиваются сущность, место и роль **предмета** и **метода** политической науки.

Вопросы сущности, содержания и соотношений предмета и метода политической науки следует рассматривать в двух различных, но тесно взаимосвязанных аспектах. Если методология рассматриваеть как инструментальная система исследования, то **предмет** и **метод** относятся к политической науке. В этом аспекте как компоненты методологии инструментального характера они имеют свое специфическое содержание, относятся к политическим реалиям, компонентами которых являются объекты материального, материально-мысленного и мысленного характера, и тем существенным связям и закономерностям, которые присущи данным специфическим объектам исследования. А если методология рассматривается как наука, как система определенных знаний о принципах, способах, методах, парадигм, установок и т.д., то предмет и метод по существу относятся не к политическим реалиям и их закономерностям, а к инструментальной системе методологии. В этом аспекте объектами исследования становятся методологические принципы, способы, методы и другие инструментальные образования. А предметом исследования становятся те существенные связи и закономерности, которые присущи инструментальной системе методологии политической науки. Иначе говоря, предмет и метод политической науки следует рассматривать в двух аспектах. В одном случае сферой исследования становится мир политики со своими различными формами бытия, в другом случае сферой исследования становится мир методологии со своими средствами познания политической жизни.

Не трудно заметить, что содержание объекта и предмета политической науки как система определенных знаний о мире политики и методологии политической науки как система определенных знаний о средствах исследования, будучи связанными друг с другом, тем не менее не тождественны. Вот почему при исследовании вопросов относительно объекта и предмета политической науки и ее методологии нужно четко разграничить сферы исследования, расскрыть и осмыслить то существенное в содержании объекта и предмета, которое характерно для их различных форм бытия.

Однако объекту и предмету политической науки и ее методологии присущи и такие признаки, которые имеют общий характер. Именно эти общие признаки и существенные черты объекта и предмета политической науки стали определенной сферой исследования.

Следует отметить, что в политической, философской, юридической, социологической литературе существует множество подходов к этим вопросам. Это, в частности, относится к **предмету** науки. Причины разнопонимания сущности **предмета** науки обусловлены как гносеологическими и методологическими факторами, так и факторами семантического характера.

Полисемическое содержание понятия "**предмет**" в прямом или косвенном смысле этого слова становится поводом для его разного, а иногда и путаного толкования. Под **предметом** понимаются вещи, явления, события, процессы, объекты, закономерности и т.д. **Предмет** политической науки является одним из разновидностей содержания этого слова. При исследовании политической науки, в частности, определении ее предмета нужно обособлять его от тех явлений, которые тоже выражаются в понятии "**предмет**", но имеют отличное от предмета науки специфическое содержание.

Во многих исследованиях предмет политической науки нечетко обособляется от других компонентов политической жизни и ее различных отражений в политической науке. Зачастую предмет политической науки сводится к ее объекту или предмет и объект отождествляются. Однако этих понятий не только не оправдано, но и становится причиной неправильного понимания сущности и различий особенностей их взаимосвязей. Здесь считаем целесообразным ограничиться лишь сравнительным анализом некоторых подходов относительно сущности и соотношения предмета и объекта науки в сфере обществознания.

Политическая наука (и обществознание в целом) имеет свой объект и предмет. Они выступают как взаимосвязанные компоненты методологии политической науки. В исследованиях, где обособляется объект политической науки, он воспринимается как нечто, на что направлено исследование. "В теории познания, − пишет В.А. Мельник, − в качестве объекта принимается то, на что направлена предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта. Иными словами, объектом той или иной науки является та часть объективной реальности, которая подвергается исследованию познающим субъектом[16]. Автор близок к истине. Он правильно замечает, что объектом науки является то, что подвергается исследованию. Правильно также утверждение о том, что объектом исследования является лишь часть объективной реальности, а не вся реальность. Однако неправильно ограничение рамки объекта политической науки сферой **объективной реальности**. Объектами исследования становятся не только явления объективной реальности, но и предметно-мысленные образы в виде учений, концепций, теорий, различные системы знаний о политическом мире, а также такие мысленные объекты, которые не являются мысленными образами существующих политических реалий, как это характерно для предметно-мысленных образов. Иначе говоря, содержанием предметно-мысленных образов являются различные политические феномены со своими признаками и возможными качественными изменениями. В отличие от предметно-мысленных образов, мысленные образы хотя тоже имеют свои детерминанты объективного и субъективного характера тем не менее не являются предметно-мысленными образами определенных конкретных политических реалий.

Итак, объектами политической науки выступают не только отдельные части объективной политической реальности, но и их отражение в политическом сознании людей в виде предметных образов, а также различные мысленные феномены мысленно-предметного или “чисто” мысленного характера.

В.А. Мельник в той же работе отмечает, что “Предметом науки выступают те стороны, признаки, свойства и отношения изучаемого объекта, которые подвергаются анализу”[17]. Нетрудно заметить, что автор нечетко различает объект и предмет политической науки. Стороны, признаки, свойства и отношения являются не предметом политической науки, а формами бытия объектов исследования. Предметом же политической науки являются те существенные связи и закономерности, которые в процессе познания раскрываются в конкретных объектах исследования.

Нельзя считать правильным также утверждение Г.А. Белова о том, что “Предметом теории политики является политика как таковая, со своими структурными и функциональными особенностями”[18]. Автор неправильно представляет суть предмета теории политики, отождествляя ее с политикой, которая является сферой исследования, а ее отдельные компоненты: стороны, процессы, признаки, отношения становятся объектами исследования. Что касается предмета теории политики, то следовало бы таким считать не политику вообще “со своими структурными и функциональными особенностями”, а те существенные связи и закономерности, которые присущи отдельным сторонам структурного и функционального характера, объектами теории политики.

К.С. Гаджиев в своей объемистой работе утверждает, что политическая философия “берет исследуемые материи в их целостности, стремится постичь лежащий в их основе универсальный принцип, понять саму идею политического вообще, идею государства и власти вообще, абстрагируясь от их конкретных воплощений”[19]. Автор под “**исследуемыми материями**”, понимает объекты политической философии, задача которой является не постижение универсального принципа, будто лежащего в основе исследуемых материй (принципы устанавливаются, а не обнаруживаются в процессе познания) или понимания сути идеи государства и власти (сама идея как компонент познания становится именно в процессе исследования государства и власти), а познание и научное осмысление тех существенных связей и закономерностей, которые присущи отдельным компонентам становления и развития политической философии. Именно эти компоненты, по выражению автора “**исследуемые материи**”, выступают в качестве специфических объектов исследования.

К.С. Гаджиев, стараясь определить место политической философии в системе наук и показать ее конкретные задачи, в той же работе пишет: “Политическая философия затрагивая одновременно сферы как философии, так и мира политического, располагается в области пересечения философии и политической науки”[20]. “Задача политической философии состоит в постижении идей, теорий, принципов, постулатов, мыслей, лежащих в основе мира политического. Они в свою очередь раскрываются в понятиях”[21]. И дальше: “В задачу политической философии входит осмысление содержания конкретных политических понятий”[22]. Приведенные мысли автора дают достаточное основание для характеристики и оценки его позиции. Можно констатировать, что приведенные теоретические положения, факты и аргументы не выдерживают серьезной критики.

Смежный характер политической философии К.С.Гаджиев трактует с механической точки зрения. Политическая философия вовсе не распологается в области пересечения философии и политичекой науки. Политическая

философия представляет суть философского понимания и глубокого осмысления наиболее существенных связей и закономерностей общего характера в процессе становления и развития политических теорий и политической гносеологии, политической идеологии и методологии политической науки. Объектами политической философии выступают как материальные, процессуальные и предметно-мысленные феномены, так и мысленные явления. Что касается утверждений автора о постижении идей, теорий, принципов, постулатов и мыслей, которые будто лежат в основе мира политического, нельзя считать материалистическим пониманием общественно-политической жизни. Они как компоненты мыслительного процесса, могут и становятся специфическими объектами политического исследования, однако не исчерпывают все богатство содержания объекта политической науки.

Путаное представление сущности и соотношений объекта и предмета политической науки не позволяют автору четко различать сущность и соотношение политической теории, теории политики, философии и политической философии. Именно этим можно объяснить причины нечеткого изложения содержания курса политической философии. Во многих местах он с пониманием философских понятий и категорий выборочно анализирует различные политические явления – политическая система общества, политические институты, политическая власть, государство, политические партии, политические конфликты и т.д. Однако такие вопросы с таким анализом вполне вписываеются в проблематику политологии и отчасти теории политики. Что касается политической философии, то она, разумеется, имеет свои особенности, выражающиеся в ее объекте, предмете и содержании. Политическая философия по существу должна быть именно философией, а не политологией или теорией политики, такой философией, объектом которой являются определенные компоненты политической жизни, а предметом исследования – те наиболее существенные связи и закономерности, которые присущи этим политическим феноменам. Однако не всякое отражение и научное осмысление этих связей и закономерностей становятся философским содержанием исследуемых политических явлений. Философское познание политических реалий и закономерностей охватывает наиболее глубинные причинные связи. Политическая философия это именно философия в этой сфере жизнедеятельности людей, для которой характерны высокий уровень отражения и обобщений, глубоко научно-философский характер познания наиболее общих закономерностей, которые не становятся предметом политической науки или исследуются не на философском уровне. Именно философское осмысление политики, политической жизни и закономерностей становления и развития политической науки является основной задачей политической философии.

Вопрос о сущности и месте предмета теории политики рассматривается Р.Т. Мухаевым в работе “Теория политики” (М., 2005). Автор, придавая большое значение четкому определенияю **предмета** для успешнего конструирования новой модели курса, в различных словосочетаниях излагает свое представление этого вопроса. Он пишет: “Предметом теории политики является **совокупность понятий,** посредством которых она описывает политику или политическую реальность”[23]. “Предметом теории политики... является система взаимоотношений по поводу власти”[24]. “Предметом политической теории выступают политические институты, через которые она выражается”[25]. “Предмет политической теории составляют **мир представлений о политике** и их логическая связанность, выраженная в системе наиболее общих понятий

(категорий) и представляющих форму концептуального и теоретического анализа политической реальности". Как видим Р.Т.Мухаев основным содержанием предмета теории политики ("политическая теория") считает мысленные образы (понятия, мир представления о политике), или систему взаимоотношений по поводу власти, или политические институты. Такое путаное представление о сущности предмета политической науки вовсе не служит делу успешного конструирования новой модели курса по теории политики.

Прослеживая ход мыслей автора относительно сущности политической теории, замечаем правильную мысль о том, что "политическая теория ориентирована на **макроанализ** политических явлений, структур и состояний, а также условий, обеспечивающих устойчивость политического порядка..."[26]. Данное утверждение фактически указывает на действительное содержание предмета политической науки, на то, что она (политическая наука) исследует существенные причинные связи и закономерности мира политического. Однако последующий анализ проблемы опять-таки свидетельствует о том, что рамки предмета теории политики так или иначе суживаются, его содержание в основном сводится к существенным связям и закономерностям мысленных образов политической действительности, какими считаются: базисные, фундаментальные проблемы политического знания, систематизированное осмысление и понимание значений ключевых понятий политического рассуждения и т.д.

Р.Т. Мухаев, правильно замечая, что теоретический уровень исследования политики кроме систематизированного осмысления и понимания значений ключевых понятий политического рассуждения, предполагает также выявление взаимосвязи институтов и субъектов политики, тенденций и динамики политической трансформации, осмысление сущности детерминантов политических решений, тем не менее не включает эти существенные компонанты в содержание предмета политической науки, как это явствует из его определения предмета теории политики.

Данная проблема в основном правильно разрешается авторами альбома схем по политологии Е.В. Макаренковым и В.И. Сушковым. Они считают, что объектом политологии являются политика и различные компоненты политической сферы жизни общества. А предметом политологии закономерности становления, функционирования и изменения политической власти[27].

Схематическое изложение сущности объекта и предмета политологии не позволяет авторам раскрыть все аспекты их содержания и соотношений. Однако указанные компоненты объекта и предмета показывают характер их концептуальных подходов и основных положений. В отличие от характеристики объекта науки, где в общем правильно указаны уровни и компоненты исследования, в характеристике предмета науки в качестве его компонентов указываются лишь методологические стороны исследования, а закономерности становления, функционирования и изменения политической власти как компоненты истинного содержания предмета науки остаются без должного внимания.

Данная проблема рассматривается также в юридических исследованиях. Имея в виду тот факт, она так или иначе становится предметом исследования во всех науках, и то, что в юридической науке теоретические и методологические концепции охватывают множество вопросов относительно не только права, но и государства и политики, целесообразно вкратце рассмотреть

некоторые концептуальные подходы к пониманию сущности, содержания и соотношений объекта и предмета теории государства и права.

В юридических и смежных - политико-правовых, социлогическо-правовых, политико-государствоведческих, философско-политико-правовых исследованиях вопросы объекта и предмета науки занимают определенное место. Так, В.Н.Хропанюк, правильно отмечает, что **"Предметом теории государства и права являются основные общие закономерности возникновения, функционирования и развития государства и права"**, что **"Содержание предмета теории государства и права составляют не любые*, а основные общие закономерности государства и права*,** в которых проявляются их сущность и социальное значение для всей общественной жизни"[28]. Однако там же автор отмечает, что "**Предмет теории** *составляют государство и право в их единстве"* (подчеркнуто нами – В.Т.). Нетрудно заметить, что он отождествляет предмет и объект теории государства и права.

В учебнике для вузов "Общая теория государства и права. *Академический курс.*" авторы, отмечают, что "Предметом изучения общественных наук являются общественное бытие и общественное сознание"[29]. Чуть ниже они подчеркивают: "Предметом общей теории государства и права ... являются государственные и правовые явления, закономерности их возникновения и развития, а также объективные социальные закономерности, определяющие особые свойства, черты, признаки государства и права, их взаимосвязь и взаимодействие, их социальное назначение и отношение к другим явлениям общественной жизни"[30]. В данном определении предмета общей теории государства и права включены компоненты не только предмета, но и объекта исследования. Такое нечеткое различение предмета и объекта, разумеется, не позволяет выделить, анализировать и охарактеризовать те существенные признаки и черты, которые присущи предмету и объекту исследования государственно-правовых явлений.

В другом юридическом исследовании ("Проблемы общей теории права и государства" М., 1999) вопросы объекта и предмета общей теории государства и права рассмотрены в широком плане с охватом различных аспектов их сущности и соотношений в общетеоретических, гносеологических, ценностных и методологических измерениях. Авторы ставят перед собой задачу: четко обособить объект и предмет обществоведческих наук, расскрыть их сущность, содержание и соотношение, показать пути и способы их приведения в общую теоретико-гносеологическую систему.

В работе проводится мысль, что "*Объект* – это то, что еще подлежит научному изучению с помощью познавательных средств и приемов соответствующей науки" и что в процессе научного изучения закономерностей становления, функционирования и развития объектов исследования возникает, формируется предмет науки. "В весьма упрощенном виде можно сказать, – разъясняют авторы, – что объект науки – это то, что мы о нем знаем *до* его научного изучения, а предмет – это изученный объект, то, что мы знаем о нем *после* научного познания. Речь, по существу, идет о различении познаваемого объекта и идеи (теоретического смысла, мысленного образа, логической модели и т.д.) познанного объекта"[31].

Стремление авторов различить объект и предмет науки имеет определенную научно-познавательную ценность. В них есть попытка обосновать необходимость обособления объекта исследования и возникновения предмета науки на основе приобретенных теоретических знаний в виде мысленных образов этих объектов.

Рассматривая объект и предмет политической науки в своих многогранных и многомерных измерениях, можем констатировать, что они (предмет и объект) независимо от особенностей их генезиса, сущности и содержания, являются компонентами познавательного процесса. Речь не о том, что предмет и объект не имеют своего объективного содержания.

Дело в том, что объекты науки во всех своих формах бытия становятся объектами науки лишь путем познания. Следовательно объекты политической науки это не весь политический мир, а лишь его часть в различных формах своего бытия, включенной в систему познавательного процесса. Так-что нельзя считать правильным утверждение, что объект это то, что еще не изучено. Объект отчасти изучен, является обособленным политическим явлением, опознанным как проблема научного исследования.

Что касается утверждения о том, что предмет науки образуется в процессе познания объекта, является его выражением и существует в виде мысленных образов этих объектов, то можно заметить, что в этом утверждении рациональным является то, что предмет науки действительно связан с научным познанием существенных связей и закономерностей обособленных объектов исследования.

Однако этот концептуальный подход авторов имеет существенные недостатки. Дело в том, что научное познание объектов вовсе не превращает их в предмет науки. Объекты остаются объектами со своими формами бытия. Предмет же науки как система опознанных существенных связей и закономерностей, присущих данным объектам исследования, имеет свои специфические черты и формы бытия, которые не тождественны чертам и формам бытия объектов исследования. Следовательно нельзя отождествлять объект и предмет политической науки. Тем более наивно звучит попытка разъяснения соотношений объекта и предмета науки путем механического сведения предмета науки к объектам их исследования.

Еще одна неточность. Предмет науки как определенная система познанных существенных связей и закономерностей объектов исследования никоим образом нельзя во всех формах своего бытия рассматривать лишь как субъективное явление. Наука как мысленный образ действительности, как адекватное отражение глубинных существенных связей и закономерностей исследуемых реалий по форме имеет субъективный характер, а по содержанию она всегда объективна. Вот почему предмет науки, независимо от формы его бытия, имеет объективное содержание. Мысленные образы представляют собой лишь отражение этого объективного содержания.

То, что предмет науки иногда сводится к различным мысленным явлениям, вовсе не случайно. В ряде политологических, юридических и философских исследований предметом науки иногда считают понятия “государство”, “право”, “политика”. Обратим внимание на некоторые определения предмета науки. *“Предметом юридической науки является право как принцип, правило и норма должного порядка действительности”*[32]. “Предметом теории политики является политика”[33]. *“Предметом философии права является право в его различении и соотношении с законом*”[34]. Предметом истории политических и правовых учений являются “история возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых теорий”[35]. В данных определениях предмета науки опять-таки нет четкого обособления содержания предмета, вернее предметом считаются те правовые и политические феномены материально-

процессуального, материально-мысленного и мысленного характера, которые, по существу, являются компонентами объектов соответствующих наук.

В правоведении сведение предмета науки к понятию (идее) права в определенном смысле обусловлено недостаточно глубоким пониманием гегелевского положения о том, что “**Философская наука о праве** имеет своим предметом **идею** права – понятие права и его осуществление”[36].

Гегелевское понимание предмета философии права вытекает из сущности его философско-правовой концепции о разумности и объективности права, о тождестве мышления бытия, разумного и действительного. Гегель считал, что задача философии – “Постичь то, **что есть**, ибо что есть, есть разум”.

Приведенные мысли Гегеля позволяют понять причину ошибочного утверждения о том, что предметом теории права является понятие (идея) права. В гегелевском понимании **идея права** выходит за рамки того содержания,, которое мы вкладываем в **понятие права**. В гегелевской философско-правовой концепции **идея права** относится ко всему существующему в виде разумного и действительного во всех своих формах бытия в этой сфере жизнедеятельности людей. Вот почему предметом науки о праве нужно считать не понятие права в современном понимании, а те существенные связи и закономерности, которые являются источником познания и содержательную часть **идеи права** в его гегелевском понимании.

Итак, обобщая изложенное о **понятии методологии политической науки,** можно сделать следующие выводы:

1. Она представляет собой многогранное и многомерное образование интеллектуально-концептуального, инструментально-познавательного, нормативно-регулятивного и практическо-поведенческого характера.
2. Как интеллектуально-концептуальное образование она имеет научное содержание, является системой определенных знаний о закономерностях исследования политической жизни, о сущности и познавательной ценности инструментария и механизмов исследования.
3. Как инструментальное образование познавательного значения она представляет собой систему методологических принципов, способов и логических методов и форм исследования политических явлений, обобщения и оценок результатов социально-политического познания.
4. Это нормативное образование, содержит определенные нормы и правила гносеологического, методического и поведенческого характера.
5. Это практическая деятельность, активное целенаправленное поведение людей по исследованию политической жизни с применением соответствующих средств, нормативных установок, механизмов, правил и методик на всех этапах исследовательского процесса, обобщения и оценки результатов исследования.
6. Методология политической науки во всех формах своего бытия имеет определенную структуру со своими специфическими объектом, предметом и содержанием.
7. Объекты и предметы политической науки и ее методологии как науки не тождественны. Объекты политической науки возникают в процессе познания. Такими становятся материальные (предметные), материально (предметно)-мысленные и мысленные образования, а предметом становятся существенные связи и закономерности этих объектов путем познания. Объект и предмет методологии как науки аналогичным образом возникают в рамках системы методологии.

8. Функции методологии политической науки многоаспектны и многомерны. Функционирование методологии политической науки представляет собой взаимосвязанное, взаимообусловленное и комплексное проявление всех аспектов и сторон, нацеленное на научное познание политической жизни во всех своих многообразных формах бытия.

---

[1] См. Smith B. Jonson K. Paylsen D. Shosket F. Politikal Research Methods . foyndations and Technigues. Atlanta . 1976.
[2] Ильин В.В. Политология. М., 1999, С. 9.
[3] Мирумян К.А. История политической науки, ч. 1. Ереван, 2004, С. 17.
[4] Там же, С. 15.
[5] История политических и правовых учений", под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999, С. 521.
[6] Спиркин А.Г. Философия. М., 1999, С. 496.
[7]Философия. Под ред. В.П.Кохановского. Ростов-на-Дону, 2004, С. 472.
[8] Краткий политический словарь. М., 1989, С.318.
[9] Мухаев Р.Т. Теория политики. М., 2005, С. 15.
[10] Общая теория государства и права. Академический курс, т. 1. М., 1998, С. 21.
[11] Хропанюк В.Н., Теория государства и права, М., 1995, С. 21.
[12] Вико Дж., Основание новой науки об общей природе наций. Л. 1940, С. 108, 109.
[13] Там же, С. 109.
[14]Конт О. Дух позитивной философии. СПб, 1910, С. 27.
[15]Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., т. 20, С. 640.
[16] Мельник В.А. Политология. Минск, 1996, с. 8-9
[17] Там же, с. 9
[18] Белов Г.А. Политология. М., 1996, с. 66
[19]Политическая философия. М., 1999 с. 195
[20] Там же, с. 195
[21] Там же, с. 198
[22] Там же, с. 199
[23] Р.Т.Мухаевым Теория политики. М., 2005, с. 10
[24] Там же, с. 11
[25] Там же, с. 11
[26] Там же, с. 13
[27]см. Е.В.Макаренков, В.И.Сушков, Политология. Альбом схем. М., 1998, схема 4
[28] Теория государства и права. М., 1995, с. 19
[29]Общая теория государства и права. *Академический курс.* М., 1998, с. 8
[30]Там же, с. 8-9
[31]Проблемы общей теории права и государства" М., 1999 с. 3
[32]Проблемы общей теории права и государства. Под ред. В.С.Нерсесянца. М., 1999, с. 12
[33] Г.А.Белов, Политологи. М., 1996, с. 66
[34] В.С.Нерсесянц, Философия права. М., 1997, с. 10
[35] История политических и правовых учений. М., 1996, с. 1
[36] Г.Гегель, Философия права. М., 1990, с. 59

ТЕОРИЯ “СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ИДЕОЛОГИИ” ОТ МАРКСА К МАНГЕЙМУ

Енгоян А.П.

Термин “идеология” древнегреческого происхождения и буквально означает “учение об идеях”. Однако вплоть до конца XVIII века понятие “идеология” сформулировано не было. Но это не значит, что не было самой идеологии – ведь в ней как в централизующей и государствообразующей системе мировоззрения нуждались все известные общества. Некоторые исследователи полагают, что до эпохи европейского Просвещения роль государственной идеологии на протяжении многих веков успешно выполняла религия.

Появление понятия “идеология” не случайно совпало с переходом к индустриальному обществу или, в классической терминологии, переходом от феодализма к капитализму. В интеллектуальном плане это эпоха философствования, но философствования особого рода, связанного с активацией идеи мира как представления и тенденцией к тотализации представляемости. Понятно, что только в таком контексте могла родиться мысль о возможности неправильного видения мира.

Одним из столпов, на котором возникло современное западное общество, была наука. Можно сказать, что наука заменила церковь как высший авторитет, легитимирующий, освящающий и политический строй, и социальный порядок. Иными словами, наука стала инструментом господства.

Идеология стала быстро паразитировать на науке. По мнению некоторых философов, большинство современных идеологий, независимо от их происхождения, претендуют на научность или даже составляют базу самой науки. Таким образом идеологии стремятся обеспечить себе легитимацию наукой. Вспомним слова философа Научной революции XVII века Френсиса Бэкона: “Знание – сила” (или, что то же самое, “знание – власть”). Одна из составляющих этой силы (власти) – авторитет тех, кто владеет знанием. Ученые обладают такой же силой, как жрецы в Древнем Египте. Власть, привлекающая к себе эту силу, обретает важное средство господства.

Во всех странах Запада, где произошли буржуазные революции, ученые, философы и гуманитарии внесли свою лепту в программирование поведения масс посредством идеологии. В Англии, например, Ньютон и его последователи из новой (механической) картины мира выводили идеи о “естественном” (природном) характере конституции, которая должна была ограничить власть монарха (“ведь Солнце подчиняется закону гравитации”).

Но в Англии революция почти совпала с протестантской Реформацией, поэтому не случайно, что в идейном багаже революционеров преобладали религиозные мотивы. В более чистом виде манипуляция общественным сознанием как большая организованная кампания сложилась во Франции. Здесь общество было идейно подготовлено к слому “старого порядка” полувековой

работой деятелей Просвещения. Помимо секуляризации знания они осуществили глубокое “промывание мозгов” в идеологическом плане, подготовив поколение революционеров, с чистой совестью затопивших Францию реками крови (а потом начавших, по сути, мировую войну). Переструктурирование восприятия мира становилось воплощением проекта Просвещения.

Возможно не случайно, что именно во Франции впервые появилось понятие “идеология”. В 1796 г. его использовал один из представителей позднего поколения французских просветителей Антуан Дестют де Траси (1754 – 1836 гг.) в своем труде “Этюд о способности мыслить” для характеристики науки об идеях, которая призвана изучать происхождение мыслей. Во Франции же впервые была создана влиятельная организация – Институт, в котором заправляли “идеологи” – сторонники де Траси, которые по их мнению создавали “науку о мыслях”.

В декабре 1797г. “идеологи” приняли в члены своего узкого кружка (“Института”) поднимающегося к власти Наполеона. В свою очередь и он высоко оценил важность этого союза, так что будучи уже членом Директории, подписывался “генерал Наполеон Бонапарт, главнокомандующий, член Института”. Позже, когда Наполеон стал Первым консулом, а “идеологи” продолжали претендовать на слишком большое участие во власти и выступали против его цезаристских устремлений, он пренебрежительно назвал их “идеологами”, то есть людьми, проповедовавшими оторванные от реальной политики взгляды.

Понятие идеологии приобрело в обыденном языке осуждающий оценочный смысл. Либеральных интеллектуалов эпохи Просвещения презрительно стали называть “темными метафизиками”. Такие негативные ассоциации распространились по всей Европе. Однако это нисколько не помешало ученым и дальше размышлять о природе идеологии и связанных с ней явлениях жизни. С другой стороны, вопрос о соотношении идей и действительности, теории и практики перестал быть чисто академическим вопросом, решаемым в ученой среде, а стал вопросом практической политики.

XIX и XX века – это история того, как идеологи всех направлений (однако в рамках одной общей платформы – индустриализма, основанного на вере в прогресс и законы общественного развития) черпают доводы из неиссякаемого источника – науки, и превращают их в идеологическое и политическое оружие.

Политическая наука обогатилась различными подходами и теориями, относящимися к определению понятия идеологии. Изучалось содержание политических идеологий с момента их возникновения, их различие, отношения между собой, отношения между идеологией и экономикой, идеологией и политикой на разных этапах общественного развития, а также сам феномен идеологии, идеологического сознания, его структура и уровни, функции в обществе и т. д.

Все эти подходы можно разделить на две большие группы. Теории, включенные в первую из них, рассматривают идеологию как бы со стороны, как уже сформировавшееся явление и вбирают в себя первую часть перечисленных проблем. Эти теории призваны оценить роль идеологии в обществе, определить ее место в социально-политической и духовной сферах, а также общественном сознании.

Особый интерес представляют теории другой группы, проникающие в саму суть феномена идеологии и раскрывающие детерминированность и

обусловленность процесса его формирования. К таким теориям можно отнести аксиологическое (ценностное), психологическое (психоаналитическое) определение идеологии, теорию "социальной обусловленности идеологии" и др. Основателем последней по праву считается К. Маркс (1818 – 1883). Его известное положение о зависимости общественного сознания от общественного бытия и социальной обусловленности идей легло в основу воззрений многих известных представителей мировой политической мысли.

Однако заранее следует отметить, что социальную обусловленность идей К. Маркс рассматривает с точки зрения социально-экономических отношений, определяющих уровень общественного развития. К. Маркс совместно с Ф. Энгельсом в "Немецкой идеологии" (1845-1846) и позднейших работах использовал термин идеология для обозначения извращенного сознания, то есть такого сознания, когда знание об обществе и социальных конфликтах преломляется сквозь призму определенных интересов (в данном случае интересов немецкой буржуазии). Маркс описывает идеологию как: 1) идеалистическую концепцию, согласно которой мир представляет собой воплощение мыслей, идей и принципов; 2) тип мыслительного процесса, когда его создатели – идеологи, не сознавая связи собственных интересов с материальными интересами определённых классов и объективных побудительных сил своей деятельности, постоянно воспроизводят иллюзию абсолютной самостоятельности общественных идей; 3) обусловленный вышесказанным метод подхода к действительности, состоящий в конструировании мнимого её образа, который выдается за саму действительность.

Основоположник марксизма подчеркивал, что для идеологий типично иллюзорное восприятие бытия, создание иллюзий класса о самом себе. Более того, эти иллюзии превращаются в идеологических конструкциях в самодовлеющую силу, первичную по отношению к реальным интересам. В силу своей социальной ограниченности идеологии могут приводить к глубоким искажениям в понимании общественной жизни. Тем не менее идеологическое заблуждение претендует на теоретически правильное освоение социальной действительности и защищает себя всеми средствами, вплоть до силовых.

В науке бытует мнение, что применительно к термину "идеология" Маркс употреблял понятие "ложное сознание". Однако это утверждение не соответствует действительности. В своём знаменитом труде Маркс и Энгельс термины "идеология" и "ложь" ни разу не ставят рядом. Его постоянной спутницей, пояснением и уточнением, почти всегда служит понятие "иллюзия". Разница немаловажная. Ведь"ложь" означает преднамеренное искажение процесса восприятия бытия, а использование этого термина для определения идеологии слишком упрощает глубинное содержание феномена идеологии.

В большинстве работ Маркса термин "иллюзия" имеет своим контрагентом слово "реальность" или "действительность", причем в постоянном и определенном отношении – реальность, порождающая иллюзию о себе самой. Или же – реальность, включающая в себя ею же порожденную иллюзию о себе самой. Или – идеология есть иллюзорное представление о реальности, вызванное данной реальностью и включенное в нее. Нередко Маркс уточняет это общее представление словами о "перевернутом", "поставленном с ног на голову" сознании, чем выдает фейербаховско-гегельянские исходные смысловые подходы к этой проблеме. Именно схожим образом Фейербах характеризует основное религиозное представление, или

“идею бога” (хотя у Фейербаха не социальная действительность вообще, а сам человек создает себе некую спасительную иллюзию в виде “идеи бога”).

Маркс распространил на философию, право, политику, экономическую науку, мораль и обыденное сознание гегельянский опыт критики религиозного сознания, подразумевающий понимание религии как иллюзорного отражения человеческого бытия в мире. Как и в религии, в перечисленных областях люди также могут быть увлечены “заблуждающимся сознанием” или идеологическими иллюзиями, порожденными социальным бытием, жизнью. Люди сами создают ценности, не видя впоследствии в их отчужденных и извращенных выражениях собственного авторства. В роли “социального бытия”, обусловливающего возникновение идеологии у Маркса выступает практика.

Марксов анализ практики сводится к следующему: она есть сложная, многоуровневая структура, которая на любом уровне представляет собой соединение личностной активности, деятельного, или “энергийного” начала и вне-личностной, заданной извне совокупности объективированных, закрепленных временем, не зависимых от индивидуального воздействия результатов деятельности предшествующих поколений. Это соединение – вовсе не гармоничное единство. Практику Маркс понимает исторически. То есть, практика несет в себе все коллизии и конфликты истории, причем победы какой-либо из сторон исходного единства в этом процессе быть не может. Ни личностно-индивидуальная активность, ни объективированные и отчужденные результаты предшествующей деятельности не могут уничтожить своего контрагента в практике и подчинить себе практику. Поэтому в объяснении причин, порождающих идеологический самообман в человеческих представлениях, возможен только некий “крен” в ту или другую сторону. Иными словами, Маркс выделяет как ведущий либо мотив “личностно-активистских”, либо мотив “объективированно-отчужденных” комплексов причин идеологизации. Практика же понимается как единство данных своих основных сторон, но с преобладанием или гегемонией какого-то одного из двух.

Для Маркса наиболее существенным является то, что единство “бытия-праксиса” с соответствующим иллюзорным сознанием понимается как всеобщее и неразрывное. У всякого бытия есть свое выражение в сознании, и у всякого сознания, даже самого фантастического, есть свое, в этих фантазиях выраженное бытие.

Для Маркса вовсе не является главным то, что в современной политической мысли очень часто называют “идеологической репрессией”, возможностью манипулирования массовым и индивидуальным сознанием. Главное в марксовом понимании идеологии – не обман масс, а самообман, самоиллюзия реальности, неизбежно порождаемая человеком как агентом социального праксиса. Или, как это формулирует сам Маркс в одном из многочисленных в “Немецкой идеологии” общих положений о связи идеологии с праксисом: “Представления, которые создают себе эти индивиды, суть представления либо об их отношении к природе, либо об их отношениях между собой, либо об их собственной телесной организации... Если сознательное выражение действительных отношений этих индивидов иллюзорно, если они в своих представлениях ставят свою действительность на голову, то это опять-таки следствие ограниченности их материальной деятельности и их, вытекающих отсюда, ограниченных общественных отношений”[1]. Таким образом, Маркс выдвигает следующее уравнение: “идеология” = “иллюзорные представления о действительности”, порождаемые человеческим праксисом.

В “Немецкой идеологии” в основном говорится об иллюзиях в философии, политическом мышлении, о религиозных или моральных иллюзиях. Экономические проблемы затрагиваются сравнительно мало. Упоминаются иллюзии, порождаемые природой государственности, права, семейно-брачных отношений и т. д. По значимости одним из основных в этом ряду является комплекс иллюзорных представлений людей о самих себе, о Человеке как таковом.

Вглядимся в соответствующий текст несколько подробнее: “Идеи и мысли людей были, разумеется, идеями и мыслями о себе и о своих отношениях, были их сознанием о себе, о людях вообще...– и обо всем обществе, в котором люди жили. Независимые от них условия, в которых они производили свою жизнь, связанные с этими условиями необходимые формы общения и обусловленные всем этим личные и социальные отношения должны были – поскольку они выражались в мыслях, – принять форму идеальных условий и необходимых отношений, т.е. получить свое выражение в сознании как такие определения, которые происходят из понятия человека вообще, из человеческой сущности, из природы человека, из человека как такового. То, чем были люди, чем были их отношения, явилось в сознании в качестве представления о человеке как таковом, о способах его существования или о его ближайших логических определениях”[2]. Здесь Маркс не говорит об иллюзиях, об идеологии – он указывает на схематизм образования “всеобщих представлений”, которые могут быть и иллюзорными, и действительными. Но в любом случае они не могут быть сконструированы заранее, безотносительно к историческому опыту. Напротив, они являются как бы сгустками такого опыта, его результатами, но при переводе в идеальную форму этот опыт как бы превращается в нечто самостоятельное и нормоопределяющее для породившей его сферы праксиса.

Иллюзии, порождаемые человеческой практикой, имеют своим источником или порождающими причинами некоторые свойства и характеристики самой практики – это общая установка Маркса. В “Немецкой идеологии” об этом говорится вполне определенно: “Если во всей идеологии люди и их отношения оказываются поставленными на голову, словно в камере-обскуре, то это явление точно так же проистекает из исторического процесса их жизни, – подобно тому, как обратное изображение предметов на сетчатке глаза проистекает из непосредственного физического процесса их жизни”[3]. И, в очень схожей формулировке, несколько ниже: “...Для нас исходной точкой являются действительные живые люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого процесса. Даже туманные образования в мозгу людей, и те являются необходимыми продуктами, своего рода испарениями их материального жизненного процесса, который может быть установлен эмпирически и который связан с материальными предпосылками”[4].

Примечательно, что в этих и аналогичных марксовых формулировках введены многозначащие сравнения – идеология есть “отзвуки”, “рефлексии”, “сублиматы” жизненного процесса людей, которые могут доходить до степеней “туманных образований” и “поставленных на голову” представлений о реальности. Словом, целый комплекс иллюзий, которыми человеческий праксис сам себя обволакивает. Понятие “видимость” присутствует в тексте поблизости, когда говорится о “видимости самостоятельности” различных форм идеологии, то есть этим словом подчеркивается закреплённость, устойчивость,

относительная обособленность от непосредственного праксиса идеологических иллюзий.

Виды практики фиксированы в историческом плане. Для индивида же, включенного в эти типы практики, они предстают как данные и тем самым естественные. Их ограниченность и временность ему попросту не видна, так как он не может “посмотреть со стороны” на свое собственное бытие, свой собственный образ праксиса, потому что его возможности для такого взгляда весьма невелики. Поэтому свое ограниченное бытие индивид понимает как всеобщее, как закон и необходимость, как норму и суть человеческой и природной жизни. Тем самым идеология становится осознанием частичной деятельности как всеобщей.

В “Немецкой идеологии” источником идеологического самообмана людей чаще всего выступают отчужденные от индивидов исторически стабильные компоненты человеческой практики. Маркс их называет условиями, обстоятельствами, положением дел, материальными предпосылками, объективными отношениями и даже историческими формами общения. С точки зрения неизбежного воздействия на сознание индивида Маркс рассматривает целый ряд таких феноменов как нация, государство, собственность, право, семья, социальный страт. Сюда же относятся как более приближенные к сфере духовного — религия, язык, традиции общения, мораль. По Марксу, человеческая личностная активность как бы “окрашивается” в цвета, соответствующие всякой указанной группе “условий и обстоятельств”, что и выражается в различных иллюзорных представлениях.

Восприятие человеком своего бытия, как всеобщего закона и необходимости, вместе с “условиями и обстоятельствами”, детерминирующими данный тип практики, а также мышление личности — почва, живое основание идеологизации.

Идеология, по Марксу, не совсем иллюзорна, ибо говорит правду, хотя и в форме лжи. Суть ее в том, что это правда о человеке, смотрящем на мир, хотя и выданная за правду о самом мире. Маркс недаром подчеркивает, что “то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некоторое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы”[5].

Расколотость идеологии отражает расколотость человеческого бытия, которая состоит не просто в конфликте классовых интересов, а в том, что “родовая сущность человека... превращается в чуждую ему сущность”[6]. Иллюзорный или собственно идеологический аспект открывается в том, что продукт исторических обстоятельств, то есть расщепленность существования, трансформированная вдобавок идеологией, выдан за природу человека.

Маркс задается вопросом: почему иллюзия принимает форму идеологии, почему иллюзии могут захватить человека или почему человек хочет принимать их за действительность. В “Немецкой идеологии” он дает следующий ответ: “...Всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества...”[7]. Более того: “Происходит это оттого, что вначале его интерес действительно еще связан с более или менее общим интересом всех остальных, негосподствующих классов”[8]. Значит идеология — не простая иллюзия. Она кое-что забирает из реальности, то есть из интересов остальных членов общества, иначе не смогла бы выдать себя за нечто иное.

Вышеизложенное подводит нас к указанию основной причины идеологического "иллюзионизма" по Марксу – ограниченности или определенности всякого вида или типа самой практики.

Для Маркса идеология есть особый тип мыслительного процесса, когда идеологи, как производители и трансляторы идеологий, сами не осознают, что продукты их деятельности обусловлены вполне конкретными классовыми интересами, в которых выражаются в первую очередь социально-экономические мотивации данного класса. Именно поэтому идеологи и рисуют иллюзорную картину действительности, в силу этого предстающей в искаженном виде.

Понятие идеологии Маркс использовал для борьбы со своими политическими противниками. Так, например, он критиковал идеологов-либералов, которые называли капитализм обществом свободы, где у каждого человека есть право определять свою собственную судьбу, свободно заключать любой договор, который он сочтет благоприятным для своих интересов, где равенство и справедливость гарантированы каждому. Маркс считал, что такие идеологи искажают действительность в угоду интересам господствующего в производстве класса буржуазии, которая не желает признавать безжалостную экономическую эксплуатацию рабочих. В этом проявляется так называемый "классовый подход" Маркса к идеологии, который связывается непосредственно с экономическими интересами определенного класса. Тем самым социальная обусловленность идеологии, по Марксу, сводится преимущественно к материальному базису – экономике и производственным отношениям. Такое "упрощение", однако, не должно заслонять важное рациональное зерно самого принципа социальной обусловленности идей, который успешно используется после Маркса.

В соответствии с марксовым подходом идеологически извращенные формы сознания отомрут вместе с неизбежным и окончательным исчезновением самих классов. В основе такого оптимистического прогноза лежит своеобразная романтическая концепция освободительной роли пролетариата как класса, который по логике марксизма не заинтересован в собственном господстве, а стремится лишь к освобождению всех классов, в том числе и своей противоположности – буржуазии.

Раскрывая сущность идеологии Маркс определяет и ее границы, что должно, по его мнению, отделить этот феномен от других форм сознания. Именно в этом контексте он сравнивает идеологию с наукой, очерчивая тем самым "внешнюю границу" идеологии.

Все, что сказано в "Немецкой идеологии" о науке, подтверждает там же приведенную краткую формулу: "Мы знаем только одну – единственную науку, науку истории". И, немного дальше, после отказа заниматься "историей природы" в пользу "истории людей": "... почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее. Сама идеология есть только одна из сторон этой истории"[9].

Однако историческую науку Маркс представлял не как "собрание мертвых фактов". Свое видение исторической науки как "действительной положительной науки" Маркс определяет следующим образом: "...изображение практической деятельности, практического процесса развития людей"[10]. Можно заметить, что столь широкое толкование исторической науки включает в себя и анализ настоящего, то есть современной реальности в различных аспектах. Не только историческая наука как таковая, но и экономическая теория, и существующая в зародышевом состоянии социология служат в эти годы для Маркса наиболее простыми и наглядными "образами научности".

Марксово понимание науки значительно расходится со многими определениями “научности” – как в его время, так и ныне. Однако главное в том, что Маркс противопоставляет идеологии широко понимаемое историческое исследование действительности, которое имеет явный анти-идеологический заряд.

Иначе обстоит дело с определением “внутренней границы”. У Маркса она хотя и присутствует, но в неопределенном, размытом виде. Более четко ее нельзя провести, так как реальное содержание, всегда так или иначе представленное во всякой идеологической иллюзии, может быть искажено идеологами в небольшой степени, или же может быть, по выражению Маркса, и вовсе “перевернуто”.

Собственное “учение” Маркс интерпретирует в противопоставленности идеологическому иллюзионизму. Однако можно заметить, что тут сделано почти все возможное, чтобы избежать опасности создать еще одну систему иллюзорных представлений. В текстах “Немецкой идеологии” собственные мысли Маркс, по крайней мере, не идентифицирует ни с наукой, ни, тем более, с идеологией. Даже в програмном документе коммунистов – “Манифесте Коммунистической партии”, разработанной совместно с Энгельсом, Маркс не называет свою теорию наукой, а “лишь общим выражением действительных отношений проходящей классовой борьбы, выражением совершающегося на наших глазах исторического движения”[11]. В другой работе – “Нищета философии”, Маркс отмечает не научный, а “революционный”, то есть исключительно политический характер коммунистической теории. Хотя здесь и говорится о “науке”, “порожденой историческим движением и принимающей в нем участие с полным знанием дела”[12], она преподносится больше как политическая доктрина, которая помогает рабочим глубже понять свои собственные интересы. Нигде больше термин “наука” в этой работе не встречается.

В этом плане, хотелось бы несколько отодвинуть воззрения Маркса от подходов Энгельса, хотя бы по части отношения к идеологии. Именно Энгельс сравнивает идеологию с ложным сознанием. Так, в письме к Ф. Мерингу, он пишет: “Идеология – это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом”[13]. Суть дела в том, что оппозиция “ложь” – “истина” уводит в гносеологическое измерение всю проблему, а это затрудняет переход к социальной реальности, где данные понятия плохо работают.

Кроме того, Энгельс впоследствии неосторожно объявил “социализм” наукой, и с тех пор упреки в позитивизме и утопизме, наряду с обоснованным указанием “идеологических грехов” в текстах Маркса, постоянно повторяются и, возможно, будут еще долго повторяться.

В.И. Ленин существенно пересмотрел марксизм. Один из главных пунктов ленинской ревизии марксизма – попытка совместить воедино идеологию и науку: идеология может стать научной только в одном случае – если это пролетарская идеология. Ленин ввел в оборот такое понятие как “научная идеология”. Тем самым был поставлен знак равенства между социальной наукой, марксизмом, и пролетарской идеологией и была выдана индульгенция на политическую непогрешимость всем сторонникам марксизма. “Научная идеология” стала удобным инструментом защиты и оправдания любых политических решений. Эта ревизия марксизма была обусловлена

прежде всего политической целью Ленина: обеспечением победы пролетарской революции всеми возможными средствами. Поэтому главное в идеологии для Ленина – ее активная политическая, прежде всего мобилизующая, функция.

Совсем другие выводы из посылок марксовой концепции идеологии (и в первую очередь из тезиса о социальной обусловленности идей) сделал выдающийся немецкий философ и социолог Карл Мангейм (1893 – 1947). Хотя первоначально прочное признание Мангейму принесли труды по "социологии знания" (наряду с немецким философом М. Шелером он считается родоначальником этой научной дисциплины) все же он был ярко выраженным политическим мыслителем. Даже тогда, когда он стремится проникнуть в природу знания как такового, его влекло к социологии политики.

По общепризнанному мнению, Мангейм дал наиболее полный анализ феномена идеологии. Западные исследователи обычно отмечают схожесть взглядов на идеологию Мангейма и Маркса, но вместе с тем считают, что Мангейм пошел дальше в раскрытии корней идеологии, связывая это обстоятельство с социологией знания. Основу концепции Мангейма составляют два положения: о познаваемости социальных процессов и о том, что продукты и формы мышления порождаются процессом исторического развития, т.е. обусловлены историческими, социальными, классовыми и культурными факторами. Тем самым, заимствовав у Маркса положение о зависимости общественного сознания от общественного бытия и социальной обусловленности идей, Мангейм полагал, что общественное бытие не сводится только к отношениям в сфере материального производства, к экономическому детерминизму.

Мангейм различал партикулярную (частичную) и тотальную идеологии. Частичная идеология представляет собой определенную систему идей, которые являются более или менее искаженным отражением фактов и событий в угоду политическим или иным интересам ее носителя. Понятие тотальной идеологии отражает особенности, своеобразие и характер структуры сознания, типа мышления и восприятия определенных слоев населения, групп общества или же в целом эпох. Понятие идеологии ставит социологию знания на иной уровень, появляется понимание того, что человеческое мышление не свободно от идеологизирующего влияния социального контекста[14]. Вместе с тем ставится под сомнение достоверность знания вообще (особенно гуманитарного), которое по мнению Мангейма в наибольшей мере подвержено идеологической манипуляции.

Этапной в деятельности Мангейма стала его монография "Идеология и утопия" (1929г.). Впервые с социологических позиций Мангейм попытался проникнуть в природу политических идеологий, раскрыть многообразие их взаимосвязи с социальными группами, с общественным бытием в целом и конкретными историческими ситуациями.

Мангейм указывает на четыре фактора формирования идей, которые выступают как взаимозависимые переменные величины: 1) ситуация, когда мы пытаемся интерпретировать, откликаясь, реагируя на такие субъекты или процессы, как община, нация, революция или класс; 2) индивид, лично вовлеченный в данную ситуацию и соответствующим образом формирующий свое представление о ней; такое участие в ситуации может быть связано с профессиональными интересами, политическими устремлениями, родственными отношениями, экономическим соперничеством и сотрудничеством, короче, включает все множество переплетающихся друг с другом видов групповой принадлежности; 3) образ, который принимают

индивид или группа; 4) аудитория, которой сообщается этот образ, а также ее понимание образа, символы, соотносящиеся в ее представлении со значением, и ее словарный запас.

Один и тот же объект получает различное осмысление в различных ситуациях. Лица, по-разному вовлеченные в одну и ту же ситуацию, по-разному оценивают ее и соответствующим образом стремятся изменить ее. Наконец, индивид представляет себе ту или иную тему, тот или иной вопрос в зависимости от аудитории – действительной или воображаемой, к которой он обращается, и от того, с какой аудиторией оратор стремится установить контакт, зависят форма и содержание сообщаемой им информации. Социолог должен исходить из признания взаимозависимости этих четырех факторов, ибо рассматривать какой-либо из них как независимую переменную величину значит допустить в изучении формирования идей некритический и неоправданный детерминизм, – бихейвиористского, идеалистического или эволюционистского толка. Признать, например, что общее экономическое положение с необходимостью порождает идентичную концепцию общества, так же неверно, как и обратное предположение.

По его собственным словам, он "стремится исследовать мышление не в том виде, как оно представлено в учебниках логики, а как оно действительно функционирует в качестве орудия коллективного действия в общественной жизни и политике". Мангейма интересует прежде всего тот тип мышления, к которому обычно прибегают в случае необходимости принять практическое решение. Сложность заключается в том, что "этот тип мышления образует некий комплекс, который не может быть легко отделен ни от психологических корней эмоциональных и жизненных импульсов, составляющих его основу, ни от ситуации, в которой он складывается и решение которой он пытается найти"[15].

Мангейм подчеркивал, что задача социологии знания – соотнести "духовные образования" с социальными позициями их носителей. При этом следует учитывать, что на мышление оказывают большое влияние бессознательно сформированные данной социальной средой элементы. Каждый из нас детерминирован в своем мышлении собственной системой предубеждений – "тотальной идеологией". А в политике теоретик в своих оценках и волевых импульсах настолько тесно связан с определенным политическим течением, с одной из борющихся сил, что можно говорить о различии "стилей мышления" с отличающимися ценностями и нормами, а также с неодинаковыми познавательными возможностями, различии, которое простирается даже на логику.

Мангейм доказывает свой тезис на примере важнейших социально-политических течений XIX – XX вв. с присущими им особыми стилями мышления: бюрократически-консервативного, исторического консерватизма, либерально-демократического буржуазного, социалистическо-коммунистического, а также особого стиля мышления, присущего фашизму. "История мысли, – пишет Мангейм, – рассматривается при таком подходе не как обычная история идей, а через анализ различных стилей мышления, их рождения и развития, слияния и упадка; ключом к пониманию изменений мысли служит меняющийся фон, прежде всего судьба классов и общественных групп, которые выступают "носителями" этих стилей мышления"[16].

Включив в свой теоретический арсенал марксистский метод, Мангейм применил его по отношению к самому марксизму. Марксистская мысль, сформулировав основополагающий принцип самой социологии знания о социальной

обусловленности человеческого мышления вообще, обнаруживала эту зависимость преимущественно в других идейно-политических течениях. Усилиями марксистов поиск социальных корней мышления выглядел разоблачением всех, кто противостоял им или не соглашался с ними. Вынося свои воззрения из идеологического ряда, они тем самым ставили их над всеми “идеологиями”. Между тем, полагает Мангейм “с социологической точки зрения нет оснований не распространять на марксизм сделанное им самим открытие и от случая к случаю выявлять идеологический характер его мышления”.

В опубликованных позже работах (“Консервативное мышление” в “Эссе по социологии и социальной психологии”, “Эссе об интеллигенции”, “Человек и общество в эпоху преобразования” ,”Диагноз нашего времени: очерки военного времени, написанные социологом”, “Утопия и утопическое сознание”) Мангейм определенном отношении продвинулся вперед по сравнению со своей прежней трактовкой процесса формирования идей. В предыдущих публикациях идеология представлялась как побочный продукт и отражение социальных ситуаций. В этом срезе частое использование терминологии, связанной с оптикой (отражением), глубоко показательно – идеология воспринималась как специфический способ видения или сокрытия вещей от света, затемнения их, причем каждая из позиций, занимаемых наблюдателем в социальной структуре, обусловливала ту или иную перспективу, тот или иной угол зрения. Предложенная Мангеймом в “Идеологии и утопии” социологическая теория формирования идей представляла собой первый шаг на пути исследования типичных взаимосвязей между идеологиями и социальными ситуациями.

Хотя Мангейм в “Идеологии и утопии” не игнорирует вопрос, каким образом идеи возникают из действия, тем не менее не дает на него ясного ответа. Однако в указанных произведениях обнаруживается интерес автора к работе социального механизма, существующего между ролями, которые играют индивиды, и идеями, которые эти индивиды разделяют.

В вопросе о динамике формирования идей Мангейму присуще позитивное восприятие номиналистской теории групп, которая отрицает самостоятельное бытие группы, отдельное от существования ее членов, конкретных индивидов. Вот почему Мангейм рассматривает идеи уже не только как оптические феномены, как социально обусловленные взгляды, но и как мотивированные реакции на данные ситуации. Не снимая своего прежнего вопроса о том, какой аспект социального процесса становится видимым данным группам, Мангейм сосредоточивает внимание на другом: на бессознательной мотивации идей, присущих данному обществу. Тем самым он приближается к психологической (психоаналитической) трактовке идеологии, которая к этому времени уже была сформулирована Вильфредо Парето. Однако главным здесь является то, что, по утверждению Мангейма, социально-классовые побудительные мотивы формирования идей “невидимы” для самих их носителей.

Идея “бессознательной мотивации идей” Мангейма органически дополняет теорию их социальной обусловленности. Благодаря этой идее значительно обогащается арсенал средств и методов, помогающих раскрыть природу идеологического, дать объяснение возникновению типичных для данного общества идей, позволяет понять почему индивиды разделяют присущие данной эпохе взгляды.

Мангейм считал, что именно в политической борьбе люди впервые обнаружили бессознательные коллективные мотивации, которые определяли направление их мышления. В бескомпромиссных политических дискуссиях они не останавливаются на теоретических аргументах, а стремятся сорвать маски, открыть именно неосознанные мотивы убеждений и действий идейного противника.

Коллективное бессознательное как господствующих, так и угнетенных групп, по мнению Мангейма, скрывает от них действительное состояние общества. Выдвигая и теоретически обосновывая свою систему идей как единственно истинную, правящий класс создает духовное образование, называемое им идеологией. "В понятии "идеология", — подчеркивает он, — отражается одно открытие, сделанное в ходе политической борьбы, а именно: мышление правящих групп может быть не только тесно связано с определенной ситуацией, что эти группы просто не в состоянии увидеть ряд фактов, которые могли бы подорвать их уверенность в своем господстве"[17]. При этом понятие "идеология" не предполагает наличия сознательной политической лжи, его назначение — указать на аспект социальной обусловленности мышления бытием, хотя, конечно, тем самым не исключается, что в определенных условиях может быть выявлена и сознательная политическая ложь.

Любая идеология, по мнению Мангейма, является апологией существующего строя, защитницей статуса-кво. В этом явлении Мангейм видит стабилизирующую роль идеологий. Каждая политико-идеологическая точка зрения означает нечто большее, чем простое утверждение или отрицание однозначно постигаемых фактов. Вместе с тем она — законченное мировоззрение, проявляющееся в стремлении политиков влиять на формирование не только партийных взглядов, но и определенного мировоззрения масс, формировать у них политическую установку, то есть определенное отношение к миру.

Это понятие в увязке с другим — "утопией" — Мангейм использует в качестве несущей конструкции возведенного им концептуального здания. "Утопическое мышление" отражает противоположное открытие, также сделанное в ходе политической борьбы, а именно: определенные угнетенные группы духовно столь заинтересованы в уничтожении и преобразовании существующего общества, "что невольно видят только те элементы ситуации, которые направлены на его отрицание". Они не принимают в расчет все то, что может поколебать их веру или парализовать желание изменить положение вещей. Утопия — идеи с критической социальной функцией, то есть служащие оправданием действий, которые направлены на свержение данного общественного строя.

Нетрудно заметить, что утопия, по Мангейму, имеет ярко выраженную радикальную направленность, она отрицает компромиссы и реформизм. Свидетель исторических событий XXв., Мангейм полемизирует с общераспространенным представлением об утопии как о чем-то таком, что невозможно реализовать. Он говорит о действенной утопии, носителями которой являются социально активные слои, стремящиеся к преобразованию действительности. В отличие от марксистов, оценивавших утопию как плод интеллектуальной спекуляции, некий практически нереализуемый идеал, Мангейм подчеркивал ее активное, деятельное начало. Утопическое мышление, свойственное угнетенным группам и классам, "никогда не бывает направлено на диагноз ситуации; оно может служить только руководством к действию". Отсюда общая

направленность утопии на будущее и залог ее превращения в идеологию в случае прихода ее носителей к власти.

В этой связи уместно высказывание известного польского философа Ежи Шацкого, который дал любопытное истолкование идеям Мангейма. В книге "Утопия и традиция" (1971) он писал : "Утописту дается иногда возможность превратить свою альтернативу идеала и действительности в политическую альтернативу и в известные эпохи именно он оказывается наиболее дальновидным политиком. Иначе говоря, граница между утопией и политикой не закрыта раз и навсегда. Поэтому ... я не боюсь говорить об утопиях политики". И далее он приводит примеры: Французская революция и чисто политическое искусство марксистов "управлять силами, действующими в существующем обществе". "Утопия политики" – это "практическое применение утопического мышления в жизни общества"[18]. В отличие от других утопий, у "утопии политики" есть шанс на реализацию, и здесь практика заменяет идеал. По мнению Шацкого, в работах Мангейма утопия приобретает значение именно утопии политики.

Одна и та же по форме идеологическая система, рождающаяся как обоснование свержения существующих порядков и выполняющая критическую функцию, способна со временем превратиться в оправдание полномочий и привилегий нового правящего слоя, стремящегося сохранить свое господство. Подобное, например, произошло в бывшей СССР с идеологией марксизма-ленинизма.

Таким образом, и в идеологии, и в утопии содержатся существенные элементы коллективного бессознательного, препятствующие адекватному восприятию действительности. Если идеология как образ мышления правящих групп и классов связана определенным образом с действительностью, то утопическое сознание, напротив, отрывается от окружающего его "бытия". Однако подобный "отрыв" вовсе не означает, что утопии выступают в роли несбыточных "грез", не имеющих никакого отношения к действительности и не связанных с ней.

Мангейм в своих рассуждениях об идеологии и утопии глубоко проникает вглубь этих феноменов. Он старается дать их философско-логическое определение и указать на их связь как между собой, так и с окружающей действительностью. Природа человека такова, пишет он, что отторгает грубый рационализм, который находит себе устойчивую нишу только в бытовой сфере. Как пишет Мангейм, "в ходе истории люди значительно чаще ориентировались на трансцендентные бытию, чем на имманентные ему факторы, и тем не менее осуществляли на основе подобного, не соответствующего бытию "идеологического" сознания, вполне конкретное устройство социальной жизни"[19]. Трансцендентностью немецкий социолог называет недостижимость. Трансцендентно то, что нереально, неосуществимо, но не вообще, а применительно к исторически конкретному обществу, его реальному, действительному укладу жизни. "Каждая стадия исторического бытия обволакивалась представлениями, трансцендирующими это бытие, однако до тех пор, пока они "органически" (то есть не оказывая преобразующего воздействия) входили в картину мира, соответствующую данному периоду, они выступали не как утопии, а как идеологии, присущие данной стадии исторического развития"[20].

Таким образом, имеются два трансцендентных социальному бытию, однако связанных с ним и обусловленных им же представления – утопия и идеология. Первая конструируется вне прямой связи с этим бытием, вторая –

опирается на него, исходит из его текущих задач. Объединяет оба представления исходный пункт – ценностная система. Различает – принцип реализации. "Идеи, которые, как оказалось впоследствии, лишь парили в качестве маскирующих представлений над уходящим или возникающим общественным порядком, были идеологиями; те же идеи, которые получили в последующем свою адекватную реализацию, были относительными утопиями"– отмечает Мангейм[21].

Таким образом, получается, что зазор между идеологией и соответствующим ей социально-политическим порядком гораздо шире, чем между утопией и осуществленным на ее основе режимом.

Мангейм пытается отделить утопию от идеологии, закрепить за этими понятиями внятные определения, однако, сам того не ведая, подводит нас к мысли об их единстве: "Идеологиями мы называем те трансцендентные бытию представления, которые de facto никогда не достигают реализации своего содержания. Хотя отдельные люди часто совершенно искренне руководствуются ими в качестве мотивов своего поведения, в ходе этой реализации их содержание обычно искажается". "Утопии также трасцендентны бытию, ибо они ориентируют поведение на элементы, не содержащиеся в данном реальном бытии; однако они не являются идеологиями, то есть не являются ими в той степени и постольку, поскольку своим противодействием им удается преобразовать существующую историческую действительность, приблизив ее к своим представлениям. Если такое принципиальное и совершенно формальное различие между утопией и идеологией представляется постороннему наблюдателю безусловным, то решить in concreto в каком случае что следует считать идеологией и что утопией, невероятно трудно"[22]. В этом и проявляется противоречивость теории Мангейма в вопросе отделения понятий идеологии и утопии.

Идейное содержание утопии, по Мангейму, предлагает мысленную идеальную картину иного социального порядка. И тем не менее утопия может быть в каком-то виде реализована. Идеология же, напротив, не может не охватывать оценок текущей ситуации и проектирует будущее из имеющихся начальных условий, но не реализуется на практике, как не может быть реализован абстрактный принцип, который всегда присутствует в идеологии. Если утопия в какой-то форме подлежит реализации, то идеология всегда указывает на дальнейшее движение из реализованного состояния и в избранном направлении. Утопия – модель статическая, идеология – динамическая. Вместе с тем и идеология, и утопия могут исходить из одной и той же базовой системы ценностей. В рамках политического процесса элементы утопического и идеологического не противостоят друг другу в чистом виде, а в условиях социального кризиса идеология и утопия интенсивно смешиваются, ибо действительное, реальное и возможное оказываются неясными, расплывчатыми.

Только взаимодействие и борьба идеологических и утопических элементов во всем их многообразии обеспечивают полнокровную общественную жизнь, ту напряженность, без которой немыслимо историческое развитие. Мир без идеологии и утопии, по мнению Мангейма, утратил бы многомерность, означал бы торжество насквозь рационализированного порядка, "прозаического утилитаризма", уничтожающего человеческую волю, человек перестал бы быть творцом истории[23].

Однако и в этом плане между двумя явлениями имеются различия. Если уничтожение идеологии представляет собой кризис лишь для определенных

социальных слоев и возникшая благодаря выявлению идеологии объективность служит для большинства средством достижения более ясного понимания самих себя, то полное исчезновение утопии привело бы к изменению всей природы человека и всего развития человечества.

Как и все в мире, утопия развивается, меняется вместе со временем. В этом плане перспективна идея Мангейма об "ослаблении утопической интенсивности", о постепенном нисхождении и приближении утопии к исторической реальности, конкретному бытию. Начиная с Нового времени, эта тенденция прослеживается особенно ясно. Он выделяет четыре типа утопического сознания ("оргиастический хилиазм", либерально-гуманистический, консервативный и социалистическо-коммунистический), которые, сменяя друг друга, толкают вперед этот процесс. Наибольшим трансцендирующим зарядом обладала хилиастическая утопия, утопия тысячелетнего царства на земле. Сам по себе хилиазм – религиозно-мистическое учение о тысячелетнем царствовании Христа. Утопией оно стало тогда, когда направленные на потусторонний мир чаяния "обрели посюстороннее значение, стали восприниматься как реализуемые здесь и теперь и наполнили социальные действия особой яростной силой".

Исторически это преображение связано с гуситами, Томасом Мюнцером и анабаптистами. Либеральная, социалистическая, консервативная идеи, по Мангейму, являют собой последовательное нисхождение утопии, приближение ее к мирским делам и заботам человека. В идеальном случае консервативная утопия демонстрирует свое полное соответствие действительности, существующему общественному порядку. По существу это уже и не утопия, а переход к идеологии, сама идеология[24]. Ведь последняя есть не что иное, как "погружение утопического элемента в бытие".

Озабоченность Мангейма ростом утилитаризма и прозаичности истории, уходом из нее утопии, в меньшей степени – идеологии, всецело подтверждается историческими тенденциями последних десятилетий, во многом переломными событиями конца XX в. Напряжение между идеалом (если именно так трактовать "утопию" Мангейма) и действительностью становится все меньшим. Казалось бы, появляется повод для оптимизма: жизнь приближается к идеалу, становится все более похожей на него. Увы, это не так. И главным образом потому, что сам идеал стал открыто сближаться с действительностью (а не наоборот), приземляя и умеряя свои претензии к ней.

Не подвергая сомнению эвристичность мангеймовской трактовки утопии и идеологии, тем не менее укажем на возможность несколько иного их понимания. На наш взгляд, идеология и утопия – образования не разнопорядковые. Поэтому они не могут исторически сменять друг друга. Скорее всего утопия – сторона, аспект, идеал, та часть самой идеологии, в которой представлено будущее, обрисованы перспективы грядущей жизни людей. Для социального воодушевления, возбуждения энтузиазма, вербовки и сплочения своих сторонников идеология должна рисовать привлекательное, лучшее будущее. Идеологическое будущее несомненно светлое и в этом смысле утопическое. Мрачные картины будущего – это не что иное, как предупреждение об опасностях, которые подстерегают светлую перспективу истории, грозят ее потерей.

Таким образом, в соответствии с идеями, развитыми в рамках социологии знания, идеология есть теоретически оформленное выражение самосознания группы, средство защиты интересов группы, система одностороннего подхода к объяснению действительности и потому

сохраняющая статус ложной системы знания, скрывающего от членов общества действительное его состояние, но именно в силу этого стабилизирующая его.

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что положения теории "социальной обусловленности идеологии" своим возникновением обязаны деятельности таких мыслителей как К. Маркс и К. Мангейм. Первый, заложив основы этой теории, рассматривал процесс социального детерминирования идей с точки зрения интересов групп, задействованных в материальном производстве, тем самым значительно сужая рамки "социального бытия" – сферы, инициирующей проявление идеологии, и абсолютизируя экономические отношения. Мангейм несколько расширил ее границы, включив в понимание "социального бытия" как социально-классовую структуру общества, так и социально-исторические, культурные и религиозные факторы, тем самым дал более объемное определение понятия идеологии. Позднее, углубившись в природу идеологического феномена, он выделил особую роль бессознательной мотивации идей, которая, естественно с учетом других социальных факторов, полнее раскрывает сущность идеологии.

Однако определение идеологии Мангеймом приблизило его к отрицанию объективности человеческого гуманитарного знания вообще. Мангейм просматривал в гуманитарных науках один только идеологический отпечаток. Продолжая логическую цепь Мангейма можно прийти к выводу, что вся духовная сфера человеческой жизнедеятельности насквозь идеологизирована и субъективна (и даже "ложна"). Такой взгляд на природу "социального бытия" в общей теории "социальной обусловленности идеологии" не только приводит к размыванию границ идеологии, но и не допускает существования лишенного "самообмана" действительного и неидеологизированного знания.

В целом, положения теории "социальной обусловленности идеологии" имели большое значение для дальнейшей разработки теории идеологии. Не раз они становились объектом серьезных споров между известными мыслителями, подвергались критике, а во многих случаях ложились в основу теоретических воззрений новых авторов. Это обстоятельство доказывает научную ценность данной теории. В теоретической деятельности по определению понятия идеологии исследователи могут критически подходить к теории "социальной обусловленности идеологии", однако полностью исключить ее из виду, тем самым недооценить факт социальной детерминированности идей, значит иметь искаженное представление о таком феномене как идеология.

---

[1] *Маркс К. Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т.3, С. 24.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, С. 171.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, С. 25.

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, С. 25.

[5] *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, С. 2.

[6] *Маркс К.* Экономико-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1974. Т. 42, С. 567.

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, С. 47.

[8] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, С. 47.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, С. 16.

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 3, С. 26.

[11] *Маркс К. Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т.4, с.438

[12] *Маркс К. Энгельс Ф.* Нищета философии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 4, С. 146.

[13] *Энгельс Ф.* Письмо Ф.Мерингу // *Маркс К., Энгельс Ф.* Собр.соч.: В 50-ти томах. М.: Политиздат, 1955 – 1981. Т. 39, С. 83.

[14] См.: *Мангейм К.* Идеология и утопия // *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М.: Прогресс. 1994. С. 230.

[15] Там же. С. 27.

[16] Там же. С. 29.

[17] Там же. С. 164.

[18] *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. С. 35.

[19] *Мангейм К.* Утопия в истории социальных идей // Утопия и утопическое сознание. М.: Прогресс, 1991. С.113.

[20] Там же. С. 113-114.

[21] Там же. С. 95.

[22] Там же. С. 115-117.

[23] *Мангейм К*. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. С. 218.

[24] *Мангейм К.* Консервативная мысль // Мангейм К. Диагноз нашего времени. СС. 593, 596, 597.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КРИТИКИ КАТОЛИЦИЗМА ГРИГОРОМ ТАТЕВАЦИ

Иванов В.А.

Одной из основных задач, стоявшей перед армянскими мыслителями Средневековья, и доставшейся в наследство Татеваци, явилось отражение идейной агрессии католицизма и обоснование суверенитета армянской церкви и народа. Причем при построении своей аргументационной базы ими был использован весь накопленный предыдущими поколениями потенциал. Так, академик С. Аревшатян, на основе тщательного анализа рукописных данных отмечает: «В одной из средневековых рукописей Матенадарана им. Маштоца имеется памятная запись, в которой показана преемственная связь между различными поколениями армянских мыслителей. Из этой записи видно, что генеалогически воззрения Г. Татеваци восходят своими корнями к идейной сфере выдающегося представителя армянской социально-политической мысли XII века Мхитара Гоша[1]. Таким образом, налицо единая, концептуально-оформленная идейная направленность деятельности армянских средневековых мыслителей. Здесь отметим, что вековой опыт борьбы против духовных поползновений византийцев, имевших конечной целью политическое подчинение армянского народа, был деятельно использован и в борьбе против католицизма. Религиозный же окрас здесь вовсе не случаен. Ибо, как справедливо отмечал еще Ф. Энгельс (сейчас не модный, но тем не менее актуальный): «единственной формой идеологии в средневековье являлась религия»[2]. Так, Татеваци в своей критике католицизма иногда прямо обращается к философскому обоснованию, во многих случаях – к богословию, используя, таким образом, все доступные ему средства аргументации. Причем, в ряде случаев, богословские аспекты настолько перемежаются с философскими, что отделить их друг от друга практически невозможно. Цель же естественно одна – обосновать вытекающие из сугубо философской, или синкретической доказательной базы идейно-политические установки. Критика мыслителя носит многосторонний характер, и им используются разного рода аргументы, которые можно в самых общих чертах условно разделить на три основные группы:

1) Аргументы, опирающиеся на авторитет истории.
2) Аргументы, опирающиеся на авторитет Св.Писания.
3) Аргументы, носящие научно-философский характер и черпавшиеся из достижений античной и национальной философии и науки.

На этих трех группах доказательств Татеваци и строит свою мощную и многостороннюю критику униатов и идеологов католицизма. Причем, своей основной задачей он видит не только в отражении идейной экспансии папской курии, но благодаря мощи аргументации сам стремится перейти в наступление, используя при этом весь набор знаний, и все приемы идейной борьбы,

накопленной предыдущими поколениями. Что касается сферы философии, то известно, что основным моментом, вокруг которого происходили споры между поборниками католицизма и их армянскими оппонентами, являлась проблема универсалий, особенно в ее логическом аспекте – вопрос соотношения частного и общего. Причем в данном контексте следует отметить, что проблема универсалий, являлась всего лишь частью другой, более широкой проблемы, которая в том или ином виде красной нитью проходит практически через всю историю армянской политической мысли, а именно – проблемы обеспечения национальной безопасности. Данная проблема в условиях напора со стороны мусульман, наступательных движений католиков с их пропагандой объединения и отсутствия государственности, получила особо острое звучание в XIII – XV веках. Поэтому развернувшиеся тогда жаркие философские споры вовсе не являлись такими уж бессмысленными или безобидными, как это могло показаться на первый взгляд. Наоборот, строящиеся на основе философских выкладок выводы в пользу того, или иного варианта ее решения, вскрывают их политическое содержание. Ибо, как отмечал по этому поводу еще В. Чалоян: «На протяжении почти всей истории Армении ведущими в армянской философии являлись обобщающие идеи и концепции национально-освободительного движения»[3]. Впрочем, то же самое можно сказать и о богословии, которое наряду с философией, помимо научно-образовательной ценности (содержащейся хотя бы в познании истории) служило инструментарием для обоснования той или иной политической позиции.

Не углубляясь в сугубо философский аспект проблемы универсалий, отметим лишь, что в споре с номиналистами, католики-реалисты, используя перемежающийся с богословием философский инструментарий, выдвигают, на основании решения проблемы универсалий, имеющие политический характер утверждения о главенстве папы римского и об объединении под его единой (общей) властью всех христианских церквей. Так, Варфоломей Болонский, вслед за Фомой Аквинским, умеренно-реалистически решая вопрос соотношения общего с частным в пользу первого, из своей доказательной базы выводит, что «общий глава, который поставлен Христом, который есть божественный римский папа, который есть наместник [апостола] Петра»[4] и, следовательно, «все христиане нуждаются в престоле апостола Петра, ибо от него обретают силу»[5]. Представители же гладзорско-татевской школы обосновывали обратное – оперируя философскими и богословскими доказательствами, выводили на их основе право армянской церкви и народа на самоопределение и автономность. Так, Иоанн Воротнеци говорит по этому поводу следующее: «отдельное, но не род, не вид, или что-нибудь другое, рождается, растет и умирает, приемлет славу и муки, хвалу и поношение, ибо отдельное есть олицетворенный вид и отдельная конкретно-конечная природа, отдельное есть род, ставший видом. Вот почему и говорит философ об отдельном как главнейшей, первичной и преимущественной сущности»[6]. Татеваци же, являясь представителем гладзоро-татевской школы, которая, в своем противостоянии с католическими миссионерами и униатами выдвигала умеренно-номиналистическое решение данной проблемы, а именно – отдавала приоритет частному, отдельному над общим, также является защитником частного, отдельного, в качестве которых у него предстают армянская церковь и народ. Так, Татеваци задается вопросом: «Что же ответим тем, которые сплетничают о том, что нация армянская не объединяется с другими? Но говорят они также и о том, что якобы общие уставы являются более истинными, нежели частные»[7]. И тут же, мыслитель начинает развернуто

излагать свою точку зрения. Так, он заявляет, что вовсе не то, что общепринято, является безусловной, непреложной истиной для всех: «Скажем насчет этого следующее: во-первых, обобщения не являются истинными повсеместно, а отдельные не являются повсюду ложными. Как и сказано, что человек вообще справедлив, но не конкретный человек является справедливым. И вот, это является обобщением, и оно не истинно, но ложно. И какой-то человек справедлив, а кто-то – нет. И вот, это утверждение является частным и истинным»[8]. Эту мысль Татеваци развивает в своем «Комментарии к Введению Порфирия», выступая против подобного рода обобщений, и приводит, в качестве обоснования своей точки зрения следующий пример: «ибо изначально Сократ является седым, а потом уже всякий человек»[9]. Следует отметить, что в отличие от «Книги Вопрошений», он не политизирует данный момент и не выводит из рассуждений философского характера имеющих уже политическую значимость утверждений. Наоборот, аргументация его как-бы абстрактна и не столь целенаправленна. Таким образом, Татеваци продолжает отстаивать точку зрения своих предшественников, благодаря чему истинным и первичным считается не вид или род, а отдельный индивид – частное. Данный номиналистический тезис он провозглашает во всех тех случаях, где он, так или иначе, затрагивает проблему универсалий. Чтобы не показаться однобоким, он считает необходимым привести и противоположную точку зрения. Так, по этому поводу он отмечает: «И вновь, хотя и согласно Порфирию часть следует за целым, как индивид за видом, а вид – за родом, но согласно Аристотелю именно род и вид следуют за индивидом, ибо являются они вторыми сущностями. А индивид же является более предпочтительным, истинным, и первой сущностью, что есть отдельное и частное, как и нация наша»[10]. Продолжая свой обстоятельный разбор тех или иных положений, он приводит и такой аргумент: «сущность как наиболее, так и наименее истинна. Говорим мы так, ибо что само по себе является истинным и добрым – то оно является более преобладающим, а что является истинным и добрым случайно – то менее. Ибо то, что само по своей сущности является чем-либо и необходимо – то есть оно является неизменным и вечным. А то, что случайно – то оно приемлимо и привнесено извне, то есть, изменчиво и от случая к случаю [является тем или иным]. Как, например, если скажет кто-либо, что доброе является добрым, то это утверждение истинно само по себе. А когда же скажет, что доброе не является злым, то истинно и это. Но только по случайности, как и было показано»[11]. Исходя из этого, мыслитель, логически заключает следующее: «Но известно, что менее истинное следует за более истинным, как и менее доброе за более добрым, [причем], как общее, так и частное. И вот, нация армянская и обладает наибольшей истиной и благом в исповедании и уставах, то есть – по делам и по вере. И вот, значит, должны и все нации христианские следовать этому»[12]. Татеваци не останавливается на данных аргументах, но в целях подкрепления и расширения своей доказательной базы продолжает наращивать аргументацию. «И опять, истинное единственно, а ложь – множественна. И добро лишь одно, а ложь – множественна. И добродетель лишь одна, а заблуждений – много»[13]. Однако, несмотря на то, что добро повсеместно окружено множеством многоликих зол, оно все-таки вполне может с успехом противостоять злу именно по причине своей истинности. Так, мыслитель гордо замечает: «Но и так возможно, чтобы одно противостояло многим и побеждало, как и нация армянская по отношению ко всем, которых много, а не один»[14]. Здесь намек на идейное противостояние сразу на

нескольких фронтах, с далеко не равными по своей силе различными противниками (Начиная от католических проповедников и завершая мусульманскими теологами) слишком очевиден. Здесь Татеваци считает совершенно необходимым подчеркнуть то важное обстоятельство, что, несмотря на тьмы врагов, армянские книжники все-таки одерживали, да и продолжают одерживать над ними идейные победы. Поэтому, он, не желая оставаться на достигнутом, продолжает наращивание аргументации: «И вновь, тот, кто близок к истине — тот и является более истинным. Как, например, те, которые близки к свету и теплу — те и являются более светлыми и горячими»[15]. На основании вышесказанного Татеваци вновь заявляет: «И истинными являются также и уставы апостольские, первосвященнические и трех соборов святых. И наиболее приближенной к ним и непоколебимой является нация армянская»[16]. И тут Татеваци гордо заключает, что лишь у армянского народа сохранился первоначальный дух христианства и остались незыблемыми первоначальные уставы. «А в нации армянской не только никто не дерзнул вести еретические речи, но не приняли мы это и от других. Во имя чего и осталась лишь у нас настоящая истина, несмешанная с ложью»[17]. Конечно, данный момент, учитывая появление на армянской почве униатов является несколько спорным, однако мы не должны забывать, что все-таки они по отношению ко всей нации составляли малую часть и что заявления мыслителя имеют политический характер. В данном контексте, в качестве наглядного примера сохранения генеалогической связи между армянскими мыслителями различного поколения, интересно сопоставление взглядов Татеваци с Ананией Ширакаци, который, обращаясь к обвинениям со стороны греков, также считает необходимым подчеркнуть момент сохранения незыблимости основ, на которых покоится армянская церковь: «Что мы учили — то удержали мы незыблемо и не уклонились, и мы не имеет вам ответа потому, что вы не следуете истине, но вечно стремитесь к власти, насилию»[18]. Здесь интересным является то обстоятельство, что у Ширакаци, наряду с утверждением об истинности веры, указывается не на догматический, а именно на политический характер критики греков. Поэтому из-за подобного рода обвинений вовсе не следует смущаться, а нужно отвечать тем же. Татеваци также стремится показать своим последователям, что, несмотря на обвинения со стороны католиков, они являются ничем их не хуже в вопросах веры, а потому не стоит обрастать комплексами. Поэтому, кажущиеся пафосными его некоторые высказывания на самом деле направлены лишь на поднятие духа. Так, он заявляет: «И как учитель почтеннее ученика, и полководец — нежели войско, и управляющий — нежели подданные, так и нация армянская, хотя и является единственной, но может быть почетнее, нежели множество иных»[19]. Однако мыслитель чувствует, что его рассуждения могут привести к следующему не совсем благоприятному впечатлению: разделение гораздо лучше, нежели единения. И далее, посредством этого вывода прийти к впечатлению того, что армянское духовенство является вечным и своеобразным сепаратистом. Поэтому с целью предупреждения своих идейных противников он сам и ставит данный вопрос, чтобы дать на него ответ. «И если кто-то заключит из вышесказанного, что значит, лучше разногласие, нежели согласие (единомыслие) и разделение, нежели единение, то ответим на это следующее: это утверждение не является необходимым повсеместно. Ибо бывает разногласие более благим, нежели согласие с еретиками. И лучше разделение с собранием злым, нежели единение»[20]. Татеваци замечает, что вообще лозунги об объединении трудно реализуемы, и не одни армяне, осознав их

политическую подоплеку не желают объединяться, но такого единения вообще не существует. «То есть, видим мы нацию нашу христианскую не имеющую единения ни по названию, ни по установленным законам. Ибо вот, латиняне имеют предание отдельное... И вот, каждый имеет множество отдельных уставов, и лишь армяне обвиняемы в том, что не имеют единения с другими христианами, но шествуют [они] одиноко и отдельно и это [противники их] приводят в качестве [какого-то] противоречия»[21]. Что же касается римско-католической церкви, то ее притязания на истину в последней инстанции, хорошо известные Татеваци и его предшественникам, и вовсе делают подобное объединение, по их мнению, маловероятным, а учитывая стремление Рима к политическому доминированию с последующим поглощением – и вовсе невозможным. И вовсе не является аксиомой, что вероисповедание и устав католической церкви являются наиболее истинными. Татеваци ставит задачу показать, что притязания католиков в этом направлении неубедительны. Для того, чтобы подкрепить данный тезис, Татеваци приводит следующий пример: «И снова, как, например, если бы множество шло по одной дороге и все, повсеместно, оставив свои дела, пошли бы вместе со всеми, и кто-то один остался бы на прежнем месте, то мы не скажем тогда, что один не разделил со всеми дорогу, но другие не остались с ним. Также и все народы христианские имели одну дорогу предания и исповедания апостольского, вплоть до собора Халкидонского. И лишь после этого разделились все народы по всем делам, как это и известно из уставов каждой церкви. А наше же исповедание осталось всецело тем же, которое и имело [начиная] от святого Григория Просвететеля и ему подобным. И вот, известно, что не нация армянская оставила истинное и отделилась, но они»[22]. Продолжая свои рассуждения на эту же тему, мыслитель тонко подмечает, что вообще-то, практически всем нациям свойственно о себе самое высокое мнение. «И опять, в природе человека заложено, чтобы каждый считал себя наиболее истинным и справедливым. Но лишь тот является справедливым и истинным, кто обладает истинностью»[23]. Здесь Татеваци приводит пример уже из сферы судебной практики: «Как, например, двое у прокурора желают каждый, чтобы было по-своему, и считают себя истинными, но у судьи приближенным к истине оказывается воспользовавшийся свидетельствами. Подобно этому и все народы христианские объявляют себя наиболее истинными. Но разум-судья установил двух свидетелей непорочных: веру и закон, что есть исповедание и дела. И в котором пребывает Христос, тот и является наиболее истинным. Ибо являются они свидетелями истинными, и Господь наш воздвиг их ослепшим евреям, сказав, что если и Мне не верите, то хотя бы делам Моим поверьте. И вот приведите свидетеля этого перед судьей-разумом, и судите прямо, а не криво»[24]. Мыслитель подмечает еще одну немаловажную деталь: «И скажу также, что то, что является беззаконием для нации армянской, закон – для иных народов христианских. И то, что для нас является диофизитством – исповедание для них»[25]. Татеваци здесь не склонен осуждать уставы иных церквей, просто он указывает на многообразие, царящее в христианском мире. И потому, наряду с критикой, проистекающей от необходимости ведения защиты, прослеживается его довольно спокойное отношение к другим церквям. Ибо для того, чтобы мирно сосуществовать друг с другом, вовсе не обязательно объединение с кем-либо. В этом смысле, весьма характерным, в качестве идейного предшественика, является мнение Мхитара Гоша, который говорит, что «хотя и объединение невозможно, но возможно уничтожить брань»[26], тем самым указывая, что для мирного сосуществования и сотрудничества вполне достаточно лишь относиться друг к другу с уважением,

а потому, заключает мыслитель, «предпочитаем мы [по отношению] друг к другу не быть врагами, и не бесчестить креста и церквей друг друга, ибо является это неуважением ко Христу»[27]. Неприятие же Татеваци начинается лишь тогда, когда начинают возникать имеющие политическую подоплеку пагубные догматические споры, грозящие расколоть нацию. Довольно интересным является также то обстоятельство, что он, в качестве первой меры противодействия, выбирает изначально не какую-нибудь жесткую меру (например, физическое воздействие в любом его проявлении), а лишь простое необщение, и удаление от тех, которые словами, либо делами возбуждают раскол. «Так, следует нам удаляться от еретиков и избегать разговоров с ними, а также приветствий, совместного проживания, застолья и дружбы»[28]. Примечательно, что также советует поступать и один из его идейных предшественников, ректор Гладзорского университета – Есаи Нчеци. Так, по этому поводу он заявляет: «И вновь услышали мы, что ложные учителя из нации франкской, и иные из армянских отступников прибыли к вам и браня христианство армянское ругали церковь, и склонив предводителей к вероотступничеству, множество вражды посеяли в церкви. Такого рода еретиков не принимайте в домах ваших, и не приветствуйте их, и не принимайте от них привета, ибо являются они отступниками, и да будут они для вас как язычники и мытари»[29]. Татеваци также указывает на довольно неприглядное поведение различного рода идейных противников, подчеркивая разрушительный характер их деятельности: «Ибо являются они ошибочными в помыслах и заблудшими в вере, и кощунственны в делах. Говорят они ложь, противодействуют законам, бранят уставы и неуважают крест и святыни»[30]. Здесь Татеваци выражает свое отношение ко всем противникам армянской нации. Однако чуть ниже он, благодаря одному уточнению, проясняет, кого, в первую очередь, это обобщение касается. «Ибо кто крестится повторно – тот обнажается от милости Божьей»[31]. Данное указание явно относится к униатам, в среде которых и была распространена практика повторного крещения. Так, при изложении причин, заставляющих его негативно относится к акту повторного крещения, он упоминает следующие: «Скажем, что не следует повторно крестить уже крещенного из-за четырех причин. Во-первых, ибо телесное рождение бывает лишь один раз, также одним является и духовное. Во-вторых, ибо крещение направлено против первородного греха, а первородный грех лишь один, а не два. В-третьих, ибо тот, кто крестится, в смерти Христа крестится, а Христос умер лишь однажды. И если кто-либо будет креститься заново, то вновь личность Сына Божьего возведет на крест и повторно осрамит, так, как и говорит апостол. В-четвертых, ибо крещение является нерушимой печатью для души...»[32]. Вообще же, он прямо призывает критически относиться к чужим веяниям и подходить к ним с предельной осторожностью. И особенно актуально это становится в вопросе обучения молодежи. Ведь именно молодежь, которая не обладает ни опытом, ни необходимым знанием, легче всего подвергается чуждым влияниям. Так, по этому поводу он отмечает: «Также и каждый ученик принимает молоко учения от вардапета своего, который является ему отцом. И народ принимает учение от церкви своей. И сын исповедуется отцу своему, и своему священнику, и своему епископу, а не чужому. Хотя бы и были бы они из одной нации и из одного и того же сословия. Ибо является естественным обычаем, чтобы всякое порождение малое сосало молоко от своих собственных родителей, как и дитя малое, и ягненок и червь, а не от чужого...»[33]. Обучение же приносит с собой мудрость. А кто ее приобретает – того уже трудно соблазнить. «Ибо тот, кто

мудр разумом — тот считает невежеством чужое и внешнее»[34]. Под «внешним» же он разумеет в первую очередь не отрицание достижений других наций в области современных ему науки или искусств, а именно негативное влияние различных веяний, могущих привести нацию к расколу. Если же непрестанно не поучать народ в целом, и молодежь в частности, то они, по причине безграмотности, могут стать довольно легкой добычей для разного рода ловцов человеческих душ и обращение их станет весьма затруднительным. В этом вопросе Татеваци настроен довольно пессимистично. «Те, которые не принимают закона, являются беззаконными... Ибо оставили истинное православие и последовали за заблудшими учителями. Врачевание их невозможно, либо затруднительно. Ибо заблуждается не яростное [начало], но то, которое руководит — [происходит] заблуждение разума»[35]. Поэтому и необходимо непрерывно проповедовать и обучать, что он вменяет в обязанность в первую очередь духовным пастырям, «ибо пастырю ничего так не следует, как бодрствовать»[36]. Таким образом, степень интеграции и взаимодействия с внешним миром определяются армянскими мыслителями — традиционалистами достаточно четко: взаимовыгодное сотрудничество на равноправной основе. Вместе с тем ими указывается на то важное обстоятельство, что во время выдвижения лозунгов об объединении, по-существу, речь идет не о сотрудничестве в какой-либо форме, а именно о поглощении слабого более сильным. Именно поэтому религиозные споры и привлекавшийся для обоснования той или иной позиции научно-философский и догматико-богословский инструментарий, учитывая довление теологического миросозерцания в то время, имели политическое содержание и отражали весь накал идейно-политической борьбы.

Как уже было отмечено, идейное обоснование суверенитета армянской церкви у Татеваци зиждится не на одной лишь проблеме универсалий. Наоборот, мыслитель, наряду с рассмотрением философских проблем, использует и весь известный ему богословско-религиозный потенциал. «Нация от нации разделяются областями, языком и каноническим уставом, которыми являются предания и вера церковные. И вечное разделение проистекает гораздо более из-за называемого каноническим уставом, нежели из-за различных областей и языков. Подобно этому и в случае объединения: более единым называется то, что объединяется по уставу каноническому, нежели по области и по языку. И следует знать, что объединение согласно канону церковному, согласно установленным законам, или по главнейшему, является вечным, а не частичным единением со множеством отличий. Особенно если есть противоречащие и противостоящие. И тот, кто не говорит об объединении в главнейшем, то о каком тогда объединении вообще может идти речь? И что это вообще такое?»[37]. Из приведенного отрывка нетрудно заметить, что мыслителем, в первую очередь, придается решающее значение церковно-каноническому разделению и, как следствие — аргументации теологического характера. Проистекает это как от особенностей господствовавшего в Средневековье теологического мировоззрения, так и от стремления мыслителя обогатить инструментарий своей доказательной базы, сделать его более разносторонним. Не углубляясь во все тонкости богословских положений, приведем лишь некоторые примеры. Так, довольно интересными являются выдвигаемые автором возражения против такого старинного и излюбленного боевого аргумента апологетов папства, как господство римской церкви над остальными, выводимое из положения о старшинстве апостола Петра. Как известно, одним из основных аргументов в пользу данного тезиса служили

слова евангельского текста, где сам Христос, обращаясь к апостолу Петру говорит: «ты – Петр (камень), и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; И дам тебе ключи Царства Небесного; и что ты свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах»[38]. Пользуясь подобным приемом ссылок на авторитет Писания, папство и пыталось достичь своих политических целей. Весьма характерным в этом отношении выглядит послание папы Николая IV к киликийскому царю Хетуму, в котором, в частности, сказано: «И вновь, лишь святая церковь римская обладает высшими господством и властью над общей вселенской церковью. И истинно и смиренно познала она эту совершенную власть от Господа нашего Иисуса Христа, от которого это же было получено главой апостолов Петром, по отношению к кому папа римский является наместником-последователем. И как церковь римская более, нежели остальные обязана ... сохранять святую веру во истине, также и в том случае, если какое-либо сомнение возникнет в стаде Христовом – лишь ей возможно прояснить и разрешить его»[39]. Конечно, беспристрастности ради, необходимо отметить, что ряд положений Библии, их некоторая противоречивость, давали основание тому, кому это было выгодно, трактовать то или иное ее положение в соответствии со своими политическими целями. Так, учитель Григора Татеваци, Иоанн Воротнеци, в своем послании к католикосу Константину V Ссеци, также указывает, что при желании, в Священном Писании можно найти много противоречивых мест, и, в соответствии со своими целями, истолковывать их в свою пользу. Не ставя католических миссионеров и ересиархов на одну плоскость, он, тем не менеее на примере последних, показывает, как это легко можно осуществить: «Знаю, что могли противники истины находить свидетельства в словах Писания и по невежеству своего разума, искажать... Нашел [свидетельство] и Арий. Нашел свидетельство в словах Писания и Македон. Нашел и Нестор и последователи его, но лишь согласно своей ошибочному мнению»[40]. Татеваци же, исходя из стоящих перед ним задач, также стремится показать, насколько относительными по своей сути являются используемые католическими проповедниками аргументы, касательно претензий на главенство римского папы над всеми остальными церквями, базирующиеся на своеобразной ссылке на авторитет – слова из Писания. Так, выдвигая свои возражения против популярного в католической среде тезиса о безусловном верховенстве апостола Петра, он отмечает следующее: «Известно, что каждый апостол отойдя в свою область рукоположил [своей властью] епископов. Как, например, Фаддей в нации армянской... Фома в Индии, Иоанн в Ефесе. И никто из них не пошел за этим к Петру в Рим, а Петр же также никого в других областях не рукополагал. Но известно, что все двенадцать апостолов, располагают равной властью»[41]. Далее, мыслитель заявляет: «Скажем, что Петр является главой апостолов, но не так, как епископ по отношению к священникам, или как католикос, по отношению к епископам. Но лишь так, как среди равных по чину священников один считается отцом»[42]. Таким образом, Татеваци указывает не на безусловное главенство апостола Петра, но исходя из признания его больших заслуг перед вселенской церковью, лишь на его старшинство среди равных, которое носит не фактический, а скорее формальный характер, подкрепленный авторитетом традиции – церковного предания. Между тем, и само это предание (католическое) не является исключительным и общепризнанным для всех. И вообще, межапостольские, а вслед за ними и межцерковные взаимоотношения, почетны и значимы в силу взаимоуважения и равенства, а не в силу некоей иерархизации

предполагающей наличие отношений господства-подчинения. Хотя, как уже было отмечено, он и не низводит положение апостола Петра до положения других апостолов, а наоборот, подчеркивает его исключительность, но лишь в ином, нежели католики аспекте. И в этом также проявляется недюжинная гибкость и политическая дальновидность Татеваци. Ибо он, учитывая величайшие заслуги апостола Петра, не может прийти к их отрицанию, не нанеся при этом ущерб позициям армянской церкви среди иных церквей. В его изложении ситуация напоминает до некоторой степени момент, когда король царствует, но не правит. Впрочем, нужно отметить, что такую же гибкость армянские мыслители и их идейные противники проявили и в вышеизложенной проблеме универсалий. Напомним, что оба противоборствующих лагеря (католические проповедники и их армянские оппоненты из гладзоро-татевской школы) остались на умеренных позициях и не впали в крайность. С чем это было связано? Как отмечает К. Мирумян: «Следует также иметь в виду, что ни крайний реализм (объективным бытием наделено только общее), ни крайний номинализм (объективным бытием наделено лишь отдельное, частное) не могли служить средством теоретико-логического обоснования политики в идейной борьбе сторон. И умеренный реализм, и умеренный номинализм признавали существование и общего, и частного. Просто, умеренный реализм двигался по направлению к частному, и при их соотношение делал ударение на на первенстве общего. А умеренный номинализм двигался от частного к общему, и приоритетность отдавалась частному. В церковно-политическом контексте умеренно-номиналистическая позиция обосновывала равное право на существование как, автономной национальной церкви, так и общей. В то время как умеренный реализм подчеркивал приоритет всеобщей церкви над национальной, что, на деле, естественно привело бы к окатоличиванию армянской церкви, потере автономности, которая являлась единственной организованной политической силой в армянской национальной жизни»[43]. Помимо этого нужно иметь в виду, что отсутствие государственности, подразумевавшей наличие организованной военной силы, само по себе уже заставляло сохранять умеренность и не высказывать радикальные заявления, которые неминуемо привели бы армянских мыслителей в тот или иной лагерь и им, в конечном итоге, пришлось бы признать главенство не тех, так других. В этом была также одна из причин обособления позиции армянской церкви после знаменитого Халкидонского собора, где она не присоединившись ни к одной из противоборствующих группировок, сумела в силу своей умеренной позиции не ассимилироваться ни с греками, ни с латинянами, и в то же самое время избежать анафемы, как впавшая в ересь. В сложных политических условиях нужно было, вплоть до соответствующего исторического момента, сохранять необходимую гибкость. Не обособляться окончательно, оставаясь одной из составных частей христианского мира, и в то же самое время – всеми силами противиться попыткам поглощения, скрывавшимися под лозунгами церковного объединения. Поэтому можно утверждать, что умеренность, поначалу являвшаяся удобным средством для самозащиты, с течением времени превратилась в традицию, нечто само собой разумеющееся и укорененное в политической тактике многих поколений армянских мыслителей. С этой точки зрения Татеваци является прямым продолжателем традиционалистского крыла армянской церкви. Так, продолжая рассмотрение вопроса о старшинстве апостола Петра, он, как уже было показано, считает политически целесообразным защищать тезис о со-равенстве апостолов. Предвидя

возражения, он говорит: «И если кто-либо (ссылаясь на евангельский текст – И. В.) скажет, что имеет он (Петр – И. В.), особенную власть, нежели все остальные, ибо ему сказал: дам тебе ключи... то ответим на это, что как среди херувимов и серафимов и престолов нет высшего или низшего, ибо представляют они из себя общую систему и окружают Бога, и как среди евангелистов нет великих и малых, также и между апостолами нет по власти высшего или низшего. Но есть у них...почет и смирение и любовь по отношению друг к другу, а по власти же они являются друг другу равны»[44]. Вместе с тем, он считает нужным предостеречь и от вовсе пренебрежительного отношения к другим сестрам-церквям, и потому, делает по этому поводу следующие разъяснения: «И если кто-либо скажет, что, значит, по-видимому не следует подчиняться апостолу Петру и престолу его, то мы на это ответим, что говорит он недостойную вещь. Апостолу Петру мы подчиняемся как Самому Христу, но также мы подчиняемся и Павлу и всем апостолам, и всем ученикам и их последователям, и престолам ихним...И покорны мы также трем соборам святым. А четвертого же, и Богоотступного собора Халкидонского... не признаем»[45]. Теперешний же устав римско-католической церкви является по мнению Татеваци ложным, и уставы, завещанные ей апостолом Петром – извращены. Здесь, в рамках своего критического отношения, не приемлет он и пропагандируемой католиками идеи о чистилище. Отметим, что идея эта появилась в XIII в., и была использована для смягчения той атмосферы массового психоза, которая начала мало-помалу распространяться по Западной Европе. Так, он указывает, что нигде, кроме самих католиков, данная идея не нашла никакого отклика. «Все учителя правоверия, согласно Божественному Писанию отрицают чистилище. Но лишь только учителя франкские, войдя со всеми в противоречие, провозглашают чистилище»[46]. Вообще же саму идею временных мук, временного очищения огнем он считает чрезвычайно опасной и препятствующей задаче нравственного оздоровления как отдельно взятого индивида, так и всего человечества. Ибо тогда, по его мнению, люди будут преспокойно грешить и позволять себе многие проступки, зная, что между адом и раем существует нечто промежуточное, где они, пробыв некоторое время, смогут достичь рая. Так, он заявляет по этому поводу следующее: «и пропадем мы в грехах, уповая на чистилище. Ибо ужас суда конечного, который каждого удерживает в страхе от греха, они своими разговорами о чистилище уничтожают эту боязнь»[47].

В своем отражении нападок противников армянской церкви, как уже было отмечено, Татеваци черпает аргументы и из истории. Так, на обвинение тех, кто заявляет, что Григорий Просветитель поехал в Рим и покорился римскому епископу, он отвечает: «Просветитель поехал в Рим не для рукоположения, а для любви и единения двух наций и правоверных царей Трдата и Константина. И вот, значит, ясно из этого всего, что лишь у одного сохранились истинны вера и закон. И именно он является истинным, а не другие, хотя он с ними и разделен. И если кто-либо скажет, что нация армянская уверовала позже, то ответим на это, что данное утверждение является для нас ничем иным как ругательством»[48]. Интересно, что его предшественник, Есаи Нчеци, в одном из своих посланий, стремясь разрешить от сомнений своих последователей, пишет: «И да не останетесь братья в неведении! Ибо вера и предание армянские не являются чуждыми (для иных христиан – И. В.) и не принесены к нам незначительными людьми, но пришли к нам от апостолов и святых отцов. И если Рождество и Явление Христа Бога празднуем мы 6 января... то раньше так было во всех церквах Христовых.

Также и при великом престоле апостольском Риме совершали празднество 6 января, вплоть до правления Гонория и Аркадия, когда по приказу самодержцев сменили на 25 декабря»[49].

На обвинения же тех, которые утверждают, что армяне якобы позже уверовали чем все остальные, Татеваци предлагает не обращать особого внимания, ибо даже если бы это было и так, то это не является слишком уж большой бедой, так как главное здесь не то, кто является первым или последним, а главное как. «Ибо даже язычники уверовали позже, но стали лучшими, чем евреи. И последние из работников получили плату с первыми. И те, которые позавидовали − пропали. Но вновь скажем на это: почему же последние? Ибо царь армянский Абгар, еще до распятия Христова в него уверовал и любовался им. И сперва уверовал Трдат, и лишь затем Константин. И это является известным, ибо говорит Агафангел: «тогда услышал Трдат, что и Константин, сын Констанция уверовал во Христа». Но известно это и по приходу Рипсимэ с подругами»[50]. Здесь Татеваци прямо и недвусмысленно указывает на принятие Арменией первой, на официальном уровне христианства. «И вновь, скажем, что имеют армяне трех апостолов: Фаддея, Варфоломея и Иуду Иаковлева, который был в Урмии − родном городе армянском. И жизнедающее Евангелие наше святое также упоминает в числе двенадцати апостолов нашего апостола Фаддея: «Леввей, что нарекся Фаддеем». Известно, что изменил он во Христе имя свое, как Петр и сыновья... И это является причиною того, что причисляют его и к семидесяти. Ибо является он главою и учителем семидесяти учеников, как и Петр по отношению к двенадцати. И первые повсеместно звались именами последних. И эт является точной причиной. И по пришествии его в страну армянскую, дал ему помощник миро для помазания, которое благославил Христос, а также и наконечник копья. И нет у иных народов этой гордости. Ибо лишь наше миро обладает постоянной и вечной благодатью. Но если когда-то не имела и письменности нация наша, то вот, посмотри, что Бог даровал нам также и письменность, как Моисей Израилю. И какая нация еще этим может гордиться?»[51]. Довольно любопытно, что он указывает здесь на наличие собственной письменности. Данный момент со всей очевидностью показывает, что мыслителем вполне отчетливо понимается важность сохранения собственной письменности и языка в качестве важнейших элементов сохранения и поддержания национальной самоидентификации.

Критика Татеваци, однако, носит скорее «научный» характер и потому, довольно беспристрастна. В его трудах встречается очень мало резких выражений, и, в целом, вышеотмеченная и характерная для большинства средневековых армянских мыслителей умеренность проявляется и тут. Лишь изредка автор позволяет себе выражения, вроде «беззаконной нации франкской»[52]. В этом контексте он также себя проявляет как опытный политический мыслитель. Осознавая, что чересчур уж насыщенные нападки могут иметь прямо противоположный эффект («эффект бумеранга»), он стремится избегать резких выражений и использовать логические, рациональные доказательства, старательно избегая эмоций. И этим он очень выгодно отличается от некоторых, не в меру ретивых апологетов католицизма. Так, в труде К. Галаноса, самыми мягкими эпитетами, которыми последний в изобилии награждает своих идейных противников, являются «безумец», «сумасшедший» и т. д. Особую же ненависть он испытывает именно к Татеваци[53]. Здесь сказалось разительное отличие армянского средневековья от западноевропейского. И борьба представителей умеренного крыла армянского

духовенства была в одной из своих сторон направлена и против распространения в будущем подобных настроений. И если провести сравнение между сохранившимися многочисленными произведениями тех и других, то мы почти не обнаружим у армянских проповедников ни идей о практически материализовавшемся зле, ни ярко выраженной нетерпимости к иноверцам. А если таковая и имеется, то это является лишь ответом, своеобразной реакцией на несдержаность со стороны католиков. Таким образом, характер их борьбы носил в основном оборонительный характер и не предполагал достижения победы во всех вопросах любой ценой. Отсюда и их естественное стремление к компромиссу, если только он возможен. Зло у Татеваци не проявляется в виде бесов, чертей и иных представителей нечистой силы, но согласно его взглядам – оно коренится в самой природе человека, а именно, в дарованной ему Богом свободе выбора, свободе воли. Тезис этот он отстаивает повсеместно и с редкой целеустремленностью, то есть у него он затрагивает не только богословско-догматических аспектов, но используется гораздо шире. Отсюда проистекает и явное нежелание армянского духовенства идти в отношении униатов на более крутые меры и наличие большой доли терпимости по отношению к иноверцам. Так, уже упоминавшийся нами Е. Нчеци по поводу отношения к иноверцам и иноземцам пишет: «А из франков, из римлян или ассирийцев, если придут к вам учитель, либо священник, или мирянин – принимайте их со всеми почестями, как братьев и сослуживцев во Христе, и радуйтесь вместе во имя единения веры и надежды во Христе»[54]. Еще большей толерантностью пронизаны взгляды Нерсеса Ламбронаци, который заявляет: «Для меня армянин является тем же, что и латинянин, грек – как египтянин, а египтянин – как ассириец. И если бы я был поклонником одной нации, то как бы я мог общаться с другими? Но я даже перед теми, которые являются врагами друг другу не ставлю различия и от этого лишь выигрываю»[55]. Гуманистический его настрой особенно проявляется тогда, когда он, указывая на общехристианскую общность, с горечью констатирует, что «имея одну веру, мы друг друга считаем нечестивыми из-за глаголов и слов»[56]. Высокая степень терпимости по отношению к чужим обычаям и исповеданиям довольно выгодно отличает армянское средневековье от западноевропейского, и в этом немалая заслуга отечественных церковных авторитетов и в их числе и Татеваци. Фанатичность же Малахии Крымского скорее является исключением, чем правилом. И хотя исторического материала по истории армянского средневековья сохранилось не так уж и много (для того, чтобы можно было целостно и адекватно о нем судить, а имеющиеся целостные произведения носят характер работ либо на заказ, либо за чрезмерной велеречивостью не передают однозначного и необходимого фактологического материала. Например, так мы не знаем ни душевных переживаний, ни предварительных поступков царей или князей, а перед нами предстают их конечные и завершающие деяния, то есть мы можем судить о них лишь как об исторических личностях, но не как о просто людях с присущими им человеческими слабостями, или не знаем также никакие подробности их быта), однако и в сохранившихся сведениях мы не встретим упоминаний о нравственных уродах вроде Фомы Торквемады. Наоборот, там, где возможно утихомирить шум и брань мирными и ненасильственными средствами, армянские книжники стремятся именно к этому пути. И лишь после последовательного использования всех мирных методов, они прибегают к более жестким средствам. Один из наиболее ярких и характерных примеров вышесказанного передается в рассказе, содержащемся в «Истории» Товмы

Мецопского. Тогда, знаменитый Иоанн Воротнеци применил к взбунтовавшимся под влиянием католической пропаганды ученикам архимандрита Саргиса Сорбеци методы физического воздействия лишь после того, как были исчерпаны все остальные, все мирные средства их вразумления. Да и то, если судить по переданному рассказу, никого не убили и не сожгли[57]. Таким образом, еще раз подчеркнем данный момент: нетерпимость как в трудах, так и в действиях подавляющего большинства представителей армянского духовенства являлась лишь ответной реакцией на нетерпимость со стороны проповедников католицизма. Почему же находящиеся в практически безысходной политической обстановке армянские мыслители посчитали нужным тем не менее отчаянно обороняться против попыток насильственного объединения с католиками? Дело в том, что в средневековье (впрочем и сейчас), основным элементом национальной самоидентификации являлись язык и совершаемое на этом языке богослужение. Объединиться с более мощной церковной организацией значило заранее себя обречь на ассимиляцию и окончательно раствориться. Поэтому, отчетливо сознавая не догматический, а политический характер подобных объединительских стремлений, армянские политические мыслители и стремились сохранить свою автономность. В свое время часто упрекали Нерсеса Ламбронаци за западничество и чрезмерные толерантность и умеренность по отношению к иным конфессиям, однако, во время происшедшего собора в Ромкле (1179г.), он остался полностью на национальных позициях и отверг догматические притязания греков, сознавая, что хорошее отношение к сестрам-церквям это одно, но уступка в догматических вопросах, имеющих политический характер – это совсем другое[58]. Наряду с этим, они сохранили и умеренность. И благодаря сохранению этой своей, продиктованной изначально политической необходимостью, а затем ставшей уже традиционной умеренности они сумели окончательно не обособиться, а остаться одним из равноправных членов общехристианской семьи, что и по сей день остается реальностью. Ведь что такое проблема универсалий в современном контексте? Практически вечный как мир спор глобалистов и антиглобалистов. Не отвергая общее и не высказываясь негативно на этот счет, ими указывалось на единство противоположностей. Как отмечает К. Мирумян: «Дело в том, что и Фома Аквинский, и его ученик Варфоломей Болонский со своими соратниками, в вопросе универсалий защищали концепцию «умеренного реализма», а армянские идеологи и теоретики – концепцию «умеренного номинализма» или «концептуализма». Причем в философско-логическом плане указанные подходы имеют определенное сходство. Более того, вся разница состоит лишь в ударениях, что наиболее ясно проявляется в политическом контексте проблемы»[59]. Армянские же мыслители, и в их числе и Татеваци, не отвергая общее и не высказываясь негативно на этот счет, указывали на единство противоположностей. Из множество частных, самобытных частиц состоит общее и каждая подобная частица имеет право на существование. Да и сейчас мир, хотя и стал более глобален, а благодаря разного рода инновационным технологиям и практически прозрачен, однако он многообразен и прекрасен именно в своей многообразности. Глобализация или сохранение национальной самобытности? А может интеграция, и позитивное взаимовлияние и существование того и другого вместе? Появляющиеся сегодня и вызывающие бурные обсуждения подобного рода вопросы, в свое время были блестяще решены армянскими мыслителями. Для них во всем внешнем единстве мира существуют и частицы, из которых этот самый мир и состоит, и одна из этих частиц – армянская

нация, которая имеет такое же право на существование, с сохранением необходимой автономности и самобытности, как и все остальные. Именно поэтому ими с достаточной четкостью проводится грань между тем, что является взаимовыгодной и основанной на сотрудничестве интеграцией, а что – кроющейся под личиной богословско-философских споров и неумеренной критикой – стремление к политическому доминированию и дальнейшим поглощению и ассимиляции. Заслуга же Григора Татеваци в данном контексте состоит в том, что он не только суммирует опыт своих предшественников, но и развивает дальше высказанные ими взгляды. Подытоживая, отметим, что его труды и, в первую очередь «Книга вопрошений», не зря охарактеризованная Л. Арпи по аналогии с трудами Аквината «Армянской суммой»[60] не только сыграли видную роль в разоблачении скрывающейся под объединительными лозунгами политики папской курии, в отражении идейной агрессии католицизма, но и долгие годы являлись настольными учебными пособиями в среде армянского духовенства.

1. *Аревшатян С.* Философские взгляды Григора Татеваци. Ер., 1957. С. 28 – 29.
2.*Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке //К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные сочинения. Ер.,1950. Т. 2. С.122.
3.*Чалоян В.* Развитие философской мысли в Армении (Древний и средневековый период). М.,1974. С.9.
4. *Цитируется по*: Аревшатян С. К истории философских школ средневековой Армении (XIV в.). Ер., 1980. С. 75.
5. Там же. С. 76.
6. *Иоанн Воротнеци.* Анализ «Категорий» Аристотеля // Сводный текст, предисловие и примечания В.К Чалояна, перевод А.Адамяна и В.Чалояна. Под ред. С.Аревшатяна. Изд-во АН АрмССР, Ер., 1956. С.39.
7. *Григор Татеваци.* Книга вопрошений. Иерусалим. 1998. С. 550 (на древнеарм. яз).
8. Там же.С.550.
9. *Григор Татеваци.*Краткий анализ введеня Порфирия. Мадрас. 1793. С. 372. (на древнеарм.яз.).
10. *Григор Татеваци.* Книга вопрошений. Иерусалим. 1998. С. 550 (на древнеарм. яз).
11. Там же.С. 550.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же. С. 550 – 551.
17. Там же. С. 551.
18. *Анания Ширакаци.* Библиография. // Предисловие, перевод и примечания А.Г.Абраамяна и Г.П. Петросяна. Ер., 1979. С. 158. (на арм. яз.).
19. *Григор Татеваци.* Книга вопрошений. Иерусалим.1998. С. 550 (на древнеарм. яз).
20. Там же. С. 552 – 553.
21. Там же.
22. Там же. С. 551.
23. Там же. С. 552.
24. Там же.

25. *Григор Татеваци.* Книга проповедей. Зимний том.Иерусалим. 1993. С. 282 (на древнеарм.яз.).
26. *Послание вардапета Мхитара, именуемого Гошем* // Арарат. 1900, № 10. С. 498.
27. Там же, С.497.
28. *Григор Татеваци.* Книга проповедей. Зимний том. Иерусалим. 1993. С. 282 (на древнеарм.яз.)
29. *Цитируется по:* Хачерян Л. Есаи Нчеци и Гладзорский университет (1280 – 1340 гг.). Лос-Анджелес, 1988. С. 348 (на арм.яз.).
30. *Григор Татеваци.* Книга проповедей. Зимний том. Иерусалим. 1993. С. 282 (на древнеарм.яз.).
31. *Григор Татеваци.* Книга вопрошений. Иерусалим. 1998. С. 590 (на древнеарм.яз.).
32. *Григор Татеваци.* Книга проповедей. Зимний том. Иерусалим. 1993. С. 282 (на древнеарм.яз.).
33. Там же.С. 174.
34. Там же.С. 216.
35. Там же.
36. *Матенадаран им.Маштоца.* Рук. № 1264 , С. 68 б (на древнеарм.яз.).
37. *Григор Татеваци.* Книга вопрошений. Иерусалим. 1998. С.552 (на древнеарм.яз.).
38. *Евангелие от Матфея.* Гл.16:18 – 19.
39. *Галанос К.* Объединение армянской святой церкви с великой святой церковью римской. Т. 1,Ч. 1, Рим. 1648. С. 409 – 410. (на латин. и древнеарм. яз.). Работа эта, являющаяся недюжинным творением папской пропаганды, несмотря на всю ее предвзятость, несуразицы и явное передергивание фактов, односторонность (местами даже неточность), тем не менее представляет собой довольно интересный источник по изучению истории проникновения католицизма, становления унии, и в еще большей мере служит значимым материалом для изучения пропагандистских методов папской курии. К. Галанос не жалеет выражений и ничуть не стесняется фактами. Пошедшие на компромисс армянские духовные лица – в его изложении предстают явными холопами Рима, оказавшие резкий отпор – лишенные всех добродетелей еретики. Так, без тени смущения он заявляет, что Нарекаци являлся «весьма покорным (sik!) церкви римской» (Там же. С. 211).
40. *Багдасарян Э.* Вероисповедальное послание Иоанна Воротнеци католикосу Константину V Ссеци.// Эчмиадзин. 1973, № 2, С. 28.
41. *Григор Татеваци.* Книга вопрошений. Иерусалим. 1998. С. 545 (на древнеарм. яз.).
42. Там же. С. 546.
43. *Мирумян К.* Из истории армянской политической мысли. Ер., 2003. С. 205 (на арм. яз.).
44. Там же. С. 547.
45. Там же.
46. Там же. С. 698.
47. Там же.
48. Там же.С.548.
49. *Цит. по:* Хачерян Л. Указ. сочинение, С. 364
50. *Григор Татеваци.* Книга вопрошений. Иерусалим. 1998. С. 549.
51. Там же. С. 549.

52. Вообще же, в этом контексте следует отметить, что термином «франк» в армянском средневековье обозначался западный, иностранный человек. Также, как «немец» в Малороссии. Так, Н.В. Гоголь отмечал: «Немцем у нас называют всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — все немец». (см. Н.В. Гоголь. Собрание сочинений в восьми томах. М., 1984. Т. 1, С.154).
53. Так, осуществляя своеобразную игру слов он говорит: «но что сказать о ядовитом... Татеваци, который с коварным сердцем и безумною душою, злейший из всех... вооружался против приказа апостольского...» (см.: Галанос К. Указ. соч., Т. 2, Ч. 1. Рим. 1658. С. 96). И еще один образчик: «Которого некоторые из правоверных справедливо называют не Татеваци, а Тадиваци, или Татунаци». (Там же. С. 172). От армянского — «туйн» — яд, и «дэв» — злой дух, сказочное чудовище, великан. Впрочем, все это лишь доказывает, насколько сильные удары Татеваци нанес унии и насколько страшными являлись его труды для его идейных противников. Злобствования Галаноса — наверное лучшее доказательство победы Татеваци.
54. *Цит. по:* Хачерян Л. Указ. соч. С. 347.
55. *Цит. по:* Мирумян К. Указ. соч. С. 226.
56. Там же.
57. *Товма Мецопеци.* Историография. Ер., 1999. С.52 — 57 (на древнеарм. яз.).
58. *Акопян Г.* Нерсес Ламбронаци. Ер., 1971. С.74 — 75.
59. *Мирумян К.* Указ. соч. С.205.
60. *Arpee L.* A History of Armenian Christianity from the Beginning to Our Own Time.New York. P. 175. Следует отметить, что труды Татеваци, на неофициальном уровне широко использовавшиеся в борьбе против разного рода противников армянской церкви, тем не менее, долгое время не получали официального статуса. А если из них и использовались арументы, то исключительно лишь богословского характера. Так, М. Орманян, по этому поводу писал: «Нет сомнения, что Татеваци в процессе написания этого труда («Книги вопрошений» — И. В.) испытал влияние аналогичных трудов Ф. Аквинского, Альберта... чтобы тем же самым оружием бороться против распространявшегося в то время в Армении латинского течения. Жаль, что противно имеющемуся непререкаемому авторитету, данный труд Татеваци не получил публичное и официальное признание со стороны наших церковных органов, в качестве путеводителя по классическому богословию армянской церкви». (см.: М. Орманян. Армянская церковь и ее история, учение, литература... Бейрут, 1960, С. 63). Возможно, это было связано с заложенными в его философских взглядах, которые тесно переплетаются с религиозными, материалистическими тенденциями. Такое мнение, на основании изучения богатого фактологического материала, высказал академик С. Аревшатян: «В борьбе с реализмом Фомы, ... развивались номинализм и материалистические тенденции философии Татеваци, который стремился всеми возможными средствами противостоять католическим учениям и воспрепятствовать католическому проникновению в Армению, не допустить поглощения армянской церкви Ватиканом. Отсюда одновременно становится понятным, почему армянская церковь, принявшая в это время функции и политического представителя народа... примирялась со смелыми и опасными воззрениями Татеваци, а впоследствии, когда угроза унии с католицизмом миновала, старалась всячески заглушить и умолчать его прогрессивные философские воззрения за счет возвеличивания его богословско-схоластических взглядов. (см.: Аревшатян С. Философские взгляды Григора Татеваци, Ер., 1957. С.86-87).

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ ПРОСТЕЙШЕГО ГОСУДАРСТВА

Мурадян М.М., Мурадян С.М., Камсаракан С. Р.

В работе обсуждается возможность формирования априорой модели простейшего государства, которая могла бы на уровне научно признанных стандартов служить теоретической основой для решения основополагающих внутренних вопросов современных реальных государств любой сложности.

В современной научной литературе заключен огромный опыт государственного строительства более чем за последние три тысячи лет цивилизованного развития человечества. Однако нам не удалось найти классического описания конкретной модели простейшего государства, которая могла бы быть научно признаной основой для построения сложных, современных государств.

Не умаляя достоинств современной общественной науки, приходится признаваться, что в области естественных наук классические теории описания исследуемых предметов строятся гораздо скрупулезнее, чем в общественных. Естественные науки проявляют большую точность и осторожность в выборе инструментов и последовательности исследования, а также существенно большую требовательность к формулировке оснований и фундаментальности своих теорий.

В частности, согласно Ч. Мериама, в науке об общественном управлении наблюдаются:

- “*недостаток исчерпывающего набора данных о политических явлениях с соответствующей их классификацией и анализом, ...*
- *нехватка достаточно четких стандартов измерения и*
- *точного знания о последовательности процессов*”[1].

Однако мы склонны предполагать, что здесь более важную роль играет недостаток классических представлений оснований науки и фундаментальности исследований предмета:

- описания простейших или идеальных разновидностей изучаемого предмета, как реального образования (физического объекта),
- фундаментальных основ или основополагающих гипотез относительно его происхождения и структуры и т.д.

В частности, это наглядно отражается в отсутствии определенного ответа на вопрос “об искусственном или естественном происхождении государста” и той мысли Р. Даля, что:

“*...изучение города-государства, который более двух тысячелетий рассматривался как естественное и даже исключительно благоприятное устройство для*

демократического порядка, оказалось почти повседневно вытесненным изучением наций-государств..."[2], построенных людской цивилизацией вопреки закономерностям природы.

Очевидно, что это обстоятельство является одним из причин того, что сегодня "классическая теория формирования простейшего государства" так и не сформулирована.

Уровень современного развития вычислительных технологий и моделирования виртуальных объектов, на наш взгляд, полностью меняет требования к методам исследований общественных задач и к определению степени достоверности их решения. В частности, владея современными методами математического моделирования, достаточно теоретически построить подробную физическую модель любого, самого сложного естественного или искусственного объекта, и на практике, в распоряжении исследователя может быть получена его пространственная численная модель, то есть динамическая виртуальная модель исследуемого предмета.

Очевидно, что при такой постановке проблемы, определенная часть задач общественной науки, в частности, фундаменталльных теоретических исследований стандартов внутри-общественных взаимодействий, неизбежно перейдет в область естественных наук. При этом "заказчиком" этих исследований, с точки зрения постановки задач, будут отрасли именно общественных наук, и в первую очередь, теория государства и права, юриспруденция и политология.

Поскольку государство, как и всё предметное, является физическим объектом, рассмотрим некоторые, наиболее важные вопросы деятельности современных естественных и общественных наук в области изучения теории построения государств.

1. Терминология

Для естественных наук, по определению, научный термин является одним из наиболее важных инструментов исследовательской работы. Поэтому здесь необходимо всю отраслевую, иногда экспромтом сформулированную терминологию постепенно привести к единому содержанию, согласованному с единым, фундаментальным представлением предметов во всех областях науки.

В частности, в современной науке философское понятие "государство" заметно деформировано частными формулировками в рамках отдельных отраслей науки. Например, в работах наиболее известных авторов в области политологии это понятие трактуется более чем противоречиво:

– Если, по Гегелю, "*государство есть действительность нравственной идеи...*"[3], то есть предмет естественного происхождения,
– то Жан Боден определял его как "*осуществление суверенной властью справедливого управления многими семьями и тем, что находится в их общем владении*"[4], то есть искуственно создаваемым предметом,
– тогда как, по мнению нашего современника К.Шмитта, это понятие не постулируется как научный термин, а воспринимается "*согласно сегодняшнему словоупотреблению, государство есть политический статус народа, организованного в территориальной замкнутости*"[5], то есть нечто абстрактное, с неопределенным происхождением.

На наш взгляд, наиболее общее, простое и объективное определение этого понятия, которое должно быть общим для всех отраслей науки, формулирует наука география. В ней постулируется изначальная суть данного предмета,

акцентируя его независимость от своей общественной, социальной или экономической структуры.

1.1. ***Государство*** – это произвольное, политически и экономически самостоятельное социально-общественное образование, организованное по определенным нормам и правилам взаимоотношений (взаимодействий) своих четырех, обязательных составляющих:

- географической территории;
- владельца этой территории;
- органов управления государственным хозяйством;
- населения этой территории.

Схематически его можно представить как единое целое, из четырёх, двусторонне взаимодействующих, неотъемлемых составляющих (см.: Рис. 1.).

Все употребляемые экспромтом, частные определения этого понятия характеризуют лишь свойства отдельных его составляющих, опуская при этом текст его изначальной, фундаментальной формулировки.

Приведенная формулировка государства является определением сугубо научного термина и обобщает в себе все имеющиеся в литературе формулировки данного понятия, и не противоречит ни одной из его частных формулировок. Отметим, что географическая формулировка предпочтительна для моделирования государства с начала его формирования и позволяет в дальнейшем моделировать вариации формирующихся в нем социальных, экономических и политических структур.

Согласование формулировок терминов по всем отраслям науки должно быть предметом систематического обсуждения всей научной общественности. Поэтому нам представляется особенно важным, чтобы именно научная общественность стимулировала создание единого терминологического словаря, исключающего разночтения терминов, постулирующих основания в разных отраслях современной науки.

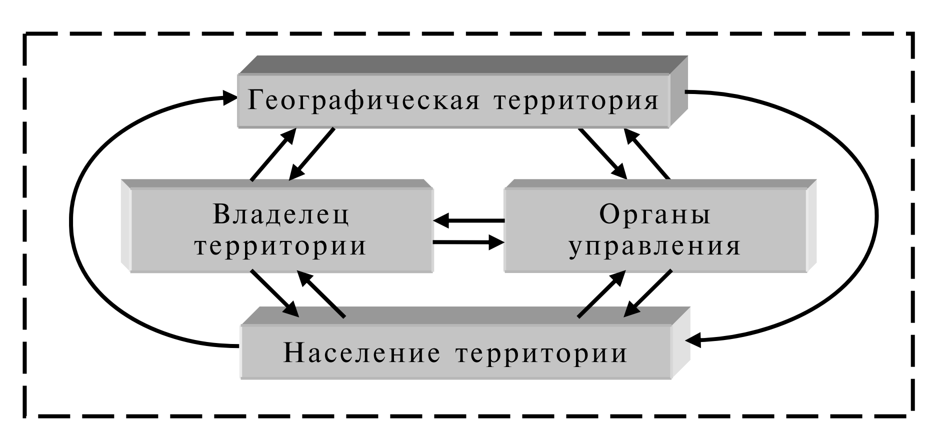

Рис. 1. Блок-схема простейшего государства.

2. Теоретическая модель

Не останавливаясь на формулировке изначальной цели построения государства, отметим лишь, что априори в ней заложена благая цель обустройства и защиты жизни компактно проживающих людей. Отсюда следует,

что модель основополагающего простейшего государства изначально не должна содержать механизмов насилия и принуждений.

Принципы формирования искусственной модели простейшего государства достаточно подробно обсуждались Платоном в полемике с Сократом[6]. Они основаны на использовании естественной модели договорных отношений. Однако в реальной обстановке рабовладельческих отношений, философами предпочтение отдается договоренностям между одним, "мудрым" правителем и многообразным, но "покорным" населением.

Опуская историческое развитие идей создания искусственного общества в различных его моделях, отметим лишь то, что, естественные механизмы формирования государственности, на наш взгляд, практически не исследованы.

Согласно приведенному выше определению государства, очевидно, что государство формируется обобщением в первую очередь естественных ценностей. Поэтому основным законом, на базе которого может быть построен механизм формирования государства, должен быть "Закон о собственности естественных ценностей". Т.е. в первую очередь необходимо определить среду обитания людей, формирующих это государство.

Однако здесь возникают определенные противоречия с множеством формулировок понятия "закон" и понятия "собственность".

В естественных науках закон – это незыблимое условие, которое предусматривает исключительно все естественные исходы взаимодействия, и не зависит от невежества, произвола, прозорливости или хитрости любой из взаимодействующих сторон. На наш взгляд, общепринятые фольклорные выражения о "нравственных законах" относятся к понятию нравственного принципа[7], то есть к условию, которое человек ставит перед собой самостоятельно и самостоятельно может его изменить. А выражения о "юридических законах" относятся к понятию юридических условий, являющихся двусторонне согласованными условиями между человеком и обществом, которому он принадлежит. И здесь каждая сторона в состоянии односторонне выйти из этого соглашения. Такие условия могут быть признаны законом только лишь при обеспечении неизбежности их выполнения. Т.е. если исход выполнения условия во всех деталях заранее предрешен и нарушение данного условия даже теоретически невозможно. Закон обязан быть обеспечен таким механизмом выполнения, который не требует текущего контроля и последующих следственных и судебных разбирательств.

С точки зрения естественного понимания в разрабатываемой модели закон не может быть нарушен. Он может быть невыполнен, если в реальности существует возможность его невыполнения. Тогда сформулированное условие считается недоработанным и не может быть причислено к понятию закона.

Те условия, выполнения которых по каждому отдельному событию требуют личного решения или нарушения которых требуют последующего следственного и судебного разбирательства, ошибочно называть законом. Их нужно называть как-то иначе, акцентируя тот факт, что они априори могут быть не выполнены.

Утрирование постулативных понятий создает лишь путаницу в основаниях теории отдельной отрасли науки. И если на данный момент у нас не хватает знаний или опыта для создания механизма абсолютно точного выполнения согласованного условия по данному событию, то это условие продолжает относиться к понятию правила, завета, указания, наставления и т.д. (Даже догматическая религия не дискредитирует понятие закона, отличая понятия заветов, наставлений, правил и т.д.) Тогда механизм моделирования

нравственных принципов и юридических условий можно будет искать автономно, т.е. независимо от принципов моделирования закона.

Эти вопросы требуют широкого обсуждения научной общественности и согласования исходных понятий в естественных и общественных науках, в частности, общей философии, психиатрии, психологии и т.д.

Влияние формулировок исходных понятий на искомую модель более чем существенно. Поэтому используемые нами в данной разработке формулировки ряда понятий для общего понимания задачи необходимо считать формулировками предварительного и частного характера.

Очевидно, что если механизм формирования простейшего государства будет основан на законах, представляющих собой незыблемые условия взаимодействия, то любые усложнения отношений в государстве могут быть реально управляемыми изнутри, т.е. самоуправляемыми. Только при таком условии будет изначально очевидным обеспечение устойчивого равновесия искомой модели. И только при таком условии будет реальной возможность реформирования законодательной системы государства при последующем усложнении внутренних взаимоотношений.

Из всех имеющихся в нашем распоряжении оснований, понятию закона соответствуют лишь законы природы. Тогда аналоги и основания для построения механизмов формирования простейшего государства необходимо искать в механизмах самой природы.

На наш взгляд, в природе наиболее отчетливо выделяются два независимых механизма, реализующих закономерности организованной жизни. Это механизм симбиоза, определяющий принцип равновесного и устойчивого сосуществования сложных систем, и механизм естественного отбора, определяющий принцип выживания при антагонистических взаимоотношениях.

В современном понимании государство само по себе – искусственное образование. Оно создано по принципу социального общежития из естественных и искусственных составляющих, взаимоотношения которых должно регулироваться законодательной системой. В нем используются как естественные, так и искусственные (юридические) правила взаимодействия.

Очевидно, что для моделирования такой системы принципиально важно определение приоритетности искусственных и естественных требований.

В то же время – государство живой, одушевленный организм, претендующий быть неотъемлемой составляющей самой природы. Поэтому здесь весьма разумно опираться на механизмы устройства сложных, высокоразвитых природных организмов и попытаться найти их применение в моделируемом нами объекте.

С этой точки зрения наиболее очевидно выделяется механизм естественного симбиоза, который отчетливо отличается от всех естественных механизмов противостояния, подчинения, насилия и принуждения. При этом симбиоз присутствует пактически во всех построениях сложных, органических систем.

Акцентированное внедрение этого метода в государственное строительство, на наш взгляд, обладает высоким потенциалом и существенными преимуществами в сравнении с прочими методами организации общественных структур. Тем более, что симбиоз в большей или меньшей мере присутствует и в естественных людских, общественных образованиях, в частности, в историческом формировании национальностей или объединении многонациональных, державных государств.

В отсутствие знаний о принципах естественного симбиоза поднятые еще в античной философии вопросы добровольного (договорного) построения государства, решались поиском естественных методов добровольного сожительства социально, эконосически и политически активных общественных структур.

В современном государственном строительстве, на наш взгляд, без определенных акцентов симбиоз составляет, пожалуй, большую часть основы политической модели формирования Единой Европы и переформирования Российской Федерации.

2.1. ***Симбиоз*** – это стабильная система совместного сосуществования нескольких, разных по свойствам организмов, на основе взаимной полезности или взаимной потенциальной заинтересованности.

Симбиоз предполагает взаимное дополнение свойств симбионтов (хотя бы по одному, определённому свойству) и объединение их в один единый организм. При этом лояльные симбионты взаимодействуют на основе двусторонней выгодности и составляют основу целого организма. А паразитирующие симбионты взаимодействуют с основным организмом на основе заинтересованности в их присутствии, со стороны лояльных симбиотов. Это – не враги, “грабящие” основной организм, а составная часть единого организма, находящаяся на содержании лояьных симбионтов. Паразитирующие симбионты скрываются в среде лояльных симбионтов, стараясь (в подполье) не проявлять себя в условиях равновесного сосуществования. В частности, некоторые паразитирующие симбионты являются существенной частью лечебных, иммунных и адаптационных механизмов единого организма. При этом симбиоз исключает взаимодействия на основе насилия и принуждения, поскольку проявление любого насилия неминуемо вредит всем взаимодействующим сторонам и вызывает противодействие, направленое на обезвреживание принуждающей стороны. Существенно то обстоятельство, что в инстинктах паразитирующих симбионтов природой заложена система самоконтроля над собственной локализацией, поскольку их существенное распространение неизбежно приводит к естественному самоуничтожению. Такая система инстинктов в человеческом общества, на наш взгляд, аналогична формированию определенных нравственных принципов отдельных социальных групп.

Механизм формирования симбионтов может быть построен по принципу договорных взаимоотношений между всеми социальными категориями населения и органами управления государственным хозяйством. Для простейшего государства социализацию населения необходимо произвести по таким критериям, которые изначально будут общими для всех типов современных государств.

В частности, население может объективно группироваться в следующей последовательности и по следующим критериям:

a) по степени причастночсти человека к формированному государству,

b) по его трудоспособности,

c) по его имущественной, экономической обеспеченности,

d) по степени участия в текущем содержании государства.

Социализацию населения простейшего государства можно проводит по-разному. Однако она не должна отражать политическую структуру какой-либо одной, политической системы, т.е. должна быть общей для всех систем. Такая социализация схематически представлена на рис. 2.

При классификации населения в группах чрезвычайно важно, чтобы соблюдался принцип собственного, добровольного признания человеком своей социальной группы, поскольку даже больной человек или ребенок может претендовать на трудоспособность, если добровольно откажется от своих привилегий и будет в состоянии выполнить обязанности трудоспособного человека.

Для осуществления принципов симбиоза деятельность государства необходимо дифференцировать по всем видам его неизбежных взаимоотношений с каждой социальной группой, и изначально уравновесить взаимные обязанности и обязательства обоих сторон. Естественно, что в формировании и содержании общего государственного хозяйства, участие всех коренных жителей территории обязательно, поскольку все они неизбежно пользуются этим хозяйством. Однако особенно важно, чтобы в хозяйственном содержании органов государственного управления, трудоспособные жители территории принимали участие добровольно, поскольку каждый человек должен быть уверен, что он не платит за насилие над собой. Именно таким механизмом в естественном симбиозе исключается взаимное насилие и принуждение лояльных симбионтов в едином организме.

Наиболее лаконично эта мысль, на наш взгляд, сформулирована Платоном: "*...творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть его – плохо. Однако, когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда его творишь. Поэтому, когда люди отведали и того и другого, то есть и поступали несправедливо и страдали от несправедливости, тогда они нашли целесообразным договориться друг с другом, чтобы и не творить несправедливость и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор*"[8].

Рис. 2. Блок-схема структуры населения простейшего государства.

2.2. ***Естественный отбор*** в природе представляет собой наиболее отчетливо выраженную, вероятностную систему взаимодействий, зависящую от индивидуальных свойств отдельной взаимодействующей стороны.

Однажды установив определенные законы вероятностных взаимодействий, природа сама становится одним из очередных взаимодействующих сторон. Например, молния, попадающая в животное, убивает его с определенной вероятностью, связанной как со свойствами животного, так и со свойствами самой молнии и т.д.

Обязательным условием в принципах естественного отбора является отсутствие непрерывного регулирования процессами взаимодействия, т.е. принудительного вмешательства природы. Выражаясь проще, у природы нет любимчиков-монополистов в каком-либо определенном действии. Обладая несравненно большими возможностями и будучи на равных условиях в свободе действий, природа в естественном отборе может создавать экстремальные условия интегрального взаимодействия со своими обитателями, препятствуя возникновению вредных для себя проявлений. В частности, такими воздействиями относятся спонтанная активизация определенных паразитов, эпидемий, засухи, потопов и прочих катаклизм.

Природа, на наш взгляд, не поощряет возникновение каких-либо новых, более приспособленных или совершенных видов животного мира. Изменения происходят вероятностными механизмами мутаций индивидуумов. В рамках изначально установленных законов природа лишь уничтожает вредные для себя проявления.

Принципы естественного отбора излишне жестки и, безусловно, жестоки для их прямого применения в обществе людей. Однако они могут стать аналогом для формирования принципов свободной конкуренции как определенного способа взаимоотношений, и принципов реформирования законодательной системы при возникновении вредных для государства проявлений.

Таким образом, построение простейшего государства можно свести к эталонному его структурированию на отдельные, лояльные и паразитирующие синбионты, формирующие единый, живой организм.

Свойства и состав лояльных симбионтов в современной литературе исследованы более чем подробно, однако формирование структуры неизбежного состава паразитирующих симбионтов, на наш взгляд, требует тщательного изучения, как самостоятельной задачи.

3. Физическая модель

В качестве прототипа простейшего государства нами выбрана современная Республика Армения.

Моделирование географической территории ≈ 30 000 кв. км. и демографического распределения населения ≈ 10^6 человек для современных математических технологий не представляет существенную сложность. Здесь моделирование сводится к численному картографическому описанию физико-географических, агроклиматических, гидрологических и демографических сведений для всей территории, и построению соответствующей базы данных, которая характеризует и иллюстрирует эту территорию. При академическом подходе к данной задаче такие атласные сведения имеются в свободной печати для любого цивилизованного государства.

Моделирование социального состава и демографического распределенния населения производится по представленным выше объективным принципам социализации населения.

Простейшим симбионтом в “организме” государства, на наш взгляд, является каждый трудоспособный человек из коренного населения этой территории. Моделирование отдельного симбионта сводится к описанию его естественных характеристик, посредством которых могут быть функционально представлены его взаимодействия с окружающим миром. В частности, это работники по найму и индивидуальные предприниматели. Их характеристики определяются из общих соображений поведения человека в обществе и являются предметом промежуточных модельных исследований в рамках исследований фундаментальной структуры простейшего государства. Это – физические и нравственные характеристики человека, которые необходимо выразить численно, в вероятностном распределении вокруг некоего, определенного среднего значения. В частности, из физических характеристик моделируются профессия человека, его образованность, профессиональная опытность и т.д. Из нравственных характеристик отдельного человека моделируются его решительность, общественная активность, честность и т.д.

Объеденение простейших симбионтов в относительно сложные структурные образования (сложные симбионты) моделируется по принципу бессрочных договорных (уставных), автономно хозяйствующих образований. В частности, это индивидуальные предприятия (предпринимательства), частные (с долевыми участиями) учреждения, сельские и поселковые самоуправляемые структуры, самоуправляемые города и т.д.

В современной литературе нам не удалось найти описания такой структуры государственного управления, которая была бы представлена классической (или эталонной) структурой управления, обязательной для современного понимания государственности. Т.е. та минимальная структура управления, без которой управление государством не может быть признано полноценным управлением (и, в первую очередь, самим населением, формирующим это государство).

В то же время эта задача может быть решена в порядке частной, вариационной задачи. Поэтому в качестве первоначальной, стартовой структуры управления государством мы приняли некую, произвольную структуру, построенную по принципу найма служащих со стороны владельца территории, исключительно для управления хозяйством своих владений и контроля над качеством такого управления. Здесь предполагается независимость от модели владельца географической территории, поскольку нанимателем может быть любой владелец. В частности, это может быть как монарх или определенное число магнатов, так и все коренные жители территории или их определенная социальная группа.

На данном этапе моделирования компьютерная, виртуальная модель позволяет проводить исследования и находить решения общегосударственных стратегических задач по собственному производству и потреблению жизненно необходимых для населения предметов – пищевых продуктов, электроэнергии, одежды, жилья и т.д.

Разработка алгоритма законодательной системы формирования и управления государства непосредственно зависит от результатов решения вышеуказанных стратегических задач, поскольку для формирования равновесной системы закономерностей необходимо знание не того, что “хочет”

регулируемый объект, а того, что он “может”, то есть то, что потенциально способен он выполнить.

Однако общие принципы алгоритма законодательной системы нами разработаны по аналогии естественных закономерностей. В частности, по принципу Основного Закона государства и кодексов нравственных, процессуальных и уголовных запретов, а также взаимных обязательств правительства и населения.

В результате проделанной работы мы приходим к окончательному выводу, что в условиях современного развития компьютерной техники и математических технологий, разработка виртуальных, исследовательских моделей государства любой сложность вполне осуществима и более чем перспективна.

1. Антология мировой политической мысли. В 5 т. М., 1997, Т. 2, С. 177.
2. *Даль Р.* Полиархия, плюрализм и пространство // “Вопросы философии”. 1994, N 3, С. 37.
3. *Гегель Г.* Философия права. М., 1990, С. 258.
4. Антология мировой философии. М. 1970, Т. 2, С. 141.
5. *Шмитт К.* Понятие плитического // “Вопросы социологии”. 1992, N 1, С.. 37.
6. *Платон.* Сочинения. М. 1971, т. 3(1).
7. См., например: *Ф. Бэкон* Сочинения. М., 1971, Т. 1, С. 403.
8. *Платон.* Сочинения. М., 1971, Т. 3 (1), С. 100, 132.

Г. ЧЕБОТАРЯН. КОНЦЕРТ ДЛЯ ФОРТЕПИАНО С ОРКЕСТРОМ.

Маргарян Г. С.

В истории армянской музыки, к сожалению, не так много женщин-композиторов, поэтому особенно ценно то, что Гаяне Чеботарян сумела занять достойное место в музыкальной культуре Армении. Человек большой эрудиции, она совмещала деятельность композитора, исследователя, публициста, пианиста-исполнителя, музыкально-общественного деятеля и педагога. Долгие годы Г. Чеботарян вела в Ереванской консерватории им. Комитаса курс специальной полифонии. Достаточно перечесть список фамилий композиторов, музыковедов и дирижеров, обучавшихся в ее классе, чтобы оценить ее педагогический вклад в отечественную музыкальную культуру. В их числе композиторы: Э. Оганесян, Г. Арменян, А. Тертерян, Г. Овунц, Т. Мансурян и др.; музыковеды М. Мурадян, Г. Геодакян, М. Рухкян, М. Тер-Симонян, К. Худабашян, Н. Дероян, А. Сарьян и др.; дирижеры А. Копылов, А. Катанян, А. Восканян, Ю. Давтян, Р. Мангасарян.

Интересны многочисленные научные статьи и монографии Г. Чеботарян на самые разнообразные темы, что свидетельствует о широте ее исследовательских интересов. В них она предстает как тонкий и глубокий исследователь. Значительным вкладом в армянское музыкознание стала ее кандидатская диссертация и созданная на ее основе книга «Полифония в творчестве Арама Хачатуряна», которая удостоилась высокой оценки самого А. Хачатуряна. «Вы написали прекрасную книгу, – писал Арам Ильич, – я Вам очень благодарен. Вы сумели так верно и точно препарировать мои сочинения!»[1].

Гаяне Чеботарян работала в различных жанрах, но наиболее близкой ей была фортепианная музыка. Это было естественно, поскольку она училась и одновременно окончила на отлично два факультета ленинградской консерватории – теоретико-композиторский и фортепианный.

Упорный многолетний труд и природная одаренность способствовали формированию ее как талантливой пианистки, которая с успехом выступала с исполнением своих произведений и произведений других авторов. Вдохновенное, профессиональное исполнение музыки самим автором часто способствовало популярности её фортепианных произведений и произведений её коллег. Она была также прекрасным концертмейстером и ансамблистом, некоторое время была в составе фортепианного трио, созданного в 1944 году, в которое входили так же Карен Костанян (скрипка) и Левон Григорян (виолончель).

Композиции Чеботарян обучалась в классе профессора Х. С. Кушнарева, который вел так же класс полифонии в ленинградской консерватории. Он являясь автором метода комплексного анализа народной песни, внес значительный вклад в изучение армянской монодии, развил учение о ладе и полифонии. Кушнарев требовал у студентов подробного изучения этнографических сборников, анализа ладовых особенностей армянской народной музыки, ее ритмики и тематического развития. Естественно, все это оказало решающее воздействие на формирование творческой личности Чеботарян.

Во многих из произведений Гаяне Моисеевны широко используются приемы полифонического письма, сочетающиеся с элементами импровизационности. Вместе с тем индивидуальный оттенок почерку Чеботарян

придает глубокая связь с народным песенно-танцевальным искусством. Именно армянская народная песня является источником стилистических черт, обусловливающих гибкость и распевность её мелодики, «целомудренность» выражения чувств, с одной стороны, и ритмическую импульсивность, динамизм, с другой. Именно в расширении ладо-интонационного строя, импульсивности метро-ритмики, прекрасном знании полифонии, которая так же национальна, выявляется то новое, что свойственно музыке Гаяне Чеботарян. Именно полифония выступает в ее творчестве как основополагающий фактор формообразования, как действенное средство раскрытия идейно-художественного замысла. Она сумела по-своему, сквозь призму своей творческой индивидуальности претворить полифонический опыт зарубежных, русских и армянских классиков.

Истоки полифонии она (вслед за Кушнаревым) видит в использовании в народной музыке «дама» – своеобразного органного пункта. А многозвучный, ритмически расчлененный «органный пункт», которым является аккомпанирование на лире, арфе выступает в качестве «сопровождения в вокальной линии, где он вступает в более сложные интонационно – ритмические отношения с мелодическим голосом, обнаруживая при этом определенные признаки полифонического сложения»[2].

В своем творчестве Гаяне Чеботарян обращалась не только к полифоническим средствам письма, но собственно к формам полифонического искусства – инвенциям, прелюдиям и фугам. Даже в концерте (в первой его части) именно фуга – высшая форма полифонического искусства является разработкой, а реприза фуги одновременно служит репризой всей части.

Все полифонические способы изложения – обратимые и подвижные контрапункты, сложные стреттные комбинации, ракоходные и двойные каноны используются композитором сполна. Однако приемы полифонического письма подчиняются развитию образа; выявлению его выразительных возможностей, высвечиванию разных граней и в целом – идейной сущности произведения. Так, в фуге фортепианного концерта композитор достигает оригинальных звуковых решений не только благодаря использованию вышеперечисленных способов изложения и выявлению противоречивых, конфликтных сторон образа, но благодаря использованию тембров различных инструментов, их естественному противопоставлению.

Решающим, однако, является умение композитора синтезировать традиции народной музыки с полифоническими методами развития материала. Богатейшее музыкальное наследие армянского народа – вот то «зерно», которое проросло и дало плоды в ее творчестве. Чеботарян исходя из первоистоков народных тем и ритмов создаёт свои, качественно новые мелодии. Хотя нередки случаи, когда она буквально цитирует народные мелодии. Так, в Вариациях на армянскую народную тему для фортепиано, написанных в 1939г. в качестве темы цикла использована армянская народная песня «*Գարուն ա ձյուն ա արել*», а в третьей части фортепианного концерта в качестве темы побочной партии использована народная песня *«Ես պուճուր եմ*» в записи Т. Алтуняна[3].

В творчестве Г. Чеботарян велика роль ладоинтонационного начала армянской монодии. Сохраняя мажоро-минорную функциональную основу, музыкальная ткань претерпевает ладовые изменения благодаря использованию старинных диатонических ладов. Музыкальные построения, отмеченные характерной импровизационностью, основаны на вариантном принципе развития.

Многообразие ладовых наклонений, умелое использование функциональной переменности ступеней лада и его побочных опор, в свою очередь, становятся естественной основой политональности музыки Чеботарян. Свойственные армянским ладам комплексы кварт-септимовой структуры также являются логическими производными квартового сцепления тетрахордов.

Наиболее самобытно черты творчества композитора, проявились в музыке для фортепиано. Прекрасная пианистка, она умела писать для фортепиано так, что выявлялись самые лучшие его свойства. То, что Г. Чеботарян не оставила без внимания жанр фортепианного концерта очень естественно. Написанный в 1979 – 1980 г., он относится к числу лучших произведений автора. Впервые он был исполнен на юбилейном пленуме Союза композиторов Армении 1980г. Ваагном Папяном, дирижировал Валерий Гергиев.

Концерт начинает оркестровое вступление. Оно изложено унисонно-октавными ходами (струнные, фаготы, тромбон и туба) и аккордовыми лаконичными возгласами в исполнении остальных духовых. Использование именно этой группы инструментов создает особый темброво-регистровый окрас, способствующий выявлению величавой и действенной темы вступления, которая задает тон не только первой части, но и всему концерту, ибо начальная мелодическая ячейка содержит в себе интонационное зерно всего цикла.

Вслед за оркестровым вступлением, солистом озвучивается тема главной партии первой части концерта, лаконичное мотивное изложение которой как бы разворачивается постепенно, не сразу. В первом такте темы слышна трехзвучная попевка, которая в следующем такте расширяется, достигая рамок тетрахорда, а в третьем такте развитие её достигает диапазона октавы. В дальнейшем, в разработке, эта тема, найдёт своё полноценное развитие в виде фуги.

Диалогичность музыкального материала между фортепиано и оркестром способствует динамичному «разворачиванию» мужественного, энергичного образа главной партии свободно и естественно. Здесь как бы происходит упорное противоборство-«соревнование» между пианистом и оркестром. Императивные аккордовые удары струнных и духовых отвечают фразам фортепиано и дают импульс дальнейшему развитию. Вместе с тем фортепиано играет здесь роль инициатора развития, активной силы, которая вносит в развитие ритмическую остроту и импульсивность, насыщает музыкальную ткань интенсивным движением. Энергия солиста все больше увлекает оркестр. В противовес октавному (чистому) изложению темы у пианиста, оркестровое развитие основывается на септимо-секундовые вертикали, что способствует дальнейшему развитию сложных гармонических комплексов и политональных образований.

В главной партии связь композитора с народным творчеством проявляется не только в ладо-интонационной сфере, но и в методе развертывания мелодической линии на основе постепенного высвечивания дорийского лада, и в применении вариантного развития.

Тема главной партии в экспозиции проходит четырежды, приобретая новые оттенки, каждый раз обогащаясь новой цветовой гаммой. Так, во втором проведении темы ощущается ладовая переменность, модификация ступеней лада – нисходящий тетрахорд со II и IV пониженными ступенями. Далее тема развивается хроматически, но не теряется ощущение ладовости. В третьем проведении она более экспрессивна. Этому способствует применение политональности – удвоение темы на интервал уменьшённой октавы.

Четвертое проведение, являющееся кульминационным для экспозиции, звучит в исполнении оркестра и фортепиано (стреттное проведение в интервале уменьшенной квинты). Небольшая оркестровая связка плавно переходит в остинатный фон (альты, виолончели, фаготы), возникший из мотивов темы главной партии во втором проведении. Таким образом обеспечивается сквозное развитие музыкального материала главной партии.

Побочная партия вносит в музыкальное развитие струю лирического чувства. Мелодически напевная, она вокальна по своей природе. Проникнутая горячим, искренним чувством разворачивается свободно и естественно. Ладовое своеобразие, свобода мелодического развития напоминают возвышенно-лирические ашугские песни, с присущим им призывным интонационным оборотом и опеванием ладовых устоев (здесь – I и V ступеней).

Тема побочной партии во втором проведении, в каноническом изложении имеет более яркую окраску. Она исполняется валторнами и трубами. Ее песенная мелодика (в отличие от темы главной партии, которая по своему складу инструментальна), обладает большой широтой дыхания и полнотой чувств. В то же время очевидно её родство с темой главной партии – трихордовая попевка здесь присутствует в виде обращения.

Драматизм острых конфликтов и резких контрастных сопоставлений не характерен для главной и побочной партий. Действие развивается на утверждении взаимодополняющих устойчивых эмоциональных состояний. Этому способствует струнное сопровождение побочной партии, основанное на ритмическом и интонационном материале главной партии. Фон, основанный на тонико-доминантовом органном пункте – даме, так же претерпевает здесь вариантное развитие.

Побочная партия в своем дальнейшем развитии имеет разработочный характер и является кульминацией экспозиции первой части цикла. После второго проведения темы у фортепиано с канонической имитацией у тромбонов тема проходит в оркестре. Она звучит как непрерывный поток, устремленный к широкому мелодическому, лирическому утверждению.

Центральным разделом первой части является фуга, которая и является разработкой и кульминацией первой части. Тема фуги «выросла» из темы главной партии. Она (как и тема главной партии) по заряду энергии, заложенной в нее композитором, лаконичности, четкости очертаний, является одной из самых содержательных тем концерта. Удивительно действенная, лишенная схематичности, она таит в себе большие выразительные возможности, способствующие высвечиванию разных граней образа. Здесь напрашиваются аналогии с темами фуг И.С. Баха, где «скупое» изложение материала и характерные скачки с последующим их заполнением становятся зерном для развёртывания дальнейшей канвы произведения.

В разработке автор в очередной раз проявила себя мастером в области полифонии. Здесь используются многочисленные приемы полифонического письма – стреттные проведения, проведение темы в обращении, ракоход в исполнении деревянных духовых, а затем скрипок, сочетание ракохода темы у фортепиано с его же увеличением у виолончелей и альтов, стреттные проведения с наложением секвенций трихордовых попевок, переклички солиста и оркестра (медные) с аккордовыми «уколами», сочетающимися с ритмической имитацией темы и много других. Использование этих выразительных средств способствует выявлению глубины образа, насыщает музыку активным, значительным содержанием, что обеспечивает сильное воздействие фуги.

Реприза является тематической для фуги, и тональной для сонатной формы. В репризе тема главной партии сжато изложена в стреттном проведении в политональных соотношениях. Побочная так же сжимается – один раз она звучит у солиста, сопровождаемая деревянными духовыми (гобой, флейта, пикколо), второй раз, у струнных и деревянных духовых и подводит к коде, где звучит тема противосложения фуги, которая интонационно родственна теме побочной партии. Она озвучивается солистом и сопровождается тромбонами в унисон. Ее вариантное изменение, мощное аккордовое изложение придают ей величественное звучание. Так, образное развитие побочной партии достигает своей кульминации в конце части, став цепью для достижения цельности с одной стороны и утверждением значимости лирического образа с другой.

Во второй части цикла, которая традиционно является лирическим центром концерта, мелодический дар Чеботарян раскрылся с большой щедростью. Небольшая по размерам, но насыщенная по содержанию она покоряет силой и искренностью чувств.

Начинается вторая часть темой у солиста – слитным построением, в котором тем не менее, можно выделить несколько небольших разделов, являющихся тематическими зернами, «задающими» тон, дающими толчок дальнейшему развитию.

При каждом проведении тема обогащается новыми ритмическими и ладоинтонационными оттенками. Постепенного эмоционального нагнентания, доводящего развитие темы от интимного, созерцательного до всеохватывающего лирического чувства в масштабах всего оркестра, композитор добивается посредством различных приемов полифонического письма. Это имитационные переклички солирующих инструментов (флейта, гобой, кларнет, фагот) друг с другом и с фортепиано, взаимопроникновение отдельных интонаций, подголосков из партии солиста и партий одних инструментов в партии других, контрапунктическое соединение различных тематических ячеек, прежде выступавших в последовательности.

Средний раздел части носит разработочный характер. Повышается динамика звучания, происходит регистровый сдвиг вверх, фразы претерпевают масштабные расширения. Новое проведение темы приводит к высшей кульминационной точке.

Спад после кульминации быстро приводит к репризе. Нисхождение динамики, разрежение фактуры способствуют «угасанию». Вторая часть заканчивается как бы сжимаясь. В оркестре флейты и фаготы утверждают звук ***фа***. На том же звуке замирает фортепиано, а у скрипок тянется малая секунда. Так наилучшим образом создается эффект ожидания третьей части цикла.

Третья часть, написанная в форме рондо-сонаты, по образному содержанию резко контрастирует со второй. Лирике предыдущей части противопоставлена стремительность финала, полного огня, жизни, радости. Он увлекает неуемной энергией, богатством ритмики, неукротимым движением, светлыми «звенящими» звучаниями фортепиано. Взлетающая ввысь в исполнении солиста мелодия главной партии, опирающаяся на остинатный фон (в левой руке) в пределах 12-тактового постоения создаёт образ искрящегося веселья. Тематическая общность с темой главной партии первой части очевидна (та же трихордовая попевка, но в обращении). Непрерывность развития достигается чередованием двух и трехдольных размеров (4/4, 2/4, 3/4), что в свою очередь способствует стремительности части в целом. «Строительным материалом» для дальнейшего развития здесь также становятся те же трихордовая попевка, кварт-октавный мотив и мотив восходяще-

нисходящего движения в пределах тетрахорда в различных его вариантах (ритмическом, ладоинтонационном и т.д.). Автор концерта мастерски комбинируя их в различных последовательностях и опять же применяя приемы полифонического развития, добивается полноценного развития музыкальной ткани.

В качестве побочной партии, как было указано выше, использована армянская народная песня «*Ես պուճուր եմ*» в записи Т. Алтуняна[4]. Народная мелодия взята за основу, но в результате метроритмических, интервальных, конструктивных изменений происходит жанровое и образное переосмысление музыки. Интонационные и ритмические изменения, яркое подчеркивание сферы гармонического тетрахорда лада, способствуют превращению лирической песни в грациозный танец. Во втором проведении темы у фортепиано, охватывающем диапазон двух октав, аккордовый фон струнных создает широкий диапазон звучания, а в гармоническом сопровождении вновь слышны септимовые звучания.

В разработочной части композитор разворачивает дальнейшее действо используя материал побочной партии. Здесь слышны секвенции элементов темы, тембровые изменения, наслоения контрастных пластов. Так, вторая половина темы появляется в трехслойном изложении – тема в октаву, контрапункт, изложенный параллельными септимами и тонико-доминантовый органный пункт. Автор несколько раз использует принцип запева и отклика. Причем нередко оркестр становится «запевалой», а фортепиано вторит ему. Здесь вновь композитор демонстрирует мастерство естественного развития музыкального материала в соответствии с его природой и заложенными в него возможностями.

Реприза зеркальная. Развитие образов достигает новых высот. Это в большей мере касается побочной партии, которая здесь приобретает гимническое звучание благодаря исполнению ее всем оркестром. Краски сгущены как в теме, так и в её контрапункте.

Тема главной партии в репризе изложена сжато. Лаконичность, которую она приобрела здесь – естественна, автор прекрасно владеет формой и музыкальным временем. Подлинной кульминацией как заключительной части цикла, так и всего произведения становится стемительная, захватывающая своим напором кода, основанная на интонациях побочной партии первой части цикла. Таким образом объединяются части цикла, композитор создает линию эмоционального и динамического нагнетания, способствующую созданию цельного, монолитного произведения. В заключении финала еще полнее ощущается радость. Натиском аккордовых последований, решительными волевыми интонациями завершается концерт.

Существенной деталью тематического построения в концерте является инвариантность. Речь идет не только и не столько о сходстве некоторых тем (об этом писалось выше), сколько об инвариантности интервальной структуры, которая распространяется и на контрастные по образному содержанию темы. К примеру, в теме побочной партии III части, в квартовый скачок первоисточника композитор вносит модификацию (скользящую терцию), которая становится инвариантом трихордовой попевке. Этот принцип претворения единого в многообразном придает произведению исключительную цельность.

Одной из характерных черт концерта, как нам кажется, является то, что он представляет интерес с точки зрения синтеза концертного и камерно-ансамблевого жанровых начал. Этот синтез более всего проявляется во второй части цикла, где красочный стиль музыки с одной стороны, и полифоничность

изложения с другой, определяют необходимость поиска тембрового разнообразия звучания как фортепиано так и других солирующих инструментов. «Голос» фортепиано должен естественно вплетаться в общий строй «голосов» оркестровых инструментов, дополняя или оттеняя их. Речь идет о так называемом принципе музыкально-диалектического развертывания ткани, который достигается не только выявлением присущих каждому инструменту оригинальных качеств звучания, но и их «состязанием» в концертном ансамбле. Последовательно проводится принцип концертирования, диалога-состязания различных инструментов, ведущий своё происхождение еще с баховских времен.

Широкое использование возможностей тех или иных инструментов, проявившееся в тонком колористическом соединении-чередовании тембров и регистров фортепиано и солирующих инструментов обусловило красочность палитры как медленной так и быстрых частей цикла. Такое «противополагание» Асафьев называет синтезом противоположностей (антитетическое единство) звучащих инструментальных линий, "каждая из которых развивает данную мысль сообразно природе инструмента во всей полноте".[5] Отсюда исключительная изысканность оркестровой партии... Роль ее в развитии музыкальной канвы значительна. Часто оркестру поручается проведение основного материала. Тонко ощущая выразительные возможности тембров различных оркестровых инструментов, композитор точно находит краски для раскрытия музыкального образа.

Важно особо отметить мастерство автора в слиянии особенностей национального мышления с жанром классической симфонической музыки. Примером того является предпочтение Чеботарян духовых и струнных средних и низких регистров, которые по тембру ближе армянским народным инструментам, а также тип инструментального развития и взаимосвязей сольных и ансамблево-оркестровых линий. Метроритмическая организация произведения так же имеет национальную основу. Свойственные армянской народной музыке переменность ритма, пульсирующие остинато, множественные синкопы, переакцентировка и другие средства выразительности способствуют более яркому раскрытию образной сферы произведения.

Стиль Чеботарян – это естественное переплетение национальной полифонии с классическими принципами, творческое расширение и выявление возможностей, заложенных в национальном мелосе (имеются ввиду вариантные модификации ступеней лада, переменность последних). В то же время композитор сочетает отдельные проявления национальной специфики с приёмами развития и элементами современного музыкального языка (кварт-септимовые, секундно-септимовые вертикали, политональные сочетания и т.п.).

О Чеботаряне как о мастере полифонии говорилось выше, но хотелось бы добавить, что полифония в концерте выступает средством драматургии. Именно полифонические приемы письма дают автору возможность единовременного выявления многогранности, противоречивости создаваемого музыкального образа, возможность соединения в одновременном звучании контрастных тем и т.д. Так, эффективное использование автором концерта "полифонии тембров"[6], создаёт возможность сделать звучание фуги особенно разноплановым, рельефным и красочным.

Здесь как нельзя более уместны слова самой Г. Чеботарян, сказанные ею о полифонии в музыке Хачатуряна: "В его творчестве мы находим блестящие примеры целенаправленного применения полифонии – подчинения полифонических средств выражения задаче раскрытия идейной основы произведения... полифонические приемы письма становятся одним из главных

средств выражения идейно-художественного замысла". Сказанное в полной мере относится к творчеству Чеботарян в целом, а к концерту для фортепиано с оркестром в частности. Он, безусловно, является одним из лучших ее творений. Он вобрал в себя все то лучшее, чем владел и что чувствовал его автор. Являясь талантливой пианисткой, прекрасно владеющей манерой фортепианного письма, она разнородно использовала возможности инструмента. Весь арсенал виртуозных средств, использующийся здесь позволяет солисту продемонстрировать техническое мастерство в быстрых пассажах с различными фигурациями и аккордовыми последованиями. Но виртуозность здесь никогда не выводится на передний план, не становится пустой демонстрацией техники пианиста. Она используется исключительно для выражения динамики, энергии, порыва, благородной мужественности, неудержимого веселья и т.д.

Интересной в этом плане является типично чеботаряновская полифонизированность музыкальной ткани, требующая особого мастерства, своего рода полифонической виртуозности пианиста, при многочисленных ансамблевых сочетаниях с другими солирующими инструментами и оркестровыми группами.

Музыка Чеботарян увлекает и волнует слушателя прежде всего богатством мыслей и чувств, раскрывающих душевный мир человека. Автор создает прекрасные мелодии, таящие в себе как тематический так и энергетический потенциал. Талантливое владение автором "дышащей" кантиленой, мягким изложением с переливами звуковых красок является свидетельством глубокого понимания "души" и выразительных возможностей фортепиано, знания выработанных историей фортепианной музыки приемов изложения, умения подчинить инструментальное воплощение художественному замыслу. В связи с этим уместно привести слова Рахманинова о мелодической изобретательности, которая является в высшем смысле этого слова главной жизненной целью композитора. "Если он (композитор, Г.М.) не способен создавать мелодии, имеющие право на длительное существование, то у него мало шансов на овладение композиторским мастерством... Я мало ценю тех, кто отказывается от мелодии и гармонии ради погружения в оргию шума и диссонансов, являющихся самоцелью"[7].

Художественная зрелость, проявившаяся в этом сочинении – это яркость музыкального языка, интенсивность высказывания, простота, лаконизм, уравновешенность формы и яркое выявление концертности, одного из самых характерных свойств этого жанра, ставят концерт Гаяне Чеботарян в ряд лучших армянских фортепианных концертов.

---

[1] Цит. по: *Гилина Е*. Гаяне Чеботарян. Ер., 1979. С. 39.
[2] См. там же, с. 11.
[3] Հայկական ժողովրդական երգեր Թ. Ալթունյանի մշակմամբ: Եր., 1981, ք. 21, էջ 67:
[4] Хотим выразить нашу искреннюю благодарность профессору Ереванской гос. консерватории Барсамян Анне Александровне за некоторые ценные замечания, относящиеся к музыкальному анализу концерта Чеботарян.
[5] *Асафьев Б. В*. Музыкальная форма как процесс. М., 1965, С. 222.
[6] Термин, использованный Г. Чеботарян в книге «Полифония в творчестве А. Хачатуряна».
[7] Цит. по: *Соловцов А*. Фортепьянные концерты Рахманинова. М., 1961. С. 12.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Меликян Р. С.

В 50-70-е годы XXв. стало очевидно, что человечество вступает в новую эпоху, дорогу к которой проложило бурное развитие техники, компьютеров и научно-технической революции (НТР) в целом. Проблема существования человека в «технизированном» и «информатизированном» мире не могла не занимать философов, что вызвало к жизни концепцию «информационного» общества. Ни один из философов, писавших о данной проблеме, не сомневался в радикальном обновлении жизни человечества в рамках этой новой формации, но большинство из них анализировали проблему односторонне, будь то с политической, экономической или социальной точки зрения. Это породило огромное количество разнообразных терминов и определений. Интересно заметить, что почти все предложенные названия имеют латинскую приставку «пост», то есть «после», словно их создатели ожидают какого-то всемирного катаклизма, глобального переворота в технике и в сознании людей, после которого вдруг начнется новая эра, новая эпоха, возникнет новое общество. Именно поэтому было так важно найти приниципиально новое название, одновременно показывающее преемственность и принципиальную новизну грядущего общества. И таким названием стал придуманный О. Тоффлером термин «информационное общество». В качестве главного фактора общественного развития «информационное общество» рассматривает производство и использование научно-технической информации. Концепция «информационного общества» является разновидностью теории постиндустриального общества, основу которой заложили Д. Белл, О.Тоффлер, З. Бжезинский в конце 60 – начале 70-х годов XX века. Рассматривая общественное развитие как «смену стадий», сторонники теории «информационного общества» связывают его становление с доминированием «четвертого», информационного сектора экономики, следующего за сельским хозяйством, промышленностью и сферой услуг. При этом утверждается, что капитал и труд как основа индустриального общества в «информационном обществе» уступают место информации и знанию. Революционизирующее действие информационной технологии приводит к тому, что в «информационном обществе» классы заменяются социально недифференцированными «информационными сообществами». Традиционным громоздким корпорациям О. Тоффлер противопоставляет «малые» экономические формы – индивидуальную деятельность на дому, «электронный коттедж»[1]. Они включены в общую структуру «информационного общества» с его «инфо», «техно» и другими сферами человеческого бытия. Выдвигается проект «глобальной электронной цивилизации» на базе синтеза телевидения, компьютерной службы и энергетики – «телекомпьютерэнергетики». «Компьютерная революция» постепенно приводит к замене традиционной печати «электронными книгами», изменяет идеологию, превращает безработицу в обеспеченный досуг. Социальные и политические изменения рассматриваются в теории «информационного общества» как прямой результат «микроэлектронной революции». Перспектива развития демократии связывается с распространением информационной техники. О. Тоффлер и Дж. Мартин отводят главную роль в этом телекоммуникационной «кабельной сети», которая обеспечит двустороннюю связь граждан с правительством, позволит учитывать

их мнение при выработке политических решений. Работы в области «искусственного интеллекта» рассматриваются как возможность информационной трактовки самого человека.

Концепция «информационного общества» вызывает критику со стороны гуманистически ориентированных философов и ученых, отмечающих несостоятельность технологического детерминизма, указывающих на негативные последствия компьютеризации общества. Появление компьютеров сильно повлияло на нашу жизнь, однако ошибочно будет полагать, что именно появление компьютерной техники как-то повлияло на социальную и экономическую сферу. Наборот, изначально развитие промышленности одновременно потребовало и вызвало развитие высоких технологий, в частности, микроэлектроники. Здесь прослеживается замкнутый круг: для дальнейшего развития промышленности требовались научные знания, и лишь развитая промышленность позволила создать технические средства для их накопления и распространения[2].

Сегодня политическая наука должна быть ориентирована на разрешение вопросов о том, каково будущее «нашего» общества, каково «наше» общество в целом, следовательно, роль личности в современном (информационном) обществе, а через это и какое будущее выстраивается для человечества в этом обществе. Но прежде следует выяснить, что собой представляет «информационное общество», на основе чего мы вправе говорить о современном обществе как об «информационном обществе»?

«Информационное общество» – это цивилизация, в основе существования и развития которой лежит особая нематериальная субстанция, условно именуемая «информацией», обладающая свойством взаимодействия как с духовным, так и с материальным миром человека. Последнее свойство особенно важно для понимания сущности нового общества, ибо, с одной стороны, информация формирует материальную среду жизни человека, выступая в роли инновационных технологий, компьютерных программ, телекоммуникационных протоколов, а с другой стороны, служит основным средством межличностных взаимоотношений, постоянно возникая, видоизменяясь и трансформируясь в процессе перехода от одного человека к другому[3]. Информация одновременно определяет и социокультурную жизнь человека и его материальное бытие. В этом и состоит принципиальная новизна грядущего общества, глубоко описываемая в теориях Д. Белла, создавшего концептуально-теоретическую базу для дальнейшего развития этого нового феномена, именуемого «информационным обществом».

Среди ученых, разделяющих идею о возникновении нового общества, заслуженной известностью пользуется создатель теории постиндустриализма, характеризующей информационное общество, – Дэниел Белл. Последний термин «постиндустриализм» ввел в научный оборот в конце 1950-х годов XX века, что в скором будущем стало им заменяться словами «информация» и «знание». Автор определяет сущность нового общества через изменения, происходящие в обществе «настоящем», тем самым выделяя и подчеркивая также признаки, которые будут отличать «послереволюционное» общество от нынешнего. Согласно Д. Беллу, в XXIв. решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях. Революция в организации и обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер, развертывается одновременно со становлением

постиндустриального общества. Д. Белл выделяет три аспекта постиндустриального общества, особенно важных для понимания телекоммуникационной революции: а) переход от индустриального к «сервисному обществу»; б) решающее значение кодифицированного теоретического знания для осуществления технологических инноваций; в) превращение новой «интеллектуальной технологии» в ключевой инструмент системного анализа и теории принятия решений»[4]. Взаимодействие этих трех аспектов предопределяет громадное значение теоретического знания в качестве «осевого принципа» постиндустриального общества. Одновременно в контексте проблемы «направляющей и определяющей» силы социальных изменений этого общества возрастает значимость того, что оно становится все более открытым и индетерминированным[5]. Признавая, что знания и информация становятся стратегическими ресурсами и агентами трансформации постиндустриального общества, Д. Белл вместе с тем стремится избежать упреков в приверженности технологическому детерминизму. Поэтому он формулирует концепцию многоаспектности социального организма. В этой концепции каждая из сфер – экономика, социальная жизнь, культура, политика – развивается по особым, только ей присущим, законам. Поэтому эти сферы способны не только взаимодействовать, но и противостоять друг другу. В частности, «информационное общество» в силу нарастающих культурных противоречий может оказаться перед опасностью еще более глубокого разрыва между культурной и социальной жизнью[6].

Таким образом, идея информационного общества сформировалась в рамках концепции постиндустриализма. Ее основатель Д. Белл выделил основные тенденции, образующие постиндустриальную структуру. Основной смысл его теории – переход от общества, производящего товары, к обществу, производящему услуги – информацию и знание. В обществе постиндустриального типа доминирующая роль принадлежит профессионалам, где специальные теоретические знания приобретают принципиально новое значение. Доминантами общественного развития становятся знания и технологии, определяющие основу социально-экономической жизни. В постиндустриальном «информационном» обществе преобладает информационный сектор экономики, к которому отнесены все занятые в производстве, обработке и распространению информации, а также те, кто создает и поддерживает функционирование информационной инфраструктуры. Фактически информация и знания, а не капитал и труд становятся основными «переменными», формирующими постиндустриальное общество. Вместе с тем постиндустриальная, или «информационная» эра наступает в результате длинной цепи технологических перемен[7]. Однако, как полагает Д. Белл, не все страны готовы к вступлению в нее. Если же определить постиндустриальное общество как таковое, где произошел сдвиг от промышленного производства к сфере услуг, то получится, что Великобритания, почти вся Западная Европа, США и Япония вступили в постиндустриальный век. Но если же определить информационное общество как таковое, в котором существуют научный потенциал и способность трансформировать научные знания в конечный продукт, называемый обычно «высокими технологиями» (Hi-Tech), то можно сказать, что только США и Япония отвечают данному условию[8].

Д. Белл рассматривает общество, становившееся информационным, как систему взаимодействующих друг с другом факторов, а именно: технологии, социальной структуры, политики, ценностей, динамики потребностей[9]. Он, несомненно, был прав в том, что роль, которую играет информация в

общественной, экономической и политической сферах, резко возрастает. С другой стороны, он глубоко заблуждался в том, что это якобы свидетельсвует о возникновении общества нового типа – «постиндустриальной эры». В действительности, можно предположить, что теория информационного общества несостоятельна, если рассматривать ее в свете реальных социальных тенденций, то есть сравнивать «аналитический концепт» с реальным миром – окажется, что первый ко второму неприменим. Помимо этого, теория информационного общества представляется состоятельным «идеальным конструктом», только если в качестве отправной точки принять чистую теорию и методологический подход к социальному анализу, который оказывается ложным, когда в расчет принимаются реальные общественные отношения[10].

Другой яркий представитель и один из основателей концепции информационного общества – О. Тоффлер – не дает определения новой цивилизации – информационного общества, но через всю книгу («Третья волна») проводит мысль о ее принципиально новом характере. Формирующаяся цивилизация, по О. Тоффлеру, представляет собой новый кодекс поведения, выводящий нас за пределы концентрации энергии, денежных средств и власти. Многое в этой возникающей цивилизации противоречит традиционной индустрилальной цивилизации. Это одновременно и в высшей степени технически развитая и «антииндустриальная» цивилизация[11]. О. Тоффлер описательно дает определение информационного общества, посредством перечисление элементов, которые являются радикально новыми для сегодняшней жизни и коренным образом изменят жизнь нынешнего или ближайшего поколения. «Третья волна» несет подлинно новый образ жизни, основанный на диверсифицированных, возобновляемых источниках энергии, на методах производства, которые делают устаревшими большинство фабричных сборочных линий, на какой-то новой («ненуклеарной») семье, на новом институте, который мог бы быть назван «электронным коттеджем», на радикально преобразованных школах и корпорациях будущего[12]. Концепция «трех волн» О. Тоффлера в целом носит гипотетический характер. Поэтому некоторым «пророчествам» не суждено было сбыться, например, идея о возможности прямой передачи данных от мозга к мозгу и других форм электрохимической коммуникации. Однако именно с нее все начиналось в области изучения информационного общества, и автору стоит отдать должное, отметив определенную прозорливость, ибо многое из того, что он предсказал, уже стало неотъемлемой частью нашей жизни.

Проблематика информационного общества тесно связана с концептуальным полем глобалистики. Глобализм или глобализация – есть результат важных процессов обмена информацией со всем миром. Основным противоречием формирующегося информационного общества является противоречие между глобализацией мира и самобытностью (идентичностью) конкретного сообщества, между нивелирующим технологизмом виртуального пространства и присутствием в нем малых этнических и культурных групп, претендующих на сохранение приватности. По мнению авторитетного исследователя, профессора социологии Калифорнийского университета М. Кастельса, сетевые структуры являются одновременно и средством, и результатом глобализации общества. «Новая самобытность, устремленная в будущее, – полагает М. Кастельс, – возникает не из былой самобытности гражданского общества, которой характеризовалась индустриальная эпоха, а из развития сегодняшней самобытности сопротивления»[13]. К субъектам этого сопротивления отнесены прежде всего религиозные, экологические, женские

(феминистские) организации и движения. С критической точки зрения глобализация трактуется сегодня как изменяющийся баланс сил в современном мире, снижающий роль традиционных политических социокультурных инструментов. Так, Н. Луман справедливо ставит следующий вопрос: не придется ли нам в связи с появлением глобальной мировой системы изменять традиционное политическое значение понятия «общество». Он полагает, что современное общество в настоящее время находится в фазе «турбулентной эволюции» без предсказуемых результатов. Есть опасность, что общество примет «метакод» включения-исключения, когда некоторое люди будут личностями, а другие только индивидами[14].

Тем не менее, в описании и осмыслении современной информационной среды целесообразно исходить из двух основополагающих предпосылок: во-первых, общество, в котором обитает человек сегодня, – это информационное общество, во-вторых, в социуме, базирующемся главным образом на информации, проживает теперь новый человек – человек информационный (Homo Informaticus) – продукт информационного общества[15]. С другой стороны, верно полагать, что концепция информационного общества не является «уникальной» как таковой. В «чистом» виде в современном мире информационное общество нигде не существует, и маловероятно его появление в будущем. Речь скорее идет о новой стадии («волне» в терминологии О.Тоффлера) индустриализации, породившей индустриально-информационное общество, в котором существует паритет между новыми и традиционными ценностями и социальными механизмами. «Информационное общество» – это новая форма цивилизации, генерирующая современные структуры и соответствующие социально-политические механизмы решения проблем, связанных с развитием отраслей информационной технологии. Многие из этих механизмов находятся в латентной форме и требуют адекватного анализа и критической оценки. Сама структура информационного общества намного сложнее, нежели структура предшествующих обществ, поскольку основополагающее звено этого общества – компьютерные коммуникации – не является самостоятельной производственной единицей, а есть продукт специфической индустрии. В этом смысле понятие информационного общества должно указывать на специфические характеристики, наиболее полно отражающие суть данного общественного устройства. С данной точки зрения близка позиция М. Кастельса, который трактует информационное общество, проводя аналогию с индустриальным обществом, подчеркивая его индустриальную основу. Он, в особенности, указывает на атрибут особой формы социальной организации, в которой создание информации, ее обработка и передача становятся фундаментальными источниками производительности власти, благодаря возникновению в данный исторический период новых технологических условий[16].

Сегодня государственные органы ведущих стран заняли чрезвычайно активную позицию в деле формирования информационного общества. Так, в американской национальной информационной инфраструктуре информационное общество определяется как общество, в котором учебные заведения становятся доступными всем студентам, вне зависимости от географических условий, расстояния, ресурсов и трудоспособности. Огромный потенциал искусства, литературы и науки становится доступен в библиотеках и музеях. Медицинские и социальные услуги становятся доступными в интерактивном режиме. Создается возможность полноценно работать через электронные магистрали. Небольшие фирмы могут получать заказы со всего

мира электронным образом. Каждый может смотреть последние фильмы, обращаться в банк, магазин из своего дома, получать государственную информацию прямо или через местные библиотеки, легко вступать в контакты с государственными служащими, из собственного дома посредством Интернета поучаствовать на избирательных выборах, отдавая свой голос соответствующему кандидату. Государственные, деловые структуры могут обмениваться информацией электронным путем, снижая объем бумажного документооборота и улучшая качество услуг. Все это – есть свидетельство того, что человечество вступило в совершенно новую эру своего развития – в техноинформационную цивилизацию, где превалирующим звеном развития является информация, а его носителем – информационный человек – Homo Informaticus. Развитие такой цивилизации, с одной стороны, сопровождается сменой устоявшихся традиционных ценностей индустриального периода, с другой стороны, оно приводит к непредвиденным серьезным последствиям техногенных катаклизм. В результате возросшие в экосистеме «человек – социум» объемы циркулирующей информации меняют как самого человека, так и сущность общественных отношений. Человек для техногенного мира становится «орудием в руках» – «инструментом действия», всячески подчиняясь его требованиям и «началам». Вопрос о том, к чему приведет такое усиленное продвижение общества с «искусственным интеллектом», какие перспективы ожидаются в будущем – остается открытым для дальнейшего научного исследования.

Таким образом, информационное общество – это общество, погруженное в плотную информационную среду, стремящуюся к полной автономии и абсорбации человека в свои пределы. Новая эра несет новый строй жизни, новые правила поведения, новые представления о мире. Информационализация социума выводит на арену «человека альтернативного», в котором слишком мало специфически человеческого. Новая популяция «постлюдей», объединенных на искусственной основе при помощи СМИ, оказывается творчески несостоятельной, неспособной к созданию принципиально оригинального. Информационный человек – это жертва высоких технологий, «печальный пленник» бесконтактного символического бытия и, вместе с тем, житель глобальной деревни, повелитель физического пространства, руководящий окружающим миром. Разгадка нового человека отчасти кроется в природе информации, отчасти – в природе информационной среды, внутри которой он существует.

Само выделение информационного общества, как особого объекта исследования, имеет общенаучное значение. Информационные взаимодействия входят в предметные области самых различных научных дисциплин. Отсюда следует, что изучение информационного общества является принципиально мультидисциплинарной областью науки, а социально-философский анализ призван ответить на вопросы: куда и зачем развивается нынешняя общественная ситуация и какова социально-аксиологическая направленность этого развития. Синтезирующий вектор мультидисциплинарного концептуального анализа информационного общества направлен на прогнозирование его дальнейшего развития, на поиск стратегических решений и новых нормативных концепций, на возможности локализации этого процесса в социально желательном русле, избегая при этом как чрезмерного оптимизма, так и крайнего пессимизма.

Подводя итоги, следует отметить, что новые формы жизни, порожденные информационным обществом, формулируют вызовы современной социальной теории. Социальная теория сегодня – это акцентированный анализ наличных

форм общественной жизни, объемная феноменология повседневности, понятийное схватывание новых реалий жизненного мира. Выработка нового образа социального заставляет обращаться к методологическим категориям и понятиям информационного общества, к числу которых могут быть отнесены:

1. социальные отношения в информационном обществе (интернетный образ жизни, информационное поведение, информационная грамотность и культура, информационное общение, компьютерофобия;
2. социальные общности, возникающие в информационно-коммуникационном пространстве, или в инфосфере (экологические, когнитивные, гендерные);
3. социальные процессы в информационном обществе (глобализация социальных процессов и их столкновение с приватным жизненным миром, зомбирование общества, цифровой раскол, информационные войны, компьютерная преступность, антиглобализм).

Таким образом, проблема информационного общества сегодня является весьма актуальной как в научно-теоретическом, так и в практическом значениях. В первых теоретических концепциях, посвященных определению, осмыслению и интерпретациям «информационного общества», главным предметом исследования становится экономика, как сфера социума, наиболее быстро подвергшаяся изменениям в результате становления информационного общества. Трансформация традиционного социального порядка в новый, возникающий вследствие эволюции информации в ведущую производительную силу социум приводит к изменению дискурса по данной проблеме: экономические и технологические концепции информационного общества дополняются социологическими и социально-философскими исследованиями.

Резюмируя все вышесказанное, в целом, можно выявить следующие базовые «концептуальные» основания информационного общества:

- центральными «переменными», обуславливающими тенденции, динамику и направленность развития индустриального общества, являются труд и капитал, а противоречия между ними составляют основной источник его развития. Основным инструментом оптимизации такого общества, а также управления существующими в нем организациями и предприятиями, выступает информация — информационные технологии;
- информация одновременно определяет и социокультурную жизнь человека и его материальное бытие. В этом, как правило, и состоит принципиальная новизна грядущего общества;
- в связи с грядущим наступлением «информационного века», основной задачей становится максимальное ускорение и упрощение передачи информации между людьми и повышение ее «усвояемости». Именно поэтому она стандартизируется и классифицируется с тем, чтобы как можно больше ускорить процесс обработки информационного потока. Этот процесс усиленно воздействует на культуру: максимально сближаются духовная и материальная стороны жизни человека, ибо в культуре необходимым образом присутствует подвергающийся вышеописанным трансформациям информационный элемент;
- проблемы современного мира широко известны: экология, локальные войны, экономическая пропасть между Западом и странами «третьего мира». Иного рода проблемы поджидают нас при переходе к «информационному обществу» — такому, как его идеализированно понимают авторы концепции. Можно сказать, что практически уже

выяснено, что надо делать, но не всегда знаем как это осуществить, то есть остается открытым вопрос технологий. Кроме того, неясен вопрос о перестройке сознания людей для нового типа мышления. В принципе, вопросы о бюрократически информационной системе и тотальном контроле являются пока еще не опознанными. Эти вопросы еще ждут своих исследователей;

- информация может создавать богатство прежде всего тогда, когда ее непосредственно продают. Продажа информации чаще всего выливается в продажу патента, авторского права или лицензии, которые весьма трудно приобрести и тем более сохранить;
- информацию теперь, подобно капиталу, можно накапливать и хранить для будущего использования. В постиндустриальном обществе национальные информационные ресурсы – самый большой потенциальный источник богатства. В связи с этим необходимо развивать новую отрасль экономики – информационную экономику. Постиндустриальная экономика – это экономика, в которой промышленность по показателям занятости и своей доли в национальном продукте уступает место сфере услуг, а сфера услуг есть преимущественно обработка информации.

В заключение следует отметить, что информационное общество с точки зрения его концептуального и теоретического осмысления можно подвергнуть жесткой критике, в особенности за технологический детерминизм. Теория ставит акцент на возрастающей роли информации в жизни общества и практически ничего не говорит о тех новых экономических и социальных явлениях, которые слабо зависят от информационной сферы. Однако нельзя отрицать и тот факт, что электроника и компьютерная техника в будущем будет занимать все большую роль в жизни общества. Можно предположить, что сегодняшнее стремительное развитие электроники вскоре замедлится, но нельзя забывать, что лет 30 назад подобные прогнозы тоже были под вопросом и их называли утопическими, а сегодня они ходят по компьютерным сетям, создавая тем самым новые технологии и инновации.

1 *Тоффлер О.* Третья волна. М., АСТ, 1999, С. 32 – 33.
2 http://www.future.museum.ru *Абанкина Т.В.* Влияние информационных технологий на некоммерческий маркетинг (фрагмент статьи).
3 http://www.future.museum.ru *Зуев С.Э.* Измерение информационного пространства (политики, технологии, возможности) (фрагмент статьи).
4 *См.: Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., Academia, 1999, С. 163 – 165.
5 См.: Там же. С. 165.
6 http://theory.sinp.msu.ru/~shamardin/philosophy/KnigiPoFilosofii/NovejjshijjFilosofskijjSlovar'?v=769. *Шамардин Н.* Новейший философский словарь.
7 *Белл Д.* Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 335 – 336.
8 См.: *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М., Academia, 1999. // Предисловие к русскому изданию. С. CXXIX.
9 Там же, С. 101 – 102.
10 *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. М., Аспект Пресс, 2004. С. 47.
11 *Тоффлер О.* Третья волна. М., АСТ, 1999, С. 277.
12 Там же, С. 33.

13 См.: *Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология // Под. ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 300.

14 *Луман Н.* Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998. С. 96.

15 http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Solon/10.php.

16 *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000. С.35.

ЕВРОПЕИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СНГ

П.С. Аветисян

В мировом сообществе активными темпами идет процесс цивилизационной модернизации, который заставляет глубже присмотреться к преобразованиям в национальных системах образования, чтобы не только понять, но и объяснить объективную закономерность интеграции в единое образовательное пространство всего мира как наиболее адекватную требованиям глобализации и формам цивилизационного развития социума. В конце XX века кризис образования не только в странах СНГ, но и во всем мире был признан свершившимся фактом. Стало очевидным, что не существует такой идеальной системы образования, которая, с одной стороны, опиралась бы на свою историю и традиции, сохраняя при этом свою социокультурную уникальность, с другой стороны, реализовывала бы национальные государственные интересы в области образования и адекватно отвечала бы на все вызовы глобального мира. Это обстоятельство стало, во-первых, причиной признания образования сферой особых интересов государства, областью продуктивных вложений бизнеса, во-вторых, вызвало необходимость реформирования всех национальных систем образования. В результате, процессы реформирования систем образования охватили большинство ведущих стран мира.

Конечная цель реформирования национальных систем образования состоит в создании единого открытого образовательного пространства, в котором семья, школа, общественные и государственные структуры объединили свои усилия в достижении опережающего качества образования[1].

Несмотря на то, что цивилизационные тенденции развития человеческого социума (в том числе и в сфере образования) едины и обусловлены целями цивилизационной модернизации, акценты в их реализации ведущие страны мирового сообщества расставляют далеко не одинаково. Каждая из стран учитывает объективные требования развивающегося социума к системе образования и в то же время следует своему пути в реализации этих требований. Поэтому автор полагает, что универсальным методом социально-философского анализа процессов модернизации национальных систем образования СНГ в ходе формирования единого образовательного пространства в контексте глобализации должно явиться рассмотрение диалектического единства и противоречия, с одной стороны, универсальных модернизационных тенденций в реформах образования во всем мире, и с другой, особенностей их реализации в национальных системах образования СНГ.

Таким образом, сегодня образовательная политика каждого из государств мирового сообщества представляет собой диалектическое единство и противоречие субъективного (национального) и объективного – процесса глобализации, детерминирующих реформы. Причем процесс глобализации, а также уже реально сложившиеся в современном мире контуры глобального бытия объективно диктуют стратегическую линию развития систем образования на всех уровнях их организации и функционирования: региональном, национально-государственном и международном.

Объективный характер процесса глобализации и интеграции образовательного пространства подтверждается, прежде всего, образовательной политикой европейских государств. Интеграционные процессы в Европе, набравшие силу еще в прошлом веке, затронули все сферы жизнедеятельности

европейцев, в том числе и образование. Объединенная по основным параметрам, Европа сегодня активно и успешно строит общее университетское пространство. С процессом модернизации образования в Европе связывают понятие «европеизация образования», которое появилось сравнительно недавно и широко используется после подписания Маастрихтского соглашения в 1993 году, когда Европейский Союз получил официальные полномочия в сфере высшего образования в Европе, а формирование европейского образовательного пространства стало предметом дискуссий в среде специалистов, политиков, простых граждан.

Что следует понимать под термином «европеизация» или «европейская модернизация», как соотносится понятие «европеизация образования» с глобализацией и интернационализацией образования? Во многом позиция автора по данному вопросу базируется на концептуальном понимании европеизации, выраженном Х. Келлен. С точки зрения Хилари Келлен – исполнительного директора Европейской ассоциации по международному образованию (EAIE), основной целью деятельности которой является формирование и развитие европейского образовательного пространства, «если интернационализация концептуально неотделима от исторического национального государства, то европеизация высшего образования в регионе, основанная на идее европейского самосознания (как индивидуума и как гражданина), которая добавляется к амбициям национальных государств, но не заменяет их, не может быть частным случаем интернационализации. Она также не может быть и частным случаем проявления глобализации, если эта последняя берет на себя функцию подчинения местных особенностей непреодолимой силе мирового рынка или идеологии»[2]. Иными словами*, под европеизацией образования следует понимать осуществление интеграции национальных систем образования в единое европейское образовательное пространство, основанное на такой саморефлексии национальных систем образования, которая, базируясь на национальной идентичности и своеобразии, включает в качестве компонента европейское самосознание.* Европеизация, как процесс социокультурной образовательной модернизации, – это источник идей, смыслов, замыслов, начинаний, проектов для национальных образовательных систем, в том числе для образовательных систем стран СНГ.

Формирование и развитие европейского образовательного пространства стало предметом целого ряда европейских международных программ. В 1986 году решением Европейского Совета и Парламента была запущена программа ERASMUS. «Леонардо да Винчи» – программа Европейского экономического сообщества. В 2000 году решением Европейского Совета и Парламента одобрена программа «Сократес». Она, в свою очередь, включает восемь подпрограмм: «Корениус» – школьное партнерство; «Эрасмус» – высшее образование; «Грунтвиг» – образование для взрослых; «Лингва» – преподавание иностранных языков; «Минерва» – открытое и дистанционное образование, информационные компьютерные технологии в образовании; «Наблюдение и инновации» – анализ образовательных процессов и внедрение инноваций; «Совместные действия» – кооперация с другими программами Европейского экономического сообщества[3].

В 2003 году Европейским Советом и Парламентом принято решение о создании программы «Эрасмус-Мундус», основными задачами которой является расширение межкультурной коммуникации через сотрудничество с третьими странами и повышение качества европейского высшего образования.

Огромная работа в рамках европеизации образования проводится рядом международных правительственных и неправительственных организаций: Консультативным комитетом по профессиональной подготовке; Европейским центром по развитию профессиональной подготовки; Европейским фондом образования; Информационной сетью Eurodice; Европейской ассоциацией университетов (EUA); Международной ассоциацией университетов (IAU); Европейской ассоциацией международного образования (EAIE); Ассоциацией академического сотрудничества (АСА); Европейским студенческим информационным бюро (ESIB).

В частности*, Ассоциация академического сотрудничества (АСА)* создана в 1993 году и имеет статус международной некоммерческой организации. Целью АСА является содействие интернационализации в Европе и за ее пределами. Основной круг направлений деятельности АСА:

- менеджмент программ сотрудничества в области образования;
- анализ и осуществление различных исследований по всем аспектам интернационализации образования;
- консультирование общественных и частных организаций;
- подтверждение качества образования и др.

В состав АСА входят 20 ведущих национальных агентств из 14 европейских государств: Австрийская служба обменов и Агентство международного сотрудничества в области образования и науки (Австрия); Фламандский совет ректоров и Фламандский межуниверситетский совет (Бельгия); Датский центр международного сотрудничества и мобильности в образовании и обучении «Сириус» (Дания); Центр международной мобильности (Финляндия); Эдю Франс и Французский центр международных обменов (EGIDE) (Франция); Германская служба академических обменов (DAAD) (Германия); Государственный исследовательский фонд (Греция); Общественный фонд «ТЕМПУС» (TPF) (Венгрия); Межуниверситетский консорциум по сотрудничеству в области образования (CONICS) (Италия); Нидерландская организация международного сотрудничества в области высшего образования (NUFFIC) (Нидерланды); Центр международного сотрудничества университетов Норвежского совета высшего образования (SIU) (Норвегия); Академическая ассоциация международного сотрудничества Словакии и Словацкое агентство академической информации (SAIA-SCTS) (Словакия); Национальное агентство по высшему образованию Швеции, Шведский институт (SI) и Конференция ректоров Швейцарских университетов (Швеция); Британский Совет (Великобритания). Совокупный бюджет организаций, входящих в АСА, составляет более 1 млрд. евро, что свидетельствует о масштабах ее деятельности. Ассоциация принимает участие в более 700 программах в области международного сотрудничества, академической мобильности, и играет существенную роль в разработке стратегии и политики в сфере образования ЕС[4].

Далее*, Европейская ассоциация по международному образованию (EAIE):* основана в 1989 году, целью которой является «стимулировать и способствовать процессу интернационализации образования, в особенности высшего, в Европе и удовлетворять профессиональные требования людей, работающих в области международного образования»[5]. Ассоциация объединяет профессионалов, работающих в сфере международного образования. В последние годы Ассоциация выходит за пределы Европы, о чем свидетельствуют заявляемые темы Ежегодных конференций EAIE «В Европе и за ее пределами», «Хорошие

соседи и далекие друзья: региональные измерения международного образования».

Европейское студенческое информационное бюро (ESIB) объединяет национальные студенческие союзы Европы. Оно преобразовано из Западноевропейского студенческого информационного бюро (WESIB) в начале 90-х годов и первоначально объединяло семь студенческих национальных союза с целью распространения информации о различных учебных программах. В настоящее время членами ESIB являются 49 организаций из 36 стран, представляющих интересы 11 миллионов европейских студентов, а само ESIB является полноправным участником академических процессов в Европе, отстаивает интересы европейских студентов и является политической организацией с четкой структурой и процедурами принятия решений[6].

Формирование *единого европейского образовательного пространства* зафиксировала *Болонская декларация,* подписанная в 1999 году 29 государствами на уровне министров образования. Это событие конституировало начало Болонского процесса как основного пути европейской модернизации образовательных систем. В основу декларации легла программа, подготовленная правительствами Великобритании, Германии, Италии и Франции. С подписанием этой декларации началась эпоха глубоких и масштабных преобразований национальных систем образования в Европе, имеющих целью их интеграцию в единую Европейскую образовательную систему. Реформы в 29 странах, рассчитанные на период до 2010 года, являются беспрецендентно глубокими и масштабными. Их основная цель – приблизить образование к рынку труда и подготовить человека, который будет жить в единой Европе. С этой целью в странах-членах Болонского процесса осуществляются следующие меры:

- *проводится согласование программ обучения, выработка единых подходов к описанию содержания образования («качества»):* вводятся децентрализованные механизмы и процедуры обеспечения качества образования, в основе которых лежит самооценка; внешний (международный) аудит качества; аккредитация независимыми организациями; публичность всех процедур и результатов оценки качества; прозрачность управленческой и финансовой деятельности вузов;
- *разрабатываются технологии его реализации («количества»)*: в ходе Болонского процесса должен произойти переход национальных систем образования на близкие или совпадающие двухуровневые программы и квалификации высшего образования (бакалавр-магистр), сократиться сроки обучения;
- *вводится единое измерение трудоемкости*, измеряемое в кредитах, с помощью которого в приложении к диплому (вводится единая форма Приложения к диплому для выпускников вузов Европы) описывается получаемое образование.

В сфере образования предполагается осуществление также целого ряда мер, направленных на развитие информационной культуры. Огромное значение придается развитию непрерывного и дистанционного образования на основе новых информационных технологий с целью обеспечения доступности образования в течение всей жизни работника. Болонская декларация констатирует, что с целью установления европейской зоны высшего

образования и содействия распространению европейской системы высшего образования в мире должны быть предприняты следующие шаги:

- принятие более сопоставимой системы уровней (ступеней) образования, чтобы содействовать трудоустройству европейских граждан, а также конкурентоспособности европейской системы высшего образования на мировом рынке;
- принятие системы, базирующейся на двух образовательных уровнях. Первый уровень, признанный на европейском рынке труда, а также в системе высшего образования в качестве соответствующего уровня квалификации (бакалавр), должен иметь продолжительность, по крайней мере, три года;
- создание системы зачетных единиц (ECTS — The European Credit Transfer System, т.е. Европейская система перевода и накопления кредитов), а также системы зачетных единиц для проведения экспериментального обучения и довузовского обучения, при условии, что указанные зачетные единицы будут приняты университетской системой в качестве средства, способствующего мобильности студентов;
- устранение препятствий в доступе студентов ко всем услугам, имеющим отношение к образованию;
- введение понятия «европейское пространство высшего образования», в том числе относительно содержания курса обучения, сотрудничества между учебными заведениями, схем мобильности, интегрированных программ обучения, тренинга и проведения научных исследований;
- введение трехуровневой системы аттестации: уровень бакалавриата предполагает обучение от трех до четырех лет на базе системы зачетных единиц (ECTS); магистерская степень — около пяти лет на базе системы зачетных единиц (ECTS); уровень, предусматривающий получение докторской степени — приблизительно от 7-ми до 8-ми лет.

Основной целью новой системы получения той или иной академической степени является содействие в трудоустройстве европейцев. Вместе с тем, существующие конвенции по признанию академических степеней, а также структура национальных информационных центров по академическому признанию и мобильности и Европейская сеть информационных центров по академическому признанию и мобильности (NARIC и ENIC) пока являются неэффективными в вопросах обеспечения связи между интеллектуальным потенциалом и возможностью трудоустройства.

Официальными участницами Болонского процесса, подписавшими Болонскую Декларацию, на сегодняшний день стали пять стран Содружества Независимых Государств: Российская Федерация, Республика Армения, Республика Азербайджан, Республика Украина, Республика Молдова. В остальных странах Содружества с большим интересом следят за реализацией принципов Болонской декларации в государствах Содружества и в странах дальнего зарубежья и предпринимают ряд организационных и нормативно-правовых мер с учетом принципов Болонского процесса.

В то же время, интеграция образовательных систем СНГ в европейское образовательное пространство дала толчок широкому общественному обсуждению проблем и перспектив европеизации национальных образовательных систем. Общественное мнение в большинстве государств до сих пор неоднозначно в оценках Болонского процесса, дискуссия на научном уровне также продолжается. Видя объективную необходимость для всех государств участвовать в формировании общеевропейского образовательного

пространства, научное и педагогическое сообщество озабочено опасностью утратить в процессе интеграции те основания, которые делают образовательные системы государств СНГ устойчивыми и стабильными в отношении модернизации, например, фундаментальность образовательных программ.

Необходимо также отметить, что европеизация образовательного пространства имеет объективный характер, и императивы этого процесса обусловлены требованиями к уровню профессионализма, общей культуры и нравственности членов общества, получающих образование, и особенно высшее. К числу этих императивов относятся: гуманизация политики в области образования; преодоление разобщенности естественнонаучного и гуманитарного образования; непрерывность образования; доступность образования; новое качество образования. Во всех европейских странах признается, что современное состояние качества образования отражает усиливающееся противоречие между возрастающими требованиями общества к нравственности и интеллекту человека, его способности к проектированию, прогнозированию и будущетворению (что проявляется в системе современных требований) и фактическим уровнем образования и развития выпускников образовательных учреждений.

Эти императивы реализуются национальными системами образования сложно и противоречиво. Рассмотрим основные тенденции, сопровождающие европеизацию образовательных систем стран СНГ, характеризующиеся особой противоречивостью.

Во-первых, важнейшей тенденцией развития национальных систем образования европейских государств в процессе интеграции в общеевропейское образовательное пространство является автономизация высших учебных заведений. Важно отметить, что в автономизации учебных заведений диалектически взаимодействуют процессы инновационной модернизации и самоидентификации на основе традиций. Такое утверждение основывается на понимании, что университетская автономия – это традиционная ценность, которая формировалась на протяжении исторического процесса развития образования во всем мире, которая актуализировалась в условиях глобализации и вновь востребована обществом. В. Камба, бывший президент Международной ассоциации университетов, подчеркивает, что менторский способ преподавания вредит системе образования, и справедливо утверждает, что «главная опасность академической свободе и университетской автономии исходит от правительств и является фактором, определяющим уровень демократичности общества»[7]. Проблемам университетской автономии и академических свобод посвящены четыре международные декларации, в них раскрывается содержание понятий «академическая свобода» и «университетская автономия». Так, в Декларации, принятой в 1988 году в г. Лиме (Перу) академическая свобода определяется как «свобода членов академического сообщества (то есть преподавателей, студентов и исследователей) вести поиск, развивать и передавать научные знания путем научных исследований, обучения, обсуждения, документирования, производства, создания, преподавания и письменного изложения». Автономия, что особенно важно, определяется как «независимость высших учебных заведений от государства и других институтов общества». Хартия вольностей европейских университетов, провозглашенная в сентябре 1988 года в Болонье ректорами европейских университетов указывает, что «как общественная власть, так и университетская должны в рамках своей компетенции гарантировать это и способствовать соблюдению самого приоритетного требования». Декларация об академической свободе и социальной ответственности академического

персонала, принятая в 1990 году в Дар-эс-Саламе (Танзания) удостоверяет, что «все члены академического сообщества имеют право выполнять свои функции по обучению, научным исследованиям, учению, сочинению, обмену и распространению информации без опасения вмешательства или репрессии со стороны государства или любого другого общественного органа управления».

Таким образом, в процессе европеизации образовательных систем стран Европы значительной является тенденция «ухода» государства из управления образованием. Многие (прежде всего, европейские государства, такие как Швейцария, Германия, Франция) во главу образовательной политики ставят проблему сочетания децентрализации и демократизации развития своих национальных систем образования. В то же время, для стран СНГ характерны обратные тенденции. Модернизационные процессы во всех сферах жизни в наших странах привели к тому, что были приняты законы, предоставившие университетам *автономию* и в некоторых случаях давшие им даже больше *свободы от государственного контроля*, чем та, которой пользуются университеты в некоторых западноевропейских странах. Однако в организации и содержании учебного процесса в наших странах еще не происходит кардинальных изменений, и на это существует целый комплекс причин объективного характера. В 90-е годы XX века государства практически «ушли» из образования, и образовательные системы оказались в состоянии, близком к хаосу. Возвращение государств в образование на основе новых образовательных политик уже произошло, однако в большинстве стран еще не осуществлен переход от административно-командной к программно-целевой модели управления образованием.

Второй проблемой, которую необходимо решить в ходе европеизации национальных образовательных систем, является *достаточность финансирования*. Финансирование лежит во главе угла стратегий модернизации национальных систем образования. Проблема достаточного финансирования не оказалась решенной, когда большинство государств СНГ переложило задачу оплаты за образование на своих граждан, поскольку остались открытыми вопросы размера и форм оплаты образования. Кроме того, проблема финансирования образования породила проблему доступности высшего образования для групп населения с низкими доходами, причем это проблема является общей для большинства стран, в которых идут процессы модернизации систем образования, поэтому эти вопросы являются предметом острой глобальной дискуссии последнего десятилетия.

Третьей проблемой является проблема перехода к аттестации студентов посредством системы зачетных единиц. Этот переход осложнен целым рядом обстоятельств, поэтому в профессиональных и самых широких общественных кругах в странах СНГ остро дискутируются вопросы о необходимости и целесообразности такого перехода, причем аргументы как сторонников, так и противников перехода на кредиты достаточно веские и основательные.

Аргументы противников введения кредитов строятся на констатации того факта, что образовательные системы постсоветских государств традиционно основывается на Гумбольтовской[8] системе обучения, которая характеризуется строгой плановой заданностью: программы и сроки обучения заранее строго определены и не претерпевают существенных изменений в ходе обучения. Обучающийся может выбирать только специальность, далее в образовательном процессе студент движется по строго заданной учебным планом траектории. Экономическое управление учебным процессом в рамках Гумбольтовской

системы всегда было запланированным, а государственный контроль за образовательным процессом – тотальным.

Между тем, европейская система зачетного перевода – ECTS – основана на общей трудоемкости студенческой работы, которая требуется для освоения образовательной программы, цели которой обозначаются в терминах полученных результатов обучения, знаний, умений и навыков. В мировой системе высшего образования, кроме ECTS, используются и другие системы кредитов. Для большинства стран СНГ кредитная система пока весьма экзотична, но их участие в Болонском процессе делает безоговорочным принятие европейской системы. Однако все специалисты, независимо от степени их приверженности переходу на систему зачетных единиц, предостерегают от резкого введения европейской системы и отказа от традиционной системы аттестации. Гумбольтовсакя система, отлично показавшая себя в российском, затем советском образовании и являющаяся традиционной для стран СНГ, позволила многим специалистам адаптироваться к изменившимся экономическим реалиям, найти применение своей квалификации на фоне процессов глобализации мировой экономики. Сегодня, подкрепленная принципами личностно ориентированного учебного процесса, старая система открывает новые перспективы для достижения опережающего качества образования.

Сравнительный анализ двух систем, активно функционирующих в системе образования стран СНГ, пока затруднен в силу недостаточности эмпирического материала: процесс введения европейской системы зачетов начался сравнительно недавно, поэтому преждевременно оценивать его результаты. В силу специфики образовательного процесса, который отличается пролонгированностью результатов, сложно прогнозировать, насколько эффективной окажется новая система в достижении опережающего качества образования. Но с уверенностью можно утверждать, что любое рационалистское переламывание естественного хода вещей грозит незрелостью и «сыростью» нововведений, а также утратой тех достижений, которые являлись результатом старой системы.

Таким образом, участие стран СНГ в Болонском процессе, с одной стороны, экономически и организационно облегчено большими потенциальными возможностями национальных образовательных систем, с другой стороны, объективно осложнено рядом контртенденций.

Кроме того, уже сегодня очевидно, что участие стран СНГ в Болонском процессе детерминирует ряд тенденций, оцениваемых специалистами как результативно негативные. С одной стороны, существование негативных тенденций сопровождает любой процесс подобного масштаба. С другой стороны, участие образовательных систем СНГ в Болонском процессе является организованным и интегрированным на административном уровне, поэтому в ходе разработки текущих мероприятий Болонского процесса учитывается необходимость максимально нейтрализовать основные негативные последствия. К их числу относится, в частности, излишне форсированное и ускоренное (по сравнению с другими странами-участницами процесса) вхождение стран СНГ в Болонский процесс, что является причиной неотработанности многих системных организационных механизмов модернизации и трансформации образовательного пространства СНГ, а также утрата некоторых достоинств традиционных систем образования, общих для стран СНГ, в частности, фундаментальности и постепенной специализации.

Несмотря на невозможность основательного вывода относительно всех плюсов и минусов участия стран СНГ в Болонском процессе, объективная двойственная природа процесса модернизации общемирового образовательного пространства обусловливает необходимость их вхождения в общеевропейское образовательное пространство с учетом всех возможных прогнозируемых негативных последствий. Притом, что темпы европейской модернизации в некоторых аспектах являются угрожающими для национальных образовательных систем, поскольку для них существует опасность быть поглощенной европейской системой образования, тем не менее, европеизация образования создает невиданные ранее возможности для решения проблем сохранения и преумножения образовательного потенциала стран СНГ.

При всей неоднозначности, многоуровневости такого понятия, как европеизация, при всех опасностях, которые в себе таит столь необратимый и всеохватный объективный процесс, образовательные системы тех стран, которые подписали Болонскую декларацию, включены в этот процесс на всех уровнях. Прежде всего, включенность отражается в информатизации образовательного процесса и в реализации концепций опережающего качества открытого образования и устойчивого развития, нацеленных на формирование у новых поколений ответственности за будущее глобального мира.

И последнее: в результате европейской модернизации высшее образование должно остаться общественным благом и услугой, т.е. быть доступным для всех и обслуживать самых разнообразных потребителей без дискриминации. Высшее образование должно служить обществу – экономике, но также и культуре и социальной сфере.

1 Следует подчеркнуть, что сама базовая категория «опережающее качество образования» как основа целеполагания в образовательном процессе для систем образования в мире еще недостаточно отрефлексирована. Однако является практически общепризнанным, что для обеспечения опережающего развития человека по сравнению с общественной практикой, для соответствия темпам глобализации образовательная система должна использовать базы оценок «от будущего», которые предполагают, что социальные нормы качества образования преимущественно должны опираться на прогнозных моделях открытого образования, обеспечивающих свободное и всестороннее развитие человека.

2 Подробнее см.: *Хилари Келлен.* Концепция дальнейшего развития интернационализации на практике: десятилетие эволюции // Высшее образование в Европе., 2000, №1, Т. XXV.

3 *Ларионова М.В.*. Интеграционные процессы в образовании. Европейский опыт // Высшее образование сегодня. М., 2006, №2, С.51.

4 http://www.rciabc.vsu.ru/mnfop/aca.htm

5 *Келлен Х.* Концепция дальнейшего развития интернационализации на практике: десятилетие эволюции // Высшее образование в Европе. 2000, Т. XXV, №1. Web-станицы СЕПЕС ЮНЕСКО.

6 *Вукасович М.* Точка зрения студентов на высшее образование как фактор построения общества знаний // Высшее образование в Европе. Web-станицы СЕПЕС ЮНЕСКО.

7 *Kamba W.* University Autonomy. Academic Freedom and University Autonomy. Ed. CEPES. Papers on Higher education. Bucharest, 1993. P. 21 – 23. Цит. по: *Ильинский И. М.* Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации. М., 2004. С. 141.

8 *Вильгельм фон Гумбольдт* (1767-1835) – немецкий философ, филолог, искусствовед, правовед и государственный деятель.

ԲԱՆԱՍՏԵՂԾԱԿԱՆ ՏԵՔՍՏԻ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆԸ ՈՐՊԵՍ ԽՈՍՔԻ ԶԱՐԳԱՑՄԱՆ ՄԻՋՈՑ

Ալեքսանյան Թ.

«Ազատորեն տիրապետել բառին. սա լավ նշանաբան է, դեմոկրատական, բարյացակամ հնչողություն ունեցող նշանաբան է: Սակայն այս նշանաբանը չի պարտադրում բոլորին լինել գեղագետ, այլ օգնում է, որ ոչ ոք ստրուկ չլինի»,- գրում է իտալացի գրող Ջանի Ռոդարին[1]:

Տիրապետել բառին, այսինքն` տեր լինել, ազատորեն իշխել, ղեկավարել բառը և ճիշտ գործածել այն, առանց կարկամելու գտնել անհրաժեշտ բառերը և լիովին արտահայտել սեփական մտքերն ու զգացմունքները: Բայց «բառի սանձումը» միանգամից տեղի չի ունենում. սրան վարժվում են ամբողջ կյանքի ընթացքում:

Մարդու մտածողությունը ձևավորվում, հստակվում և վերացարկման ոլորտներն է մտնում պատկերների կուտակման ճանապարհով: Նշանավոր հոգեբան Վիգոտսկին ասում է, որ երևակայությունը նույնությամբ չի կրկնում առանձին տպավորությունները, որոնք կուտակվել են նախկինում, այլ նոր շարքեր է կառուցում արդեն կուտակած պաշարներից[2]:

Իսկ ո՞րն է պատկերի և բառի հանդիպման վայրը, եթե ոչ գեղարվեստական գրականությունը: Գրական երկերի տեքստերի համակողմանի ուսումնասիրությունը ուղղակի ծառայում է վերոհիշյալ խնդրի լուծմանը, այն է` զարգացնել սովորողների պատկերավոր մտածողությունը, երևակայությունը և խոսքը:

Գրականությունը բառի գանձարան է, դրա իմաստային նրբերանգների դրսևորման և գործածության անսպառ աղբյուր: Գրական-գեղարվեստական բնագրի հանգամանալից ուսումնասիրությունը միջոց է դառնում թե՛ պատկերների կուտակման, թե՛ ինքնաարտահայտման, թե՛ վերացական մտածողության, թե՛ խոսքի զարգացման, թե՛ ստեղծագործական ունակությունների դրսևորման համար:

Այժմ դառնանք բանաստեղծական տեքստի լեզվական-պատկերային քննության նկարագրությանը:

Եղիշե Չարենցի «Ես իմ անուշ Հայաստանի» բանաստեղծությունն ուսումնասիրելիս կարելի է դասարանը բաժանել խմբերի և տալ առաջադրանքներ: Հարկ է հիշեցնել, որ խրախուսելի չեն գրական երկի բազմիցս և ոչ արտահայտիչ ընթերցումները կամ բնագրին չառնչվող անհարկի քննարկումները: Բնագրի լավագույն մեկնաբանությունը բառային և պատկերային համակարգի ուսումնասիրության և բացահայտման համակողմանի գործընթացն է: Դասավանդողը կարող է նաև նախօրոք թերթիկներ պատրաստել, որոնց վրա գրանցված կլինեն առաջադրանքները. յուրաքանչյուր խումբ ինքը կարող է ընտրել իր թերթիկը: Այսպես`

ա) բառարանի օգնությամբ բացատրել հետևյալ բառերը` *ողբանվագ, լացակումած, հեզաճկուն, վիշապաձայն, երկաթագիր.*

բ) հետևյալ բառերի հոմանիշային և հականիշային շարքերը կազմել` *անուշ, հին, ջինջ, վսեմ, անհյուրընկալ, անհաս.*

գ) կազմությամբ բարդ բառերը գտնել, առանձնացնել արմատները և դրանցով կազմել նոր բառեր.

դ) *սազ* բառի ոլորտը նշել (երաժշտական գործիք) և հիշել այլ բառեր այդ ոլորտից.

ե) *ծաղիկ* ընդհանրական անվանումը մասնավորեցնել. հնարավորինս շատ ծաղիկների անուններ հիշել, այսինքն` կազմել բառիմաստային (թեմատիկ) խումբ.

գ) ընդգծել մակդիրները, մեկնաբանել դրանք.
է) գտնել փոխաբերությունները, քննարկել և մեկնաբանել:
Տրվում է ժամանակ, սովորողներն աշխատում են, իսկ ուսուցիչը խմբից խումբ է անցնում և հետևում է նրանց գործունեությանը: Նա կարող է ցուցումներ տալ, ուղղորդել կամ խրախուսել խմբերին:
Երբ խմբերը պատրաստ են ներկայացնելու իրենց կատարած աշխատանքները, ձայնը նախ տրվում է այն խմբերին, որոնք բառակազմական աշխատանք և բառիմաստային խմբավորումներ պիտի անեին: Խմբերի կատարած աշխատանքը ներկայացնելու ընթացքում կարելի է ներգրավել բոլոր սովորողներին. առաջարկվում է հնարավորինս շատ բառեր ավելացնել ընկերների կազմած բառացանկին: Սա բառապաշարի հարստացման շատ լավ միջոց է, իսկ առանց հարուստ բառապաշարի հնարավոր չէ զարգացնել խոսքը:
Հաջորդ քայլը բառերի իմաստային նրբերանգների քննությունն է: Հերթով քննվում են հեղինակ գործածած բոլոր բառերն ու արտահայտությունները: Ինչո՞ւ է հեղինակը գործածում *արևահամ բառ, հին սազ, ողբանվագ, լացակումած լար, արնանման ծաղիկ, հեզաճկուն պար* բառակապակցությունները: Կամ ով ինչպես է ընկալում *արնանման ծաղիկների ու վարդերի բույրը վառման ու նաիրյան աղջիկների հեզաճկուն պարն եմ սիրում, կամ ինչքան էլ սուր սիրտս խոցեն արյունաքամ վերքերը մեր, էլի ես որբ և արնավառ իմ Հայաստան յարն եմ սիրում* արտահայտությունները:
Այսօրինակ հանձնարարությունները նախ քննարկվում են առանձին խմբերում, ապա ամեն խմբից մի հոգի ներկայացնում է քննարկման արդյունքները:
Նպատակահարմար է, որ բոլոր աշակերտները խոսեն, մասնակցեն մեկնաբանություններին, քանի որ բարձրաձայն մտորումները ստեղծագործելու, երևակայելու հնարավորու թյուն են տալիս: Շատ հանգամանալից պիտի քննարկվեն՝ ինչո՞ւ է հեղինակը գործածել հենց այդ բառերը և արտահայտությունները: Առաջարկվում է հեղինակի գործածած բառերը փոխարինել հոմանիշներով: Օրինակ՝ *արնանման* բառի փոխարեն գործածել *արնագույն, արյունավառ* կամ *արնավառ* բառերը: Սովորողները անմիջապես նկատում են, որ հեղինակը վերջին բառը արդեն կիրառել է, բայց այլ կառույցում՝ *էլի ես որբ ու արնավառ...* : Պարզվում է՝ բանաստեղծը ինքն իրեն է *արնավառ* բառով բնութագրում: Ինչո՞ւ: Այս հարցը լուրջ մտորումների տեղիք է տալիս. սովորողներին պետք չէ շտապեցնել, պիտի թույլ է տալ, որ մտածեն, կշռադատեն մտքում և բարձրաձայն շարադրեն:
Այսօրինակ աշխատանքը բառի իմաստային նրբերանգները ընկալելու, դրա խորքը տեսնելու լայն հնարավորություններ է ընձեռում, և պիտի թույլ տալ, որ սովորողները խորամուխ լինեն բառի իմաստային տարբեր դրսևորումների մեջ, սովորեն իրենց խոսքում ևս գործածել բառերը՝ համապատասխան նրբերանգներով, որը նրանց ասելիքը կդարձնի առավել դիպուկ, սեղմ և պատկերավոր:
Հաջորդ քայլը քննարկված բառերի և արտահայտությունների նորովի, սեփական խոսքում կիրառություններն են: Այսպիսի առաջադրանքներ են տրվում. Չարենցից սովորած բառերը, բառակապակցությունները կիրառել՝
ա) նախադասությունների,
բ) 5-6 տողանոց կապակցված խոսքի,
գ) ստեղծագործական շարադրանքի մեջ:
Կարելի է առաջարկել նաև բանաստեղծության բովանդակության ազատ շարադրանք: Այսպիսի առաջադրանքը լավ է հանձնարարել վերոհիշյալ աշխատանքին հաջորդող դասաժամին կամ, որ ավելի նախընտրելի է, տանը: Պարտադիր պայման է բոլոր ցանկացողների աշխատանքների լսարանային ունկնդրումը: Լսարանում պետք է հատուկ տեղ (բազկաթոռ կամ ամբիոն) ունենալ իր գրածը ընկերների ունկնդրությանը ներկայացնող սովորողի համար: Յուրաքանչյուր շարադրանք արժանանում է ընկերների բարյացակամ վերաբերմունքին. նրանք նշում են, թե ի՛նչը դուր եկավ իրենց կամ ի՛նչ սովորեցին: Լավագույն աշխատանքները տեղ են գտնում, ստեղծագործությունների տետրում, թերթում, ամսագրում կամ համակարգչային էջում:

Մտավորապես այսպիսի աշխատանք կարելի է կազմակերպել ոչ թե մեկ բանաստեղծության, այլ որևէ բանաստեղծի ողջ ստեղծագործության հիման վրա: Օրինակ՝ Միսաք Մեծարենցի ստեղծագործության ուսումնասիրության ժամանակ կա՛մ բանավոր, կա՛մ թերթիկների վրա գրանցված առաջադրանքների տեսքով տարբեր խմբերի կամ զույգերի առաջարկվում է դուրս գրել *լույս, ծաղիկ, համբույր* արմատներով բարդ բառեր, բառակապակցություններ, նախադասություններ: Ընդ որում կարևոր է նաև ամեն անգամ ստեղծել աշխատանքի ներքին խթան կամ ազդակ: Դրան Սերգեյ Մանուկյանը «աշակերտական դասանպատակ» անունն է տալիս, որ միանգամայն արդարացի է[3]:

Կարելի է սովորողներին մղել աշխատելու այսպիսի նախաբանով. «Եկեք միասին մի հետազոտություն կատարենք, տեսնենք, թե Միսաք Մեծարենցը ո՛ր բառերին է նախապատվություն տալիս և ավելի հաճախ գործածում»: Բառերի ընտրությունը ևս կարելի է թողնել սովորողներին: Նրանց տրամադրության տակ դնել տվյալ բանաստեղծի ստեղծագործության ընտրանին և ժամանակ տալ, որ կարդան ուշադիր, գտնեն և առանձնացնեն այն բառերը, որոնք բանաստեղծը ավելի հաճախ է գործածում: Եթե խումբը նկատել է, որ բանաստեղծը հաճախ է գործածում *լույս* բառը, ապա աշխատում են հենց այդ բառի շուրջ. Մեծարենցի ստեղծագործությունից ընտրում են բառեր, բառակապակցություններ և նախադասություններ, որոնցում առկա է «լույս»-ը:

Լույս արմատով բառեր՝ *լուսե, լուսամեջ, վերջալույս, լուսաբաղձ, լուսարագ, լուսոռոգ, լուսավետ, լուսացնցուղ, լուսաթել, լուսարձաք, լուսասփյուռ, լուսաժպիտ* և այլն:

Բառակապակցություններ *լույս* բառով՝ *լույսի մետաքս թելեր, լուսե արցունքը մանկան, ջինջ լույսեր, լուսե աչքեր, լուսե արցունք մոմերու, լույսի մետաքս թելեր* և այլն:

Ամբողջական պատկեր-նախադասություններ *լույս* բառով՝ *հուշիկ փախչող իրիկվան ծիրանի լույսն է զվարթ. լուսե արցունք մոմերու, որոնք հանդարտ կմարին. կամարներեն, խորաններեն կծագին լույս ու ծիծաղ. միջոցի մեջ կբոշնի լույսի ծաղիկը թրթռուն. կվախնամ, որ նորեն խուսափի լույսն երազին* և այլն:

Սովորողներին առաջարկվում է նույն բառերով կամ դրանց արմատներով նոր բառեր կազմել, որոնք չկան Մեծարենցի մոտ: Հետո էլ առաջարկվում է այդ բառերը փոխաբերական իմաստով կիրառել բառակապակցությունների, նախադասությունների մեջ: Ընդ որում պետք չէ կաշկանդել սովորողների երևակայությունը նույնիսկ այն դեպքում, երբ սավածը անհեթեթություն թվա: Այսպես վարվելով՝ դեռահասին վարժեցնում ենք ազատորեն և անկաշկանդ արտահայտվելու և խոսելու, լսարանին ներկայացնելու իր գյուտերը:

Հաջորդ քայլին սովորողները մեկնաբանում են յուրաքանչյուր պատկեր. նրանց երևակայելու հնարավորությունը սահմանափակելու կարիք չկա:: Թափանցելով պատկերի խորքը, մտովի տեսնելով բանաստեղծի բառային նկարագրությունը՝ սովորողասը պատկերներ է կուտակում, հետո էլ սովորում է այդ պատկերները վերարտադրել բառերով: Այս աշխատանքը ավարտվում է հանձնարարությամբ. ընտրել դուր եկած բառը կամ բառակապակցությունը, դարձնել վերնագիր և գրել շարադրություն, փոքրիկ խոսք, հորինել պատմություն՝ գործածելով մեծարենցյան պատկերները:

Դասարանում ծավալված այսօրինակ աշխատանքից հետո սովորողներից մեկը բերեց «Մեծարենցյան տրամադրություն» վերտառությամբ այսպիսի շարադրանք. «Անձրևն իր նոսր վարագույրները կախեց երկրի վրա: Լուսացնցուղ կաթիլները անձրևի մտերիմ համբույրը փոխանցեցին պապակ հողին: Հովիկը քնքուշ գգվեց լուսագես կաթիլներին: Անձրևն արթնացրեց նիրհող ծաղիկներին, և օդը լցվեց բույրերի անուշ երանգներով: Անձրևի ոսկեծիծաղ շունչը թափանցեց օդի տոթ ննջարանը ու վանեց այնտեղից ամեն չարիք: Մի պահ անց արևի գինով շողերը, մերթընդմերթ հաղթահարելով թուխպերի մռայլ պատնեշը, օդը լցրին լուսե կայծերով:

Պայծառ հույզերի մի ամբողջ շարան պար բռնեց հոգուս մեջ...»,- Ղազարյան Հայկազ:

Ահա մեկ այլ օրինակ՝ «Անուրջ» վերնագրով. «Գիշեր էր, լուսածաման գիշեր: Դեպի հորիզոնի հեռուներն էր ձգվում երկնային լուսեղեն ճամփան: Համրընթաց քայլով շարժվում էի առաջ՝ դեպի այնտեղ, ուր բոսոր ժպիտով իր ծիծաղն էր զսպում անհայտությունը:

Ճամփի երկայնքն ի վեր ինձ ուղեկցում էին երկնասլաց ծառերը, որոնցից կախված լուսնի լույսը ծաղկի էր նման: Ականջիս էր հասնում աղբյուրի կարկաչը: Սակայն ես անզոր էի տեսնելու այդ իմաստուն բանաստեղծին: Այնքան մոտիկ և այնքան հեռու աղբյուրը անվերջ ու անվերջ պատմում էր իր դարավոր և մեղրածոր հեքիաթը:

Իմ վերելքը զարդարում էին մոմերի լուսե արցունքները. մի՞թե աստղերն էին իրենց տամուկ աչքերով ուղեկցում մեղավոր մարմնիցս ազատված հոգուս երթը»,- Նանյան Վահե*:

Պարզ երևում է Մեծարենցի զորավոր ազդեցությունը. բանաստեղծական պատկերները սնունդ են տվել սաների հոգուն և մտքին և դրսևորվել են որպես բառերով արտահայտված ինքնուրույն և նոր պատկերներ: Այստեղ տեղին է հիշել ռուս նշանավոր գրող Պաուստովսկուն. «Լեզուն՝ գեղեցկության և իմաստի հայրենիքն ու զետեղարանը, ինքն է սկսում մտածել ու խոսել մարդու փոխարեն և ամբողջովին դառնում է երաժշտություն՝ ոչ թե արտաքին լսողական հնչողության, այլ իր ներքին խոսքի սրընթացության և զորեղության առումով»[4] :

Մի օրինակ էլ բերենք Սայաթ-Նովայի ստեղծագործության ուսումնասիրությունից: Հավլաբարի բարբառը լուրջ դժվարություն է ներկայացնում: Բանաստեղծի ողջ ստեղծագործության ուսումնասիրության մասին խոսք լինել չի կարող. առանձին խաղի քննություն պիտի կատարվի: Ասենք՝ «Աշխարհումս ախ չիմ քաշի» խաղն է ուսումնասիրվելու: Դասավանդողը, որպեսզի խուսափի բացասական վերաբերմունքից, սովորողներին նախապատրաստում է այսպիսի առաջադրանքով. «Պատկերացրեք, որ ուզում եք սեր բացատրել մեկին, որը ձեզ համառորեն չի նկատում. փորձեք շարադրել»:

Նշված ժամանակը լրանալուց հետո բոլորը ներկայացնում են իրենց գրածները: Ընդ որում՝ սրան կարելի է տրամադրել Սայաթ-Նովայի խաղի ուսումնասիրությանը նախորդող դասաժամը, որպեսզի հնարավոր լինի բոլորի գրածները կարդալ, քննարկել, կարծիք հայտնել և վիճել:

Հաջորդ դասին կարելի է հայտարարել . «Այսօր դուք կլսեք, թե ինչպես էին սեր բացատրում կամ սիրո մասին խոսում 18-րդ դարում: Ուշադի՛ր լսեք, քանի որ գրված է Թիֆլիսի բարբառով»: Խաղը ընթերցում են կամ լսում են դերասանի ասմունքը, ապա ասվում է, որ բացատրությունը թողնվելու է սովորողներին: Իմիջիայլոց կարելի է նաև ունկնդրության ներկայացնել տվյալ երգը: Հետո դասարանը բաժանվում է հինգ խմբի, ամեն մեկին տրվում է «Աշխարհումս ախ չիմ քաշի» խաղի մեկ քառատողը, ինչպես նաև բարբառային ձևերի գրական արևելահայերեն բացատրությունները: Տրվում է ժամանակ և առաջարկվում է քառատողի իմաստը վերարտադրել արևելահայ գրական լեզվով: Ապա հերթով խմբերի խոսնակները ներկայացնում են յուրաքանչյուր քառատողի բովանդակությունը: Այնուհետև մեկ անգամ էլ են կարդում խաղը, և այս անգամ արդեն ամբողջ դասարանը մասնակցում է խաղի բովանդակության ոչ միայն վերարտադրությանը, այլև մեկնաբանությանը: Սովորողները փորձում են բացատրել բավական անսովոր թվացող արտահայտությունները, օրինակ՝ «ռանգդ փռանգի ատլաս է», «օսկու մեչը մինա արած, աճկիրդ ակնակապ թաս է», «վրեդ շուռ գամ բլբուլի պես՝ սիրով սեյրան իս ինձ համար»: Բավական վիճահարույց հարցեր են ծագում, սովորողները մտորում են բարձրաձայն, քննարկում, փորձում հասկանալ բանաստեղծին: Դասի ավարտին առաջարկվում է հաջորդ դասին գալ խաղի բովանդակության ազատ շարադրանքով:

Ահա այդպիսի քննարկումներից ծնված մի շարադրանք. «Աշխարհը անիրավ է, դատարկ ու տխուր, բայց ես ոչնչի համար դարդ չեմ անի և երբեք ախ չեմ ասի, քանի որ սիրում եմ քեզ: Դու ինձ համար ոսկե բաժակ ես՝ անմահական ջրով լիքը, ոսկե թելերով հյուսված վրան ես ինձ համար, որ դառը օրերին ինձ հով ես անում: Ես գերի եմ քեզ, բայց

---

* Վահեն և Հայկազն ավարտել են Երևանի Անանիա Շիրակացու անվան ճեմարանը, ապա Մխիթար Հերացու անվան բժշկական համալսարանը, Հայկազն ատամնաբույժ է, իսկ Վահեն՝ ակնաբույժ:

դու հանցանքս իմացիր, հետո սպանիր ինձ: Ես գերի եմ քո շրթունքներին, որ շաքարից էլ քաղցր են, քո մարգարիտ ատամներին և քո աստվածային աչքերին, որ ոսկու մեջ թաթախված են: Գլխիս մեջ խելք չմնաց, արտասուքս արյուն դարձավ. ես այս դարդին ո՞նց դիմանամ: Դու պարտեզի մեջ նստած ես՝ շուրջդ վարդե պարսպով պատած: Ա՜խ, երանի բլբուլ լինեի ու սեր երգեի ականջիդ տակ, այնպես երգեի, որ միայն դու լսեիր այս դաժան աշխարհում: Շողքդ աշխարհը բռնել է, արեգակից էլ փայլուն ես: Աշխարհում չկա այնպիսի մեխակ, դարչին, վարդ, մանուշակ, սուսամբար, դաշտի ծաղիկ ու հոտավետ շուշան, որ քո անուշ հոտին չնախանձի: Ես քո սիրուց անհույս արբեցել եմ, բայց սիրտս քեզնից սով է մնացել»,- Հարությունյան Անի[**] 8-րդ դասարան:

Այսպիսի աշխատանքից հետո կարելի է արդեն խոսել Սայաթ-Նովայի կենսագրության, ստեղծագործության մասին: Անհրաժեշտ է նաև, որ սովորողները նախօրոք գրած խոստովանությունները լրացնեն կամ էլ ուղղակի համեմատեն խաղի բովանդակության հետ: Այսպես ցանկացած գրական երկ կարելի է ծառայեցնել հիմնական նպատակին՝ սովորողների ազատ և անկաշկանդ խոսելու և սեփական մտքերը դիպուկ և պատկերավոր լեզվով արտահայտելու կարողության զարգացմանը:

Եթե ամփոփելու լինենք վերևում շարադրվածը, պիտի փաստենք, որ բանաստեղծական երկի չափածո տեքստի բառային, պատկերային համակարգի բացահայտման ուղղությամբ տարվող աշխատանքները սովորողի, ղեռահասի պատկերավոր մտածողության և խոսքի զարգացման անփոխարինելի միջոց են:

1 *Ջանի Ռոդարի*, Ստեղծագործական երևակայության քերականություն, «Շաղիկ», Երևան, 1995

2 *Л. С. Выготский*, Лекции по психологии, «Союз», Санкт-Петербург, 1999:

3 *Սերգեյ Մանուկյան*, Մանկավարժական և աշակերտական դասանպատակները, «Լուսաբաց», Երևան, 2003:

4 *Բորիս Պաստեռնակ*, Դոկտոր Ժիվագո, Սուրեն Խաչատրյանի թարգմանությամբ, «Խորհրդային գրող», Երևան, 1990:

Литературное произведение
как средство развития речи

Человеческое мышление формируется, конкретизируется и абстрагируется путем накапливания образов.

С помощью речи человек выражает свои представления, чувства и мысли.

Художественная литература – самое лучшее место встречи для образов и слов. Литература как учебный предмет – может директивно развивать образное мышление, воображение и речь. Эти три понятия настолько взаимосвязаны, что не существуют самостоятельно, друг без друга.

Кроме этого, развитая речь или процесс ее разработки совсем не являются самоцелью. Процесс формирования и развития речи решает ряд воспитательных вопросов. Внутренняя тенденция свободного выражения собственных мыслей, без страха подвергнуться критике, воспитывает подростка как личность, который может свободно говорить и выражать свои мысли. Изучение художественного произведения дает возможность выражать, воспроизводить те образы, которые рождаются в голове подростка, но еще не приобрели словесный облик.

[**] Անին ավարտել է Երևանի պետական համալսարանը, հոգեբան է:

Следующей важной задачей формирования и развития речи является подготовка учащего для определения своего место в жизни. В любой области человеческой жизни проявляются самые разные взаимоотношения между людьми. Естественно, что эти взаимоотношения развиваются в основном при помощи речи. В основе человеческого взаимопонимания лежит правильное и уместно сказанное слово.

Обучать ученика говорить правильно означает подготовить его к эффективной и выгодной коммуникацию и общению, а это, в свою очередь, залог успеха для каждой личности. Если человеку свойственно гибкое мышление, меткая речь и, взвешивая ситуацию, он может проявить соответственное поведение и речь, ему удастся настроить другого человека к общению, а значит, и к сотрудничеству. В этом смысле формирование и развитие речи приобретают все большее современное значение.

Важными предпосылками формирования и развития речи являются накапливание, расширение и обогащение словаря.

Литература – это сокровищница слов. Организованная и тщательная работа над художественным текстом становится средством как для накапливания образов, самовыражения, абстрактного мышления, развития речи, так и для выявления творческих умений.

Автор статьи, исходя из своего опыта, представляет методы работы и способы интериоризации словесно-образной системы стихотворного произведения.

Работа над текстом художественного произведения строится следующим образом: художественное произведение (речь) – абзац – предложение – словосочетание – слово. Такой работе следует самостоятельное изложение ученика, где уже своеобразное применение находят те слова, словосочетания и вообще та образная система, которые ученик выучил из текста.

ՀԱՅԵՐԵՆԻ ԱՐԱԳԱՑՎԱԾ ՈՍՈՒՑՈՒՄԸ ԲՈՒՀՈՒՄ

Ռուստոմյան Ժ. Վ.

Անցյալ դարի 60-70-ական թվականներից աշխարհում սկսեցին լայնորեն կիրառվել լեզուների արագացված ուսուցման մեթոդները: Ստեղծվեցին «Մայրենի լեզուն՝ որպես օտար լեզու», «Մայրենի լեզուն՝ միջնորդ լեզվի միջոցով», «Օտար լեզուն՝ այլ լեզվի միջոցով» և այլ մեթոդներ: Ուսուցման այս մեթոդների ստեղծման նպատակը մարդկանց շփումների (այժմ նաև՝ հեռահաղորդակցության միջոցներով) մեծացմանը նպաստելն էր, գիտական և այլ տիպի գրականության նորույթներն առավել մեծ զանգվածների համար մատչելի դարձնելը: Ըստ որում՝ յուրաքանչյուր երկիր կամ ավելի ստույգ՝ լեզվատեր պետություն, ինքն է ստեղծում իր լեզվի արագացված ուսուցման մեթոդը կամ մեթոդները:
Անկախության հռչակումից հետո Հայաստանում ևս այս խնդիրը դարձավ առաջնայիններից: Պետական լեզվաքաղաքականության ծրագրի սահմաններում մշակվեց և հանրակրթական դպրոցներում ներդրվեց «Հայերենի արագացված ուսուցում ոչ հայախոսների համար (միջնորդ լեզուն՝ ռուսերեն)» մեթոդիկան (հեղինակներ՝ Լ. Հարությունյան, Ժ. Ռուստոմյան), որն ուսումնական յոթ տարիների ընթացքում շոշափելի արդյունքներ տվեց:

2005-2006 ուստարում այս մեթոդը փորձարկվեց նաև Ռուս-հայկական (Սլավոնական) պետական համալսարանում, քանի որ այստեղ սովորում են նաև ԱՊՀ տարածքից եկած հայ, բայց հայերեն վատ իմացող կամ ամենևին չիմացող ուսանողներ: Հենց նրանց համար էլ նախատեսված է այս դասընթացը: Ուստարվա սկզբին համալսարանի հայագիտության ամբիոնի դասախոսների ուժերով լեզվիմացության ստուգում անցկացվեց, կազմվեցին «ուժեղ», «միջին» և «թույլ» խմբեր: Վերջիններում ընդգրկվեցին վերոնշյալ ուսանողները: Ի պատիվ համալսարանի՝ պետք է ասել, որ սա միակ մեթոդը չէ, որ ներդրվել է համալսարանում (կարծում ենք՝ մյուսների մասին կխոսեն հենց հեղինակները կամ կիրառողները): Գովելի է նաև այն, որ համալսարանի ղեկավարությունը շահագրգիռ է ոչ հայախոս ուսանողների՝ հայերենին տիրապետելու խնդրում, և հայերենի ուսուցումը վստահվել է համապատասխան մասնագետներին՝ ուսանողին չթողնելով իր նախաձեռնության և ինքնուսույցների հույսին: Ինքնուսույցը առաջին կուրսեցու համար բարդ ձեռնարկ է: 17-18 տարեկան պատանին ու աղջիկը նոր-նոր են սովորում, չունեն ինքնուրույն լեզու սովորելու փորձառություն, հետևաբար ինքնուրույն չեն կարող հաղթահարել լեզվի հնչյունական, ուղղագրական- ուղղախոսական և քերականական նրբություններն ու բարդությունները:

* * *

Այժմ՝ փորձենք ներկայացնել, թե անցած մեկ ուստարում ի՞նչ է արվել, ի՞նչ խնդիրներ պետք է լուծեր մեթոդը և որքանո՞վ դա հաջողվեց:
Նախ՝ խնդրի մասին: Լեզուն բարդ երևույթ է, և միամտություն կլիներ հայտարարել, թե կարճ ժամանակահատվածում (ասենք երկու տարում) հնարավոր է սովորեցնել բացարձակապես այն ամենը, ինչ մյուսները սովորել են իրենց ապրած տասնյոթ-տասնութ տարիների ընթացքում: Սակայն ոչ հայախոս ուսանողների՝ մի այլ լեզվի՝ ռուսերենի իմացությունը մեծապես օգնում է նրանց և յուրօրինակ բանալի է հայերենը յուրացնելիս որոշ դժվարությունների հաղթահարման գործում:

Ի մի բերելով իրական և ենթադրելի, հավանական և անակնկալ խութերն ու դժվարությունները՝ կարող ենք ասել, որ առաջարկվող մեթոդով ուսուցումը երկու տարվա ընթացքում կարող է տալ դպրոցական տարրական գրագիտություն, զգալի բառապաշար՝ ոչ միայն խոսելու, արտահայտվելու, այլ նաև իր մասնագիտական կարողությունները հայերենով ի ցույց դնելու համար: Կարծում ենք՝ այսքանը բավարար է, իսկ մնացյալն

արդեն ուսանողը հետագայում ինքնուրույն կարող է կատարելագործել, ավելացնել, լրացնել…

Անցած՝ 2005-2006 ուսումնական տարում, ուսանողները սովորել են գրել, կարդալ, անցել են ձայնավորների և երկհնչյունների հնչյունափոխություն, ուղղագրություն, գիտեն օժանդակ բայը և դրա գրության ձևը, տեղյակ են արմատ, ածանց, հիմք, վերջավորություն հասկացություններին, ածանցում են սովորել, գիտեն նախածանցները և վերջածանցները (ոչ բոլորը), գաղտնավանկը, տողադարձի կանոնները, գոյականի հոգնակի թվի կազմությունը, գոյական-ածական (որոշյալ-որոշիչ) բառակապակցությունը, հոմանիշները, հականիշները, մի շարք դարձվածքներ, յուրացվել են հայերենին բնորոշ լեզվամտածողական կաղապարներ, ձևեր: Ինչ վերաբերում է ընթերցանության նյութերին, ապա այս դեպքում առաջնային խնդիր է ուսանողի՝ **ժամանակակից հայերենի** իմացությունը, որի հենքի վրա միայն կարելի է անցնել հայ գրականությունն իր բոլոր փուլերով:

Վաղուց հայտնի է, որ որևէ լեզու սովորեցնելիս առաջին հերթին պետք է խոսք սովորեցնել: Իսկ սա նշանակում է, որ ուսանողը պետք է գրականություն ընթերցի, պատմության, աշխարհագրության, ֆիզիկայի, մաթեմատիկայի, կենսաբանության՝ տվյալ լեզվին բնորոշ կաղապարները, տերմինները, արվեստի ու մշակույթի ոլորտի բառապաշարը գոնե որոշ չափով յուրացնի, որպեսզի այդուհետ այս ամբողջը քերականությամբ կանոնակարգվի, հստակեցվի: Ահա ինչու՝ ընթերցանության տեքստերը բովանդակային և գիտելիքի առումով խիստ բազմազան են:

Մեզ համար *օտարախոս ուսանողի հայերենին տիրապետել* արտահայտությունը նշանակում է, որ ուսանողը պետք է հնարավորինս անսխալ գրի (1.), հասկանալով, սահուն և արտահայտիչ կարդա (2.), ներկայացնի, բացատրի սեփական մտքերը (թե՛ գրավոր և թե՛ բանավոր) (3.), գրական, խոսակցական լեզվով շփվի իր հայրենակիցների, հայախոսների հետ (4.):

Սովորաբար արագացված ուսուցումն իրականացվում է չորս փուլով՝

ա) բանավորի,

բ) տառուսուցման,

գ) ընթերցանության,

դ) քերականության:

Երբ ձևավորվեցին խմբերը, առաջին իսկ օրը որոշվեց ուսուցումը միանգամից սկսել երկրորդ փուլից՝ տառուսուցումից՝ դրանում ընդգրկելով նաև առաջին՝ բանավորի փուլը և ոչ թե շրջանցելով այն:

Սա արվեց այն նկատառումով, որ նախ՝ այս դեպքում հնարավոր է արագ կերպով, տառերի գրության ուսուցմանը զուգահեռ ուսանողին տալ մեծ թվով բառեր (բառաշարքերը՝ ըստ խոսքի մասերի), բառակապակցություններ, նաև նախադասություններ, սովորեցնել նրանց ընկալելու այն միտքը, որը հնչում է հայերեն, ու գրավոր խոսքի միջոցով այն դարձնել ուսանողի սեփականությունը:

Չէ՞ որ, այն, ինչ հնարավոր է կարդալ, ժամանակի ընթացքում, մոռացության դեպքում անգամ կարելի է վերընթերցելով վերականգնել: (Ուսուցման ամբողջ գործընթացի ժամանակ չպետք է անտեսվի ուսանողների միջավայրի՝ անգլերենա-հայերենա-ռուսերենա-բարբառախառն՝ Սևակի լեզվով ասած՝ քյավառամոսկովյան խոսվածքը, որը շատ դեպքերում խանգարիչ հանգամանք է):

Մի խնդիր ևս. հարկ է, որ ուսուցումը սկսելուց առաջ դասավանդողն իր համար պարզաբանի, ունենա հետևյալ հարցերի պատասխանները.

1. Լեզուն միայն դասի ժամանակ չեն սովորում, սովորում են հատկապես միջավայրի հետ շփումներում, ուրեմն հարկ է պարզել, թե ինչպիսի՞ լեզվական միջավայրում է այժմ ապրում ուսանողը:

2. Հայերենի հնչյունական համակարգի հետ կապված ի՞նչ հնարավոր դժվարություններ կարող են լինել (գաղտնիք չէ, որ հայերեն չիմացող ուսանողը հայերենի բազմաթիվ

հնչյուններ՝Հ, Ը, Փ, Ք, Թ, Չ, Ջ, Ճ, ինչպես նաև Ռ - Ր-ի տարբերությունը, չի կարողանում արտասանել): Եվ սա կարող է լինել երկու դեպքում՝

ա) երբ ուսանողը պարզապես չի լսում այդ հնչյունները. դրանք նա ընկալում է որպես միջնորդ լեզվում գոյություն ունեցող նման հնչյուն՝ Հ-ն՝ որպես *Խ*, Ղ-ն՝ նույնպես *Խ*, Փ - ն՝ *Պ*, Չ-ն և Ծ-ն՝ որպես *Ց* և այլն,

բ) երբ հնչյունը լսում է, բայց չի կարողանում արտասանել. սա այն դեպքն է, երբ արտասանության ապարատը դեռևս չի հարմարվել իրեն անծանոթ հնչյուններին (պետք է ասել, որ այս խնդիրը ավելի հեշտ է լուծել, քան առաջինը: Սրա համար ժամանակ է պետք):

Նկատենք, որ հնչյունական համակարգի հետ կապված վերոբերյալ դժվարությունները (հատկապես հնչյունը չլսելը) ավելի հաճախ այն ուսանողների մոտ ենք նկատում, ում ծնողները ծնվել, մեծացել են այլ երկրում, տանը հայերեն չեն խոսել և ահա արդեն երկրորդ, երրորդ սերունդը հայերեն սովորելիս բախվում է հիշյալ խնդրին:

3. Ուսուցման գործընթացում միջնորդ լեզվի օգնությանը դիմելու հաճախականությունը, չափը: Սովորաբար միջնորդ լեզվի օգնությանը հնարավորինս քիչ պետք է դիմել: Սակայն, սկզբնական շրջանում, երբ պետք է գտնվի փոխըմբռնման բանալին, ուզենք թե չուզենք, երբեմն-երբեմն, հայերենին զուգահեռ պետք է ասել նաև օտար, այս դեպքում՝ ռուսերեն, բառը: Օրինակ, առաջին դասին, երբ լսարանն ու դասախոսը պետք է ծանոթանան, դասավանդողն ասում է.

-Ես ձեր դասախոսն եմ: Դասախոս՝ *ïðåïîäàâàòåëü.* Ես ձեր դասախոսն եմ: Իմ անունը Համիկ է:

Համոզված կարելի է ասել, որ այդ մի բառի թարգմանությունը լիովին բավարար է, որ ուսանողները երկու նախադասություննն էլ հասկանան:

* * *

Ուսուցման արագացված մեթոդի տառուսուցման փուլը տևում է 1,5-2ամիս՝ կախված, թե խումբը ինչ ծավալով և ինչ արագությամբ է յուրացնում նյութը, և ուսանողը որքանով է կարողանում վերադարձնել իր յուրացրածը՝ որպես սեփական գիտելիք, այլ ոչ որպես անգիր արած, անհասկանալի նյութ: (Ցավոք, այսպիսի դեպքեր էլ կան, և ես ուզում եմ դրանց մասին խոսել՝ քննարկելով դրանք առանձին- առանձին): Տառուսուցման փուլի յուրաքանչյուր դասի ուսանողին միանգամից հինգ տառ է տրվում: Ըստ որում՝ այնպես է կազմված ծրագիրը, որ սկզբում ուսուցանվեն առավել կիրառելի, հեշտ յուրացվող, արտասանության առումով ոչ մի դժվարություն չներկայացնող տառերը: Այսպես, առաջին երեք դասերին ուսանողը սովորում է տասնհինգ տառ, հասցնում յուրացնել բառերի մի քանակություն, որը, կարելի է ասել, նախնական բառապաշար է դառնում: Միակ դժվար և, պետք է ասել, հաճախ նաև այդպես էլ չյուրացվող հնչյունը Ը-ն է, մանավանդ, գաղտնավանկի Ը-ն: Ավելին, շատ դեպքերում գաղտնավանկն այդպես էլ չի ընկալվում և միայն երկարատև շփումներն են տալիս արդյունքը: Բանն այն է, որ եթե մինչ Հայաստան գալը՝ ուսանողն ամբողջովին կտրված է եղել հայկական միջավայրից (այսինքն՝ նույնիսկ տանը հայերեն խոսք չի լսել), նրան գաղտնավանկը, որպես լեզվական երևույթ, անհասկանալի է: Սրա չիմացությունը և կամ իմացածը հավուր պատշաճի օգտագործել չկարողանալը աղավաղում, օտար երանգ է տալիս նրա խոսքին:

Հենց առաջին դասերից պետք է սկսել հայերենին բնորոշ լեզվակաղապարների ուսուցումը, մանավանդ, այն կաղապարների, որոնք առօրյա խոսակցության տարր են կազմում և որոնք, շատ հաճախ, սխալ են գործածվում, քանի որ սովորողը, չիմանալով ճիշտը, կատարում է բառացի թարգմանություն: Օրինակ, ուշացած ուսանողը ներս է մտնում և դասախոսը հարցնում է, թե ինչու է ուշանում: Հնչում է պատասխանը.

- Շուտ էի գալու, **ահագին վախտ փողոցի վրա մարշրուտնու** էի սպասում:

Ինչպես տեսնում ենք, այս խոսքն, ասես, տիպական սխալների (քերականական, լեզվամտածողության, ոճաբանական) փունջ լինի:
Նկատենք, որ հայերենի դասաժամերին իր խոսքն ու բառապաշարը ուսանողն անընդհատ հարստացնում է նորանոր արտահայտություններով, հոմանիշներով ու հականիշներով, պատկերավոր խոսքի տարրերով, գրում, արտագրում է այս կամ այն դասից հատված, երբեմն ինքնուրույն շարադրում իր միտքը: Իրար հաջորդող բանավոր և գրավոր վարժանքներն աստիճանաբար տալիս են իրենց արդյունքը: Ուսանողը «տեղափոխվում է» հայերենի լեզվամտածողության միջավայր, այլևս չի երկյուղում հայերենով մտքեր արտահայտելուց:

2005-2006 ուստարում հայերենի արագացված ուսուցում անցած 52 ուսանողից միայն մեկի արդյունքն էր բավարարից ցածր, մյուսները տարեվերջյան ստուգարքից առաջ երեք ստուգողական գրավոր աշխատանքներից, մեկ սեմինարից և կուրսային աշխատանքից (ռեֆերատներ՝ հայ գրողների ստեղծագործությունների մասին) ստացել են՝
«Գերազանց»՝ տասներեքը, «լավ»՝ 19-ը և «բավարար»՝19-ը:
Կարծում ենք՝ թվական տվյալներից զատ կարևոր են նաև այն մեջբերումները, որ ուսանողների շարադրություններից կամ ռեֆերատներից են և որոնք ներկայացնում ենք ստորև.

Հատվածներ «Այս ձյունոտ ձմեռը» թեմայով շարադրություններից՝ գրված 2006թ. փետրվարին:

Առաջին ձյունը եկավ Սուրբ Ծննդի օրը:
Ի՞նչ հիասքանչ է այս ձյունոտ ձմեռը: Ծառերը և փողոցները ամբողջովին ծածկված են սպիտակ ձյունով:
Մենք հանգստանալու ժամանակ չունենք, որովհետև մեր կուրսի հիսուն ուսանող պարտքեր ունի, մնացել է «լիկվիդ»: Ես էլ՝ նրանց հետ: Այդ պատճառով այս ձյունոտ ձմեռը ինձ համար արդեն հիասքանչ չէ:

Դանիլով Սամվել
Տուրիզմի ֆակ., 1-ին կուրս

Այս տարի շատ ձյուն եկավ մեր քաղաքում: Ամբողջ Երևանը թաքնվեց սպիտակ ձյան տակ: Շատ գեղեցիկ էր պատուհանից նայել, թե ինչպես է ձյունը փաթիլ- փաթիլ թափվում, և ինչպես են երեխաները ուրախ և զվարթ ձյուների մեջ խաղում միմյանց հետ:
Մի օր ես նույնպես գնացի բակ, որպեսզի զվարճանամ մյուս երեխաների հետ: Եղանակը շատ տաք էր, և շատ հաճելի էր մտնել ձյան փաթիլների տակ:
Գիշերները ձյունը թափով գալիս էր, իսկ առավոտյան, երբ արթնանում էի և մոտենում պատուհանին, այնպիսի տպավորություն էր, որ ես գտնվում եմ ձյան երկրում՝ Ձյան թագավորությունում: Ինձ թվում է, որ եթե մենք հանկարծ ձմեռ չունենայինք, մեր կյանքը կլիներ ոչ այնքան հետաքրքիր. մենք կիոգնեինք ամռանից և այդքան ուրախ չէինք դիմավորի այն, ինչպես որ հիմա ենք անում:
Եկե՛ք, սիրով ընդունենք մեր երկրի եղանակները այնպես, ինչպես որ նրանք կան:

Հովսեփյան Աննա
Տուրիզմի ֆակ., 1-ին կուրս

Ուշադրության է արժանի այն հանգամանքը, որ ուսանողների խոսքում չկան ճոռոմ բառեր, երկար- բարակ նկարագրություններ, սակայն գրեթե միշտ առկա է զգացմունքայնությունը: Ավելին, այս ուսանողների համար Հայաստանում ամեն ինչ այնքան նորովի է ընկալվում, որ Հովսեփյան Աննայի շարադրության մեջ հանդիպած «Եկե՛ք, սիրով ընդունենք մեր երկրի եղանակները այնպես, ինչպես որ նրանք կան» նախադասությունը մի քանի իմաստով է ընկալվում: Նախ՝ ուրախալի է, որ այս ուսանողների համար մի կիսամյակի ընթացքում արդեն երկիրը դարձել է իրենցը (մեր երկրի), հետևաբար իրենց երկրի ամեն ինչն է սիրելի, և վերջապես կարելի է կարծել, թե տարվա չորս եղանակներ և այն էլ այս հերթագայությամբ միայն Հայաստանն ունի: Եվ սա նույնպես ուրախության,

հիացմունքի արդյունք է և կամ գուցե լեզվի թեկուզ փոքր իմացությո՞ւնն է բերել այսպիսի եզրահանգման:

Կարելի էր մեջբերումներ անել նաև տարեվերջյան ռեֆերատներից, սակայն չծանրաբեռնենք հոդվածը, միայն ասենք, որ ուսանողները հիմնականում ինքնուրույն են աշխատել, հասկացել ստեղծագործության թե՛ գեղարվեստական արժանիքները և թե՛ լեզվական նրբությունները:

Այսպես, իրավաբանական ֆակուլտետի ուսանողուհի Իննա Պետրոսյանն իր՝ «Հովհաննես Թումանյանի «Քառյակները» ռեֆերատում ամեն մի քառյակից հետո սեփական մեկնաբանությունն է տվել և որ ուրախալի է՝ ճիշտ է հասկացել գրողի խոհա-փիլիսոփայական միտքը: Նույն ֆակուլտետի առաջին կուրսեցի Նինա Զանգինյանի «Հայ կնոջ կերպարը Հովհաննես Թումանյանի ստեղծագործությունում» ռեֆերատում ուսանողուհին վերլուծությունն իրականացրել է հայ և ռուս գրականություններում հան-դիպող կանանց կերպարների միջև համեմատություններ և զուգահեռներ անցկացնելով:

Հայերենի արագացված ուսուցման մեթոդի արդյունավետությունը ստուգելու նպա-տակով տարեվերջին ուսանողներին բաժանվեցին հարցաթերթիկներ, անցկացվեց անանուն հարցում, որի պատասխանները, մեր կարծիքով, թեև կրավորական են, բայց իրա-կանությանը մոտ են: Կրավորական են, որովհետև ուսանողները պետք է միայն ընդգծեին պատասխանների արդեն նշված դրական կամ բացասական գնահատականը (կարծիք գրելը բացառված էր): Իրականությանը համապատասխանում են, որովհետև հարցումն անցկացվել է ստուգարքից հետո (ստուգարք ստանալու հանգամանքով ուսանողները կաշկանդված չէին):

Հարցաթերթիկից ներկայացնում ենք սոսկ այն հարցերը, որոնք վերաբերում են մեթոդին:

Այն հարցը, թե առաջին տարին ի՞նչ սովորեցին հայերենից, ուներ պատասխան-ների հետևյալ տարբերակները.

ա) գրել-կարդալ,
բ) ուղղագրություն,
գ) բարձրացավ հայերենի իմացության մակարդակը,
դ) գիտակցվեց հայերենն իմանալու կարևորությունը,
ե) ոչինչ էլ չտվեց:

Այս պատասխանները դասավորվեցին հետևյալ կերպ.

1. ա) գրել-կարդալ – 100%, (բացառությամբ մեկի, որը այլ առարկաներից էլ ուներ ցածր գնահատականներ),
2. դ) գիտակցվեց հայերենն իմանալու կարևորությունը – 80%,
3. գ) բարձրացավ հայերենի իմացության մակարդակը – 60%, (այս հարցին պատաս-խանելիս ավելի շատ նկատի է առնվել բառապաշարի հարստացումը, բանավոր խոսքը, կապակցված խոսքի կազմումը),
4. բ) ուղղագրություն – 43%, (պատասխանի ցածր տոկոսը պայմանավորված է դասախոսի՝ ուսանողների իմացությանը տված գնահատականով, քանի որ թեև ուղղագրությունը պարտադիր ծրագրի նյութ է և անցել են, բայց ուսանողների միայն 43 տոկոսն ունի լավ արդյունք, մնացածն աշխատելու և անընդհատ կանոնները վերանայելու կարիք են ունենալու: Իրենք էլ դա զգում են):
5. ե) ոչինչ էլ չտվեց – 0%:

Հայերենի դասավանդման մեթոդների ընտրությանը վերաբերող հարցին ուսա-նողների պատասխանները բաշխվեցին հետևյալ համամասնությամբ.

1. ինտերակտիվ մեթոդները (գործնական խաղ, մրցույթ, իրավիճակի վերլուծություն, ռեֆերատ) – 52%,
2. ուսուցման ավանդական ձևերը (դասախոսություն, տնային հանձնարարություն, թեման ամփոփող գրավորներ…) – 45%,
3. երկու պատասխաններն էլ ընդգծել էին – 2%,
4. չէին պատասխանել (հավանաբար չէին հասկացել) – 1%:

* * *

Ամփոփենք: Հայերենի արագացված ուսուցման այս մեթոդը, պահպանելով հիմնական սկզբունքները, ուսուցման ժամանակակից մեթոդներից է, ունի հեռանկար և համոզված ենք՝ առաջիկայում ևս կմշակվեն համանման այլ մեթոդներ, կկատարելագործվի եղածը, քանի որ ուսուցման յուրաքանչյուր նոր տարի նոր խնդիրներ է առաջադրում: Մի բան միայն պարզ է և արդեն փորձով հաստատված: Այն է, որ հայերենի արագացված ուսուցման այս մեթոդը բոլոր իրավիճակներում սկզբունքային փոփոխություններ չի կրում, մեթոդի գաղափարախոսությունը մնում է նույնը և մեթոդը դասավանդողին լայնորեն հնարավորություն է տալիս ստեղծագործաբար անցկացնել դասերը: Պակաս կարևոր ցուցանիշ չէ արդյունավետությունը: Միայն մեկ ուստարում համալսարանի 52 ոչ հայախոս ուսանողներից 50-ը հաջողությամբ հաղթահարել են իրենց ներկայացված ծրագիրը, և հաջորդ ուստարին նրանց համար կլինի հայերենի ուսուցում՝ մասնագիտական բառապաշարի, տերմինների, կապակցությունների շրջանակում:

Թե որքանով դա արդյունավետ կլինի, ցույց կտա ժամանակը:

ИНТЕНСИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ АРМЯНСКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

РЕЗЮМЕ

Ж. РОСТОМЯН

В 1990-х годах перед РА стала задача сохранения армянского языка в нашей диаспоре. А для решения этой задачи нужно было создавать методику интенсивного обучения армянскому языку.

И вот с 1998 по 2004 год в разных школах г. Еревана внедрялась методика интенсивного обучения армянскому языку. Тогда результат был очевиден. Школьники не только научились языку, но и через один учебный год большинство из них перевелись в армянский сектор для продолжения учебы. В 2005 – 2006 учебном году эта методика экспериментировалась в Российско-Армянском (Славянском) госуниверситете, так как сегодня здесь учатся не только студенты из Армении, но и те, которые приехали из разных регионов СНГ и по понятным причинам не владеют армянским языком.

В данной статье речь идет о том, что было сделано за один учебный год, какие были проблемы и трудности и каковы результаты на конец учебного года.

Можно констатировать, что за один учебный год студенты учились и читать, и писать, и говорить на армянском, научились грамматическим правилам и могут самостоятельно выражать свои мысли как устно, так и письменно. В конце года, после зачетов, был проведен опрос среди студентов, и результаты опроса и комментарии нашли место в этой статье.

INTENSIVE TEACHING

Summary

Zh. Rostomyan

In1990-s Armenia set herself a task to reserve the Armenian language among the Armenians all over the world. One ought to have created the methodics of the Intensive teaching of the Armenian Language in order to solve the problem like that.

Sinse 1998 the methodics of the Intensive teaching of the Armenian language has been applied in different schools of Yerevan. The result was evident. The pupils not only learnt the language but in a year most of them were transferred to an Armenian sector to go on schooling.

In 2005-2006 this methodics was practiced in the Slavonic (Russian-Armenian) University as a lot of students from different countries of the Community of Independent States study there besides those from Armenia and they don't master the Armenian language. This article is a report on what was done during one school year, what hardships and problems were on the way and what results were achieved at the end of the year.

The students learnt to read, write and speak Armenian in a year are able to express their thoughts both orally and in written form. At the end of the year the students were questioned the results of that questioning are reflected in this article.

Հայոց լեզու առարկայի դասավանդման առանձնահատկությունները Ռուս-հայկական (Սլավոնական) համալսարանում

Բառնասյան Զ.

Ռուս-հայկական(Սլավոնական) համալսարանում ***հայոց լեզու*** առարկայի դասավանդումն ունի որոշակի առանձնահատկություններ՝ պայմանավորված այն հանգամանքով, որ առաջին կուրսում միևնույն լսարանում են հայտնվում և՛ հայկական դպրոցում լեզվական պատշաճ մակարդակ ձեռք բերած շրջանավարտներ, և՛ ռուսական կրթություն ստացած, հայերենի թերի իմացությամբ, շատ դեպքերում՝ ոչ տառաճանաչ ԱՊՀ քաղաքացիներ, որոնց մտածողության և հաղորդակցության միակ լեզուն ռուսերենն է: Բոլոր առաջին կուրսեցիները ուսումնական տարվա սկզբում նախապես խմբավորվում են ըստ հայերենի իմացության մակարդակի: Տարբերակվում են հայերենից «ուժեղ» և «թույլ» խմբեր՝ ուսուցումը տարբեր ծանրաբեռնությամբ կազմակերպելու նպատակով:

Հայագիտության ամբիոնի կողմից մշակվել ու ներդրվել է հայոց լեզվի գործնական պարապմունքները որոշակի փուլերով իրականացնելու 2 **ծրագիր**՝ պայմանավորված հայերենի իմացության աստիճանով:

Ինչպես հանրապետական ցանկացած բուհում, այնպես էլ Ռուս- հայկական պետական համալսարանում ուսանող ապագա մասնագետը պիտի կարողանա ՀՀ պետական լեզվով կիրթ ու գրագետ շարադրել իր մտքերը՝ զերծ մնալով ուղղագրական և ուղղախոսական սխալներից, ունենա հարուստ բառապաշար, տիրապետի իր ընտրած մասնագիտության տերմինների հայերեն համարժեք ձևերին: Հենց այս խնդիրների լուծման մեջ է տեսնում համալսարանի Հայագիտության ամբիոնն իր առաքելությունը:

Գաղտնիք չէ, որ հայերենի այբուբենին անծանոթ են ՌՀՀ-ի այլազգի կամ հանգամանքների բերումով ռուսախոս միջավայրում մեծացած ու միջնակարգ դպրոցը ՌԴ -ում ավարտած հայազգի շատ ուսանողներ, որոնց հայոց լեզվից բավարար գիտելիքներ հաղորդելու գործընթացն առավել արդյունավետ կարող է լինել ռուսերենի իմացությունից հմտորեն օգտվելու պարագայում: Այս կարգի ուսանողների համար գործում է գրաճանաչությամբ սկսվող և որոշակի թեստային ստուգումներով ավարտվող մի դասընթաց:

Ինչպես ցանկացած օտար լեզվի, այնպես էլ հայոց լեզվի ուսուցումը պետք է սկսել հաղորդակցական հմտություններ մշակելով: Տառաճանաչության փուլում հատուկ ուշադրություն պետք է դարձնել այն տառերին, որոնք պակասում են ռուսական այբուբենում /**Փ, Ք, Թ, Չ, Ծ, Ձ, Ճ, Ղ, Ը**/ : Աշխատատար գործընթաց է այդ հնչյունների ճիշտ արտաբերումը մշակելը, ինչպես նաև **Ր** և **Ռ** հնչյունների տարբերությունը հայերեն չիմացող ուսանողներին պարզաբանելը:

Դասընթացի այս առաջին փուլն արդյունավետ կլինի, եթե սկզբնական շրջանում համեմատության համար հիմք ընդունենք ռուսերենը՝ նմանությունների և տարբերությունների ընդգծումով: Տառաճանաչության գործընթացը պետք է զուգորդել բառապաշարի հարստացման հետ: Հնարավորինս ընդլայնելով ուսանողի բառապաշարը՝ պետք է սովորեցնել դասդասել ու խմբավորել բառերն ըստ կազմության, ըստ իմաստի և այլն: Հոմանիշ, հականիշ, նույնանիշ, բազմիմաստ բառերի մասին խոսելիս կարելի է համարժեք օրինակներ բերել ռուսերենից: Առավելագույն թվով բառեր մտապահելու համար հանձնարարելի են խաղ-վարժությունները՝ միևնույն միտքը բոլորովին այլ բառերով վերարտադրելու եղանակով: Բառապաշարի հարստացմանը մեծապես նպաստում են փոխադրություններն ու նպատակային արտագրությունները, որոնց հետ տրվում է նաև որոշակի առաջադրանք՝ փնտրել ու գտնել լեզվական համապատասխան ձևեր՝ շարունակելու և ավարտին հասցնելու համար անավարտ միտքը, կամ, ասենք, նոր վերջաբան գտնել տվյալ պատմության համար:

Հայերենում և ռուսերենում բարդ և ածանցավոր բառերի նմանատիպ կազմությունը համեմատական աշխատանք կատարելու լայն հնարավորություն է ընձեռում և թեմայի ուսուցումը դարձնում է առավել ընկալելի: Գոյականակերտ, ածականակերտ, մակբայակերտ ածանցների մասին խոսելիս ցանկալի է օրինակներ բերել հայերենից

ռուսերեն և ռուսերենից հայերեն կատարված դասական թարգմանություններից: Բառարանների կիրառությունն առավել արդյունավետ կդարձնի այս փուլը:

Հայագիտության ամբիոնը լեզվի յուրացումն ու տիրապետումը տեսնում է սերտ միասնության մեջ՝ ուսանողներին ազգային արժեքներին, պատմամշակութային հուշարձաններին ծանոթացնելու, գրականության ու արվեստի օջախներ հաճախելու, մշակութային միջոցառումներին գործուն մասնակցություն ունենալու հետ :

Հայոց լեզու առարկայի դասավանդման փուլերը

Հայոց լեզու առարկայի գործնական դասընթացի համար նախկինում (մինչև 2007-2008 ուս. տարին) ՌՀՀ բոլոր ֆակուլտետներում հատկացվում էր 4 կիսամյակ (280 ժամ): Ընդ որում՝ լեզվական գիտելիքների ուսուցմանը նախկինում տրվում էր 210 ժամ, մնացած 70-ը հատկացվում էր հայ գրականության դասավանդմանը: ՌՀՀ որոշ ֆակուլտետներում (լրագրության, տնտեսագիտության) նախատեսված էր նաև **«Մասնագիտական հայոց լեզու»** լրացուցիչ դասընթացը (36 ժամ):

Այս ուսումնական տարվանից լեզուների ուսուցման հարցում առկա է այլ մոտեցում. 280 ժամի փոխարեն նախատեսվում է **140** ժամ՝ բացառությամբ լրագրության ֆակուլտետի (հասկանալի պատճառով): Դեռ ավելին. լրագրության ֆակուլտետում նախատեսվում են հայերենով դասավանդվող մի շարք դասընթացներ՝ տեքստաբանություն, խմբագրական վարպետության դասընթաց և այլն:

Հայոց լեզվի գործնական պարապմունքների դասընթացն առաջին հերթին նպատակաուղղված է ուսանողների բանավոր և գրավոր խոսքը մշակելուն, զարգացնելուն: Դասընթացն ավարտվում է քննությամբ,որի շնորհիվ բացահայտվում և գնահատվում է ուսանողի պատրաստականությունը ամբիոնում հաստատված չափորոշիչներով:

Առաջին կիսամյակի սկզբում միմյանցից տարանջատված «թույլ» և «ուժեղ» խմբերի համար հայոց լեզվի դասավանդման ծրագիրը նույնն է: Տարբերություններ կան ուսուցումը տարբեր ծանրաբեռնությամբ կազմակերպելու հարցում միայն, իսկ **«հատուկ »** (ոչ տառաճանաչ) խմբի ծրագիրն էականորեն տարբեր է:

Առարկայի դասավանդումն առաջին երկու կարգի խմբերում սկսվում է հայոց լեզվի ծագման, աշխարհի լեզուների շարքում գրաված տեղի ու դերի, ինչպես նաև նախագրային ու գրավոր շրջանների զարգացման փուլերի մասին դասախոսությամբ՝ նպատակ ունենալով հետաքրքրություն առաջացնել մայրենի լեզվի հանդեպ:

Իհարկե, ուսանողի՝ հայերենի իմացության աստիճանը ճշգրտվում, և խմբավորումն առավել որոշակի է դառնում ուսուցման գործընթացում, թեև առավել տրամաբանական կլիներ ընդունելության քննությունների ժամանակ հարցազրույցի մեթոդով նախնական խմբավորում կատարելը, որն առայժմ չի ներդրվում՝ ինչ-ինչ հանգամանքներից ելնելով:

Միջնակարգ դպրոցի շրջանավարտին առաջադրվող պահանջները բավարարող ուսանողների համար նախատեսվող դասընթացն այս ուսումնական տարվանից կկազմակերպվի խտացված ծրագրով՝ պահպանելով հայոց լեզվի դասընթացի համար ավանդաբար ընդունված բաժինների համամասնությունը ուսումնառության հետևյալ փուլերով.

* Հնչյունաբանություն (ուղղագրություն և ուղղախոսություն),
* Բառագիտություն (բառապաշար, բառակազմություն, բառիմաստ),
* Քերականություն (ձևաբանություն, շարահյուսություն),
* Ոճագիտություն (բառային և քերականական):

Հարկ է նշել, որ դասաժամերի կրճատմանը զուգընթաց փոքր-ինչ փոխվել է վերոհիշյալ բաժինների կշիռը ուսումնառության մեջ՝ նախապատվությունը տալով խոսքի մշակույթին և հնարավորության չափով կրճատելով քերականության չափաբաժինը: Քերականության երկու խոշոր բաժիններին՝ ձևաբանությանն ու շարահյուսությանը, հարկավոր է շատ ավելի համառոտ կերպով անդրադառնալ՝ ավելի շատ ժամանակ տրամադրելով բանավոր խոսքի, հաղորդակցական ունակությունների զարգացմանը:

Ուղղագրության և կետադրության հիմունքների իմացության ամրակայման նպատակով պարբերաբար պետք է տալ ուսուցողական և ստուգողական թելադրություններ, թեմատիկ շարադրություններ, թեստային վարժություններ:

Հայերենի բավարար իմացությամբ ՌՀՀ ընդունված ուսանողներին հայոց լեզվի գործնական պարապմունքների ընթացքում ծրագրվում է տալ բավարար գիտելիքներ նաև հայ գրականության, հայ մշակույթի մասին:

«Թույլ» խմբերի համար հայոց լեզվի ուսուցման դասընթացի առաջին փուլը ենթադրում է սահուն ու անկաշկանդ ընթերցանության աստիճանական մշակում, դրան զուգընթաց՝ նաև ուղղագրության և ուղղախոսության կանոնների ուսուցում:

Բանավոր խոսքի ունկնդրումը լսարանային և արտալսարանային պայմաններում, արտագրությունները, բառային թելադրությունները, տրված բառերով կապակցված տեքստ կազմելու ունակության աստիճանական ձեռքբերումը ցանկալի է զուգորդել հայերենի քերականական կարգերը ներառող երկխոսությունների հետ:

Ներկայացնենք ծրագրային դրույթներից բխող դասընթացին առնչվող մեթոդական որոշ նկատառումներ՝ պայմանավորված այս բուհի առանձնահատկությամբ.

1.Հնչյունաբանություն

Այս բաժնում ուսումնասիրվում է ժամանակակից հայոց լեզվի հնչյունական կազմը: Հատուկ ուսումնասիրության առարկա են դառնում **ուղղագրությունը**(հնչյունների և տառերի հարաբերակցությունը, գրության նորմերը) և **ուղղախոսությունը** (արտասանական նորմերը): Առանձնացվում են հետևյալ թեմաները.

*Ձայնավորների ուղղագրությունը և ուղղախոսությունը
*Երկհնչյունների ուղղագրությունը և ուղղախոսությունը
*Բաղաձայնների ուղղագրությունը և ուղղախոսությունը
*Շեշտի ուղղախոսությունը և այլն:

Ուղղագրական արժեք ունեցող բառի ճիշտ գրությանը նպաստում են բառը լսելը, բառի կազմությունը վերլուծելը: Իսկ մնայուն գիտելիք ձեռք է բերվում միայն նպատակային վարժություններով, արտագրություններով, թեստային աշխատանքներով: Ամենօրյա վարժանքով մշակվում է ուսանողների խոսքը,իսկ լսարանում հանպատրաստից ծավալվող երկխոսությունները նպաստում են սովորածը ամրակայելուն:

2. Բառագիտություն

Մեր դասընթացի այս փուլը կազմող թեմաները նպատակահարմար է ուսուցանել ավանդաբար ընդունված կարգով՝ **բառապաշար, բառակազմություն, բառիմաստ :**

Բառակազմություն (ածանցում, բառաբարդում, հապավում) թեման ուսուցանելիս անհրաժեշտաբար համեմատության եզրեր ենք փնտրում ռուսերենի հետ՝ շատ դեպքերում լեզվական այս բնագավառում առկա իրողությունների նմանությունն ու նույնությունը բացատրելիս անդրադառնալով լեզվի պատմության խնդիրներին:

Բառիմաստի խնդիրները քննելիս հոմանիշների, հականիշների ուսուցումը առավել արդյունավետ կարող է լինել հայ գրականությունից ընտրված նյութերի շնորհիվ:

Ուսանողի բառապաշարը հարստացնելու համար խիստ նպատակահարմար է թեմատիկ բառացանկեր թելադրելը: Օրինակ, ասենք, մարզական կյանքի վերաբերյալ բառերի շարք, ինչպես՝ *մրցաշար, խաղադաշտ, մրցավար, ջրագնդակ, չմշկավազք, գեղասահք, զուգասահք* և այլն: Կամ, ասենք, տնային իրեր, կահկարասի՝ *կահույք, բազմոց, զգեստապահարան, լողարան, ցնցուղ, ծորակ, խոհանոց, գազօջախ, փոշեկուլ, սուրճ, սրճեփ, սկուտեղ* և այլն: Եթե մշտապես տրվեն առաջադրանքներ՝ գրավոր և բանավոր խոսքում կիրառելու այդպիսի բառեր, ապա աստիճանաբար դրանք կդառնան ուսանողի սեփականությունը և տեղ կգտնեն նրա գործուն բառապաշարում:

Բառապաշարի ուսումնասիրության ընթացքում պետք է կարևորել «Մասնագիտական բառապաշար» թեման, որի շրջանակներում ուսանողները յուրացնում են իրենց ընտրած մասնագիտությանն առնչվող բառերն ու հայերեն տերմինները:

Վերոհիշյալ երկու բաժիններին (հնչյունաբանություն և բառագիտություն) ըստ նոր՝ խտացված ծրագրի հատկացվում է 1 **կիսամյակ:**

3.Քերականություն (ձևաբանություն և շարահյուսություն)

Այս փուլում հայերենի քերականության 2 բաժինների՝ ձևաբանության և շարահյուսության փոխկապակցված ուսուցումը պարտադիր պայման է:

Ձևաբանության ուսուցումը հենվում է շարահյուսության վրա, ինչպես որ ձևաբանական շատ հարցեր մեկնաբանվում են նախադասության մեջ (օր՝ հոլովները, բայի սեռը, կապերը և այլն): Այսպիսի փոխկապակցված ուսուցումը հեշտացնում է նյութի ընկալումը: Առանձին-առանձին ուսուցանվում են հայերենի խոսքի մասերը՝ գոյական, ածական, թվական, դերանուն, բայ, մակբայ, կապ, շաղկապ, ձայնարկություն, սակայն անհամեմատ ավելի կարճ ժամանակահատվածում, քան նախատեսվում էր նախկին ծրագրով:

«Շարահյուսություն» բաժնում անդրադառնում ենք նախադասության տեսակներին, անդամներին: Համապատասխան օրինակներ առաջարկվում է ընտրել գեղարվեստական գրականությունից՝ օգտագործելով տվյալ ֆակուլտետի համար նախատեսվող ընթերցանության նյութերը:

Քերականության ուսուցման գործընթացում առանձին փաստերից ընդհանուրին հասնելու մեթոդից բացի կիրառելի է նաև հակառակը՝ ընդհանուրից դեպի մասնավորը: Քերականության բաժնում գործնական աշխատանքները կարող են լինել տարբեր բնույթի՝ նմանությունների ու տարբերությունների հայտնաբերում, ձևաբանական և շարահյուսական վերլուծություններ և այլն:

Քանի որ ՌՀՀ-ում քերականության ուսուցումը գերազանցապես գործնական նպատակներ է հետապնդում, ուստի և ամեն դաս, քերականական ամեն կանոնի ուսուցում պետք է զուգորդվի գրավոր և բանավոր խոսքի մշակման գործընթացին: Գեղարվեստական գրականությունից ընտրվող օրինակները և դրանց վերլուծություններն այն առավելությունն ունեն, որ հղկում, մշակում են խոսքը՝ միաժամանակ գրական ճաշակ ձևավորելով ու զարգացնելով ճիշտ և դիպուկ ընտրված գործերի ընթերցանությամբ: Այլ կերպ ասած՝ **քերականության** դասավանդման փուլն առավելագույն չափով պետք է զուգորդվի գրական ընթերցումների, վերաշարադրանքի, ինչպես նաև ճիշտ և սխալ ձևերի, ոճական անհարթությունների քննարկման աշխատանքների հետ:

Հայերեն լեզվամտածողություն զարգացնելու նպատակով ուսանողներից պետք է պահանջել կաղապարային մտածողության հանդեպ ժխտողական վերաբերմունք՝ պարբերաբար անդրադառնալով ռուսերենի ազդեցությամբ կապերի սխալ գործածության դեպքերին (ապրել փողոցում և ոչ թե՝ փողոցի վրա, ջութակ նվագել, ոչ թե՝ ջութակի վրա): Այս բաժնի թեմաներից մեկը կարելի է անվանել *«ճիշտ և սխալ»*՝ հնարավորություն տալով ուսանողներին գտնել ու մատնանշել առօրյա խոսքում հանդիպող սխալները:

Շարահյուսական խնդիրների շրջանակում ուսուցանվում է նաև «Հայերենի կետադրությունը» թեման՝ հետևյալ հերթականությամբ՝ *տրոհության, հնչերանգի, բացահայտության նշաններ:* Կետադրության նշանների քննությունը հնարավորություն է տալիս լայնորեն անդրադառնալու պոեզիայի, արձակի ընտիր նմուշներին:

Վերոհիշյալ թեմաները հաղթահարած ուսանողի համար դժվարություն չի ներկայացնում համր բնագրեր լրացնելը, թելադրություն և թեմատիկ շարադրություն գրելը:

4. Ոճագիտություն

Քերականական բազմազան իրողությունների ուսումնասիրության ընթացքում չպետք է անտեսել կենդանի խոսք կառուցելու հմտությունների խնդիրը: Հասկանալի է, որ լեզվի

իմացություն, լեզվառճական հմտություններ կարելի է ձեռք բերել միայն հատուկ վարժություններով, գործնական պարապմունքներով:

Ուսանողներին աստիճանաբար ծանոթացնելով լեզվի գործառական տարբեր ոճերին՝ գործնական վարժություններով նրանց տրվում է խոսքային միջավայրը հաշվի առնելու ունակություն: Ավելորդ է ասել,որ երկրի ամեն մի կիրթ քաղաքացի պիտի կարողանա ըստ անհրաժեշտության գրել գործնական գրություն՝ **դիմում, զեկուցագիր, պահանջագիր, լիազորագիր**:

Մեկ ուսումնական տարի տևող դասընթացը բավարար կարող է համարվել , եթե դասընթացի ավարտին ուսանողը կարողանում է ազատ հաղորդակցվել շրջապատում, զրուցել, գրել, կարդալ, գրավոր ու բանավոր շարադրել իր մտքերը, թարգմանել իր նեղ մասնագիտությանը վերաբերող նյութեր:

* ՌՀՀ որոշ ֆակուլտետներում (առայժմ՝ միայն լրագրության) նախատեսվող **«Մասնագիտական հայոց լեզու»** կուրսը նպատակ է հետապնդում ուսանողներին հնարավորինս ծանոթացնել իրենց մասնագիտական հատուկ բառապաշարի տերմինային համակարգին, նորաբանություններին, նպատակային վարժանքներով զարգացնելու թարգմանական հմտություններ: Բառաստեղծական ճկուն հնարավորությունների շնորհիվ հայերեն նորաբանությունները հաճախ գերազանցում են այլալեզու համարժեք ձևերին տրամաբանվածությամբ, թափանցիկությամբ, միանշանակությամբ: Այս տեսակետը ոչ թե պարզապես պետք է պարտադրել ուսանողին, այլ հնարավորություն տալ համոզվելու դրանում՝ վերջին շրջանում հայերենի բառապաշարը համալրած նորաբանությունների հետ ծանոթացնելով:

2-րդ կիսամյակի ավարտին նախատեսվում է քննություն: Քննական հարցատոմսերում ընդգրկված է ծրագրային ողջ դասընթացը: 3-րդ հարցի պահանջով տրվում է թեստային աշխատանք, այդ թվում՝ բանավոր խոսք կառուցելու առաջադրանք՝ մասնագիտական թեմաներով:

Հայոց լեզվի ուսուցումը զուգորդելով հայ գրականության համար նախատեսված արտալսարանային պարապմունքների հետ՝ արդյունքում կարող ենք ունենալ համակողմանի զարգացած, կիրթ ու գրագետ շրջանավարտներ, որոնք իրենց մասնագիտական ունակությունները կարող են դրսևորել **3** լեզուներով՝ հայերենով, ռուսերենով և անգլերենով:

Հենց այս խնդիրն էլ համալսարանի ղեկավարությունը դնում է լեզուների ամբիոնների, այդ թվում՝ Հայագիտության ամբիոնի առջև:

ՌՀՀ հայագիտության ամբիոնը գործում է 2000 թվականից: Այն ի սկզբանե եղել և մնում է համահամալսարանական ամբիոն՝ կազմակերպելով ***հայոց լեզու և հայ գրականություն*** առարկաների դասավանդումը բոլոր ֆակուլտետներում: Ցանկացած բուհի վարկանիշը պայմանավորված է պրոֆեսորադասախոսական կազմով և շրջանավարտների մակարդակով: Ամբիոնում դասախոսում է 22 մասնագետ, 10-ը՝ գիտական աստիճանով, որոնցից 6-ը՝ դոցենտի գիտական կոչումով:

Джемма Барнасян, к.ф.н., доцент

Особенности преподавания армянского языка в Российско-Армянском(Славянском) государственном университете.

Резюме

Преподавание предмета «Армянский язык» в РАУ имеет определенные особенности, обусловленные тем, что в аудитории оказываются и выпускники с надлежащим уровнем языковой подготовки, приобретенным в армянской школе, и граждане СНГ с русским образованием, но с неполным знанием армянского, во многих случаях – безграмотные, единственным языком мышления и обучения которых является русский язык. Все первокурсники в начале учебного года предварительно группируются в соответствии с уровнем знания армянского. Различаются «сильные» и «слабые» групы с целью организации обучения с различными нагрузками.

Будущий специалист, обучающийся как в любом вузе республики, так и в Рау, должен уметь излагать свои мысли грамотно, без орфографических и речевых ошибок, иметь богатый словарный запас, владеть армянскими эквивалентными формами терминов по выбранной специальности. Именно в решении этих задач и видит свою миссию кафедра арменоведения университета.

Освоение и владение языком кафедра арменоведения видит в тесном единстве процессов ознакомления студентов с национальными ценностями, с историко-архитектурными памятниками, а также посещениями очагов литературы и искусства, действенным участием в культурных мероприятиях.

Jemma Barnasyan

The particularities of teaching the Armenian language at Russian-Armenian (Slavonic) State University.

Пирумов Э. Ф.

НАРЕКАЦИ

**Кто ты – отец-отшельник иль пророк,
Монах иль гений... жизнью искушенный,
Откуда слов твоих безудержный поток...
Несется к нам, веками не сломленный.
Каких несчастий, мук, великих бед...
Свидетель ты, или участник бренный,
Иль очевидец ты погибельных побед,
Что предложил лукавый и презренный.
В раскаянье, в признании в грехах,
В любви и милосердии во власти,
Признался всем в отчаянных годах,
В молитвах и слезах отринув волю страсти.
Стенаний скорбных, сердца крик и стон,
В тоске и в одиночестве печали,
Приняв прошедшего немыслимый урон,
Грядущее увидел, в блеске страшном стали.
Как странно, не распалась связь времен
Заполненных... предательством и страхом,
Наверно, каждый в жизнь свою влюблен,
Решая в жизни все одним единым махом.
Признаний скорбных сердца одолел,
Мольбой и устремленьем песнопений,
Примером покаянья как сумел,
Простить всех нас от ложных устремлений.
Раскаянье свое ты возложил...
На свой алтарь, расплавленный от боли...
Всем тем, кто будет жить, кто жив и жил
Ты предложил спасенье...
От неволи –
Бесчестия, порока, злобы бытия,
Участливого лживого бездушья,
Бесстыдства и увечного тщедушья,
Проклятья затаенного стыда.
Времен унесшихся опавшая волна
Нас бередит виденьем лет смиренных,
И как всегда надеждой жизнь полна
В моей душе, в волненьях дней нетленных...**

МАРИЯ АВАКЯН
«КАК МАЛО В ЭТОМ ДЕТСТВЕ СНОВ...»

С большим удовольствием, можно сказать, просто с наслаждением, прочел книгу Марии Авакян. Повесть «Как мало в этом детстве снов...» потрясла меня свежестью детских воспоминаний и совершенно несвойственной молодому возрасту автора тоской. Такую же безмерную грусть, если не сказать более, щемящую печаль, как говорят, испытал и я, отдаваясь горьким и сладким волнам детских воспоминаний. В моем случае это объяснимо: мой закат не так уж далек. Но откуда в авторе столько щемящей грусти? Что за глубина, что за сущность, достойная восхищения, и как щедры были «мойры» судьбы, наделив автора книги таким литературным вкусом и писательским несомненным даром, прекрасной способностью передачи читателям своих переживаний и чувств, даже возможностью перевернуть все его нутро с ног на голову, «превращая» свою боль в его собственную. Такой молодой и такой мудрый, тактичный, тонкий и наблюдательный писатель. Такое сочетание встречается нечасто. Вместе с восхищением хочется напутствовать автора: она обладает удивительным талантом приоткрытия завес женской души. Хотелось бы пожелать «доброго пути» в углублении условно названной «женской» темы, которая в нашей художественной литературе не получила широкого распространения. Автор способен в этой сфере чувствовать себя раскрепощенной, смелым и убедительным способом проникать в глубины души своих героинь, сочными мазками создавать потрясающие истории их переживаний. Свидетельство этому – небольшой, но чудесный рассказ «Измена», который просто околдовал меня своей абсолютной искренностью. Или другой, не менее потрясающий рассказ о трагедии бабушки, опыт самой древней «профессии» которой на бывшей улице Горького был передан ее внучке на сегодняшней Тверской улице «ночных бабочек»... Да, выстрел прошлого всегда «преображается» в настоящем пушечным залпом...

Довольно долгое время зная автора книги как привлекательную и скромную личность, даже по недоразумению принимая ее за пропустившую свой шанс замужества девушку, которую искренне хотел... выдать замуж, я и представить себе не мог, что рядом живет, мыслит, творит совершенная женщина, вдумчиво смотрящая на мир, и своей женской душой способная оценить его добро и зло, по-женски мудрая личность, которая сразу же стала... родной и близкой.

Благословляю предстоящий ей путь: пусть будет особенно обильным ее творческий урожай, щедрая часть которого впредь досталась бы и мне, сейчас и навсегда ставшему самым преданным ее читателем, влюбленным в литературу.

Ованнисян Р. А.